

84(2р=Балк)

Г954

912268

Эльдар Гуртуев

**ТОЧЬ-В-ТОЧЬ,
КАК В ЖИЗНИ**

Рассказы

Перевод с балкарского

Художник А. И. Ременник

912268

Балкарский Государственный университет
г. Нальчик, ул. Н. С. Кривской
гор. Нальчик, ул. Ногмова, 42

Москва

• СОВЕТСКАЯ РОССИЯ •

1980

~~Объединенная районная
БИБЛИОТЕКА
имени Маяковского
КЕЛАС~~

С(Кав)2
Г95

Г $\frac{70303-051}{M-105(03)80}$ 148-80 4702110000

АВТОБИОРАССКАЗ

Салам-aleyкум, дорогой читатель!

Двери моей скромной сакли открыты для тебя. Входи, желанный кунак, выпей холодного балкарского айрана, найдется и шашлык. А я постараюсь, чтобы ты не скучал, и поведаю несколько рассказов из жизни моего народа, из своей тоже. Кто знает, может, один из них тебе и понравится. И тогда ты, надеюсь, снова и снова будешь приходить, чтобы послушать смешные и несмешные истории моего горного края, называемого Кабардино-Балкарией.

Но прежде позволь представиться.

Зовут меня... это ты успел прочесть на обложке. Живу я... о том, где я живу, тоже сказано. Возраст... лет десять тому я был заметно моложе, а лет двадцать — совсем молодой — юноша. Очень люблю всякие смешные и вполне серьезные истории. Впрочем, и об этом ты догадался сам. Основные черты характера: смеюсь, когда смешно, грущу, когда грустно. С самого рождения. А родился я в один из знойных дней, каковые нередко случаются в моем родном Нальчике. Случилось так, что род Гуртуевых обрел нового гражданина. В этот день, конечно, много еще родилось и других юных граждан. Но для наших случившееся было все же весьма примечательным событием. Ибо этот «новый», то есть я, оказался первым из рода Гуртуевых, чье появление на свет официально зафиксировали в соответствующей солидной книге не менее солидного учреждения и подтвердили несколькими авторитетными подписями. После этого, не успев даже как следует осмотреться, я получил первый в жизни документ, напоминающий облигацию трехпроцентного займа и имеющий большую, величиной в ладонь, круглую печать с государственным гербом посередине.

Балкарцы раньше не придавали значения подобным

формальностям: «Родился, ну и слава аллаху, пусть живет». Сам факт доставлял моим милым предкам немало хлопот. Но я был не из тех дореволюционно родившихся и быстро сориентировался в обстановке. Первым делом получил права, добытые теми, кто и года-то своего рождения толком не помнил. Потом... получил авторский экземпляр этой книги.

Немалый промежуток времени между рождением автора и рождением этой книги я в меру сил своих старался разумно заполнить. Иначе говоря, были написаны и другие разные книги, до которых я более или менее прилежно учился в университете. Перед этим работал фельдшером. Но прежде, разумеется, несколько лет пришлось изучать премудрости лекарского искусства, что в свою очередь предполагало окончание семилетки. А еще раньше, как было сказано выше, родился и начал все с постановки голоса. Последний, как утверждает моя мать, был настолько внушительным, что поднимал соседей в полночь, как по тревоге. А вот насколько он окажется звучным в этой книге — пусть судит дорогой читатель.

Итак, добро пожаловать, дорогой кунак, в мою скромную саклю-книгу, называемую «Точь-в-точь, как в жизни».

С уважением *Эльдар Гуртуев*

Юмористические рассказы

ВОТ ТАК И ЖИВЕМ

С некоторых пор уйма народу ежегодно тратит свой отпуск на то, чтобы как можно выше забраться в горы, как можно больше испортить там фотопленки и как можно дальше от удобств цивилизованного мира устраиваться каждый вечер на ночлег.

Наше селение самое высокогорное, и потому стало самым популярным среди великого множества организованных и «диких» туристов.

Нашествие загорелых, как бедуины, кочевников начинается с наступлением первых теплых дней. И где они успевают хлебнуть столько солнца, что к нам являются уже с облезлыми носами, одному аллаху ведомо!

В летний сезон дороги, тропы и тропинки вокруг селения запружены путниками всех возрастов и профессий. Такого движения в наших краях не бывает даже во время перегона овец.

В общем, стало наше селение настоящей туристской Меккой.

И этих паломников у нас бывает, наверно, не меньше, чем правоверных ревнителей корана в столице мусульманства.

Следует заметить, что верховный создатель, видимо, пребывал в приподнятом настроении духа, когда колдовал над тем участком земной тверди, где удалось обосноваться моим предкам. Фантазия и художественный вкус ему здесь не изменили — это уж точно!

На его щедрость тоже не приходилось жаловаться. Земля вокруг села жирная, плодородная: пастбищные склоны покрыты сочным зеленым разнотравьем — так что овцам нашим истощение не грозит, а красоты вокруг столько, что хватит для эстетического воспитания сотен поколений горцев.

Ну, а главная достопримечательность села — это мои односельчане. Уж если вы хоть раз к ним попали, они обязательно постараются сделать так, чтобы вы потом скучали и тосковали по нашим местам всю свою остальную жизнь. Мои односельчане такие... они самые-самые... Впрочем, речь у нас пойдет совсем не об этом. Я собираюсь рассказать только один случай.

В один из жарких летних дней, жарких еще и потому, что стояла пора сенокоса, северную границу нашего населенного пункта пересекла небольшая группа иностранных туристов. То, что они иностранцы, было ясно даже босоногой ребягине, которая мгновенно и со всех сторон окружила редких гостей и заняла выжидательную позицию. Наблюдение не ослабевало ни на секунду. Говорили приезжие на каком-то непонятном языке, были одеты ярко и, надо сказать, довольно смело для высокогорья. Мужчины — в легких рубашечках-распашонках и коротких, выше колен, штанишках, на сухих шеях — косыночки, повязанные, как пионерские галстуки. Женщины... женщины, в общем, тоже были в некоторой степени одеты.

Пока гости воздавали должное шипучему балкарскому айрану (старушка из ближайшего дома предложила иноземцам этот дивный напиток вместо воды), примчал на своем «газике» неутомимый Солтан, председатель нашего сельсовета.

Молодой парнишка-переводчик сообщил Солтану, что интуристы желают ознакомиться с жизнью и бытом местных горцев.

— Благодарю за внимание,— начал свою речь председатель сельсовета,— но сейчас почти все на сенокосе, на пастбищах и на фермах. Не могли бы вы подождать до вечера?

Руководитель группы, самый высокий, костлявый мужчина, с аккуратно подстриженными усиками, удивился:

— Неужели даже побеседовать не с кем?

— Одни старики и дети,— развел руками Солтан.— Хотите, будьте моими гостями. А вечером народ соберется в клуб на концерт. Тогда хоть со всеми сразу можете беседовать.

— Нам было бы интересно поговорить и со старым горцем,— сказал усатый.— Не представите ли вы нас ка-

кому-нибудь почтенному джентльмену, который рассказал бы о прошлом и настоящем вашего села?

Солтан немного подумал и ответил:

— Конечно, можно. Вот в том доме живет старый партизан Биаслан...

— О!— обрадовался руководитель группы.— Это очень хорошо! Не будете ли вы настолько любезны познакомить нас со старым партизаном?

Солтан тут же пожалел, что имя Биаслана так неосторожно сорвалось с его языка. Лучше бы он назвал кого-нибудь другого. Биаслан — человек трудный. Его язык страшнее сучковатой кизиловой палки, такой, что камень расколет. У Биаслана одна радость — своими злыми шутками человека в краску вгонять. Как бы он не обидел иностранных гостей! Биаслан, он такой! Еще международный конфликт устроит! Вот если бы старика не оказалось дома...

Но Биаслан оказался дома. Он сидел на веранде и мастерил для соседского малыша люльку. Младшая внучка Биаслана Тамара, расположившись на скамеечке рядом с дедушкой, читала книгу, а хозяйка дома деловито ошпывала на кухне петуха.

Не вдруг поднялся Биаслан навстречу гостям и не сразу усадил их за стол. Прежде всего он внимательно осмотрел каждого с головы до ног, покачал головой, потом с каждым в отдельности поздоровался за руку.

Между тем Тамара с бабушкой быстро поставили на стол горячие гырджыны¹, сметану, масло и полиэтиленовую канистру с айраном.

— Кушайте, дорогие чужеземцы, небось проголодались с дороги,— сказал Биаслан.— После скажете, что вам надо от старика. А вечером устроим курманлык². Считайте, что вам повезло: сегодня приезжает из Москвы мой самый любимый внук. На каникулы. Тогда и пить будем по всем правилам. А ты, девочка,— обратился Биаслан к Тамаре,— беги в магазин. Купи только тех, что со звездочками. А если этот собачий сын начнет врать, будто они кончились, скажи: во-первых, я о его спину свою палку обломаю, во-вторых, иностранные гости приехали. Прием у меня. Понятно?

¹ Гырджыны — лепешка.

² Курманлык — здесь: угощение.

А пока гости церемонно, но дружно и не без удовольствия начали приобщаться к балкарской кухне.

Старший из гостей обратился через переводчика к хозяину дома:

— Уважаемый мистер Биаслан! Расскажите нам о том, что принесла коммунистическая власть кавказским горцам. У вас ведь пятидесятилетие большевистской революции, и нам бы хотелось знать, как изменилась жизнь местных горцев за это время.

Аксакал¹ изучающим взглядом посмотрел в лицо гостя и спросил:

— А ты, случайно, не капиталист?

— Э-э, как вам сказать...— замялся иностранец.— У меня есть, э-э-э, кое-какие деньги, акции. Я маленький капиталист. Но во время войны тоже бил нацистов. Да, да! На Западном фронте.

— Так о чем же рассказать тебе, западный фронтовик?— с хитрой ухмылкой спросил Биаслан.

— Ну, просто о жизни, как обстоит дело с просвещением, медицинским обслуживанием, коллективным ведением сельского хозяйства?

Когда перевели слова иностранца, тот еще добавил по-русски:

— Как ви жи-вьете?

Биаслан задумчиво почесал за ухом и нахмурил седые брови.

— Неважно живем,— сказал он вдруг и, горестно покачав головой, добавил:— А если сказать правду, то и вовсе скверно.

У «маленького капиталиста» глаза округлились и зажглись алчным огоньком, а руки быстро извлекли из карманов блокнот и авторучку. Председатель сельсовета побледнел и съежился, как будто у него начались рези в желудке.

А Биаслан как ни в чем не бывало продолжал:

— Вот пишут в наших газетах, что балкарцу раньше муки до следующего урожая не хватало. Правильно. Случалось такое, случалось и похуже. Только почему эти газеты не пишут, какое великое удовольствие получал балкарец, когда он, изголодавшийся после тяжелой вес-

¹ А к с а к а л — дословно: белая борода. Старый, уважаемый человек.

ны, ел в конце лета гырджыны из муки нового урожая? Вдоволь наесться приятно пахнувших золой гырджынов — раньше это было великое дело! Совсем не тот авторитет теперь у гырджына! Смешно даже: в нашем селе работает пекарня, хлеб делает такой белый, мягкий — просто подумать противно. Вода возле каждого дома прямо из трубы течет, а многие ее, эту воду, в дом провели. Этак нашим женщинам скоро делать будет нечего. Облениятся окончательно. А раньше они и тесто месили, и к роднику за водой ходили. От физкультуры такой они становились стройными и гибкими, как горные серны. А теперь... Вот старуха наша одними курами забавляется. Все остальное время грызет мою бедную голову. Но хватит о женщинах. Оставим этот разговор для более подходящего случая.

О лечении. Как же теперь лечится наш народ? Тут совсем дело плохо. Раньше, бывало, идешь к знахарю-костоправу или эфенди. Ну, как положено, курицу или барана с собой тащишь — смотря какой у тебя недуг. И вот мулла или другой знаток либо мгновенно тебя вылечит, либо тут же отправит твою душу в рай самым коротким путем. А сейчас? Стоит тебе чихнуть по неосторожности, как мигом окажешься в объятиях назойливых злодеев в белых халатах! Уж они осмотрят тебя с макушки до пят, даже в кишки заглянут, ощупают, как барана на базаре, обстукают грудь и спину, будто пробуя их на прочность, наконец, начнут кормить всякой гадостью. И так целую неделю, а то и больше. Но хуже всего — это их проклятые уколы. Исколют тебя так, что потом, извините меня, стоя кушать приходится. Пусть мои враги попадут к ним в руки!

— А сколько вы платите за лечение?— спросил иностранец.

— Еще не хватало платить за эти муки и страдания!— рассердился Биаслан.— Это они нам платить за это должны, что мы позволяем им издеваться над нами!

Гости громко рассмеялись. Солтан, еще не совсем расставшийся со своими опасениями, чуть-чуть улыбнулся.

— Так. Теперь насчет просвещения,— продолжал Биаслан.— Раньше, конечно, ученых было мало. Зато к грамотному ходили, как к фыйханбару¹. Очень уважали его

¹ Ф а й х а н б а р — пророк.

и ценили. А теперь? Теперь все ученые. Упав камень с неба — в ученого попадет. Тот агроном, тот зоотехник, тот инженер... Бригадиры-ученые, звеньевые-ученые, доярка и та десять классов окончила. А о детях говорить нечего. Каким только наукам их там не учат! И чем разные букашки питаются, и что было на земле тысячу лет назад, и что на дне моря находится, и почему луна на землю не падает, и как желудок у кролика устроен — всего не перечислишь. А попробуй не отдать ребенка в школу! Тут тебе сразу все законы прочитают и, как дважды два, докажут, что ты старый дурак и ничего в жизни не понимаешь. Вот какие времена настали!

Семьи сейчас тоже не те. Раньше мой отец, да будет рай пристанищем его души, до конца жизни держал при себе всех трех сыновей. И они делали все, что он им скажет. Посмотрел бы теперь мой отец на своих внуков и правнуков! Один уехал учиться на инженера по части радио, другой учится на учителя. Третий уж выучился на артиста и остался в городе. В театре служит. Так я его по телевизору вижу чаще, чем в живом виде. Дочь моя, правда, здесь, на ферме, но тоже взялась за книги. Говорит, нынешние коровы научного подхода к себе требуют. А уж сколько коров я перевидел на своем веку, и ни одна из них ничего такого от меня не требовала. Или вот полюбуйте, эта тоже, Тамара, дочь моей дочери, после школы в Ленинград собирается... Музыкантшей хочет быть. Посдет в эту самую... как ес... и выговорить невозможно! Музыка — вещь, конечно, хорошая. От нее на сердце теплее делается. Но каково нам, старикам, ждать каждого и считать, сколько дней до каникул осталось!

А молодежь теперь пошла странная и удивительная. Захожу как-то в Дом культуры в сатраш¹ с кем-нибудь сыграть, слышу — музыка. Музыка, не похожая ни на балкарскую, ни на кабардинскую, ни на русскую. Открываю двери в зал — о, мои бедные старые глаза! — те же самые парни и девушки, что так красиво танцуют абезех или исламей, стоят на месте и крутят животами и ногами! Шайтан их щекочет, что ли? Ну, я, известное дело, плюнул и убрался восвояси.

А как одевается народ? Раньше заимел пару хороших

¹ С а т р а ш — народная балкарская игра, подобие шашек.

чабуров¹, и никаких больше забот насчет обуви. А теперь туфли подавай! И не простые, а с особыми носами и каблуками. Мода, говорят, требует. А завтра она, эта мода, еще чего-нибудь потребует. Это не мода, а чесотка какая-то.

Вот так и живем...

— Да-а,— с изумлением протянул «маленький капиталист»,— я первый раз на Кавказе, да и в России тоже. Но никак не предполагал, что горцам так «скверно» живется. И это, мистер Биаслан, все, чем вы недовольны?

— Нет, это еще не все!— ответил аксакал.— Я очень недоволен, например, вот этим человеком.— Старик ткнул пальцем в сторону Солтана.— Председатель Советской власти в нашем селении мне совсем не нравится. До сих пор не закончил асфальтовые дорожки вдоль всех дворов села — это раз; стадион не может привести в человеческий вид — это два; с новым детсадом возится уже полгода — это три! А посмотрите на мой телевизор: экран шапкой закрыть можно! В соседнем селе уже смотрели футбол из Англии на больших экранах, а он не хочет заставить наших торговцев из потребсоюза привезти в магазин новые телевизоры. У него, видите ли, есть дела поважнее! Руки, говорит, не доходят. Я ему припомню все это на очередном собрании.

А ты пиши, пиши!— обратился Биаслан к усатому иностранцу.— Все записывай. Пускай весь мир знает, что председатель нашего сельсовета — бюрократ!

ТОТ РОКОВОЙ ВОПРОС

Вот и Новый год пришел. «С новым годом, с новым счастьем!» Это так принято говорить.

Новое счастье... Красиво звучит. Новые друзья, новая (более высокая) должность, новая машина, новый костюм, новая... Стоп! Зачем так много. Когда все бу-

¹ Ч а б у р ы — обувь из сыромятины.

дет новое, куда девать старое. Правда, у иных народов от старого избавляются очень просто. Итальянцы, говорят, в новогоднюю ночь выбрасывают старую мебель, японцы избавляются от долгов. Меня-то лично устраивает старая мебель. А что касается долгов — какая разница — старые они или новые?! Уж лучше бы их не было вовсе.

А избавиться, друзья мои, я хотел бы прежде всего от того рокового вопроса, который, похоже, стал моей тенью и в дни солнечные, и даже в пасмурные дни.

Не помню, кто и когда впервые задал мне этот проклятый вопрос, который преследует меня с фанатичным упорством кровника. Он ходит за мной по пятам, подстерегает меня за каждым углом, непрошеным гостем проникает в мою квартиру под руку с любым родственником или знакомым, поджидает меня в домах друзей, чтобы обязательно вмешаться в приятную застольную беседу, в душевный товарищеский диалог.

По мере сил своих и способностей я пытаюсь ускользнуть от рокового вопроса, но он снова и снова находит меня и с фамильярностью старого приятеля терзает мне душу.

Впервые он прозвучал уже давно, почти сразу же после того, как я благополучно одолел перевал, за которым пошло третье десятилетие моей жизни. То ли в узком кругу друзей то ли на многолюдной свадьбе, не помню в какой обстановке, первый раз услышал я этот вопрос в следующей форме: «А не пора ли тебе, братец, создать... как его... свой кош, да-да, кош, который называется семьей?» Я ответил безответственной шуткой и тут же забыл об этом.

Зато вопрос не забыл меня. Он преследовал меня телефонными звонками, письмами, поздравительными открытками, дарственными надписями на книгах моих друзей. Он, этот вопрос, был многоликим и многоголосым, он бесконечно менял свою окраску и форму. Иногда он выглядел так: «Видит аллах, ты уже не юноша. Не пора ли стать мужчиной?» Или так: «Если ты ищешь ее не в образе ангела с крылышками, то почему не возьмешься за поиски по-деловому?» Иногда с плохо замаскированным намеком: «Ты знаешь, как нам хочется поесть горячих хычинов из рук молодой невестки?!» Особо решительные друзья не спрашивали, а предлагали: «Только пальцем

на нее покажи — мигом доставим тебе!» Находились и добровольные сваты: «Да мы так дело обстряпаем, что она сама сломя голову прибежит!»

Следует, однако, отметить одно любопытное обстоятельство: иногда раздавались голоса, звучащие диссонансом в хоре, словно они тянули музыкальную фразу наоборот — от конца к началу.

Гостил я однажды у дяди в селе. Невестка наша, как и полагается, водрузила на стол блюдо милых мне хычинов, а рядом поставила пол-литровые кружки с пенящимся айраном. Не успел я проглотить и первый кусочек, как она с грустью в голосе сказала:

— Давно не ездила я в город на хороший той¹. А ты все медлишь, все ждешь чего-то. Девушки перевелись, что ли? Никто этому не поверит, клянусь единственным братом, чья жена родила уже девять детей!

Моя рука с полукругом хычина, свернутого в трубочку, остановилась на полпути и бессильно упала в тарелку. Мой могучий аппетит, который был верен мне при всех обстоятельствах, на этот раз бесследно исчез, будто его никогда и не было.

Из состояния оцепенения вывел меня мудрый, рассудительный дядя:

— А я вот что скажу, — тихо начал он, — торопиться не стоит. Больше того — совсем не нужно спешить. И слушаться никого не надо. Ну к чему тебе эта обуза? — он кивнул головой в сторону жены. — Эх, мне бы твои годы да мой теперешний ум! — Дядя хлопнул меня по спине тяжелой ладонью. — А то ведь как женился — докладывай, куда идешь, объясни, зачем идешь, отвечай, когда придешь...

— Не говори глупости! — перебила его жена. — У твоего племянника голова светлая, а твои неуместные речи могут сбить его с толку.

— А я вовсе не шучу, — поднял голову дядя. — Посмотри вон на ту фотографию. Тогда я был холост. А теперь посмотри на меня. Вот что сделала со мной семейная жизнь. И тебя это ждет, — дядя ткнул пальцем мне в грудь. — Если женишься. И черная голова станет совсем не черной, и джигитская статность превратится... ох, во что превратится! — Мой упитанный дя-

¹ Той — свадьба.

дя с огорчением погладил себя по объемистому животу.

— Ну и вздор несет! Ну и вздор!— замахала руками дядина супруга.— Как Ходжа говорил, ты и в молодости не был тем, что называется джигитом.

— Память у тебя коротка! Одного я только не пойму, как сумела ты опутать меня, как я мог вот так, ни за что, отдать тебе в руки свою свободу, которая горцу нужнее, чем воздух!

Скоро мой мудрый дядя и не менее мудрая невестка наша позабыли о своем молодом родиче и отправились в дальнюю дорогу воспоминаний.

— Несчастливая я! Как не повезло мне с мужем! А ведь сколько настоящих джигитов, и красотой и благополучием видных, засылали в дом моего отца сватов! Сколько орлиных взглядов привлекала моя красота!— Это сказала невестка.

— Вслед мне тоже не одна черноглазая вздыхала, но судьба злым оком посмотрела на меня.— Это сказал дядя.

Я уехал, не ожидая конца воспоминаний. Уехал, так и не поняв, кто прав, а кто не прав.

А тот роковой вопрос продолжал отравлять мое существование. Еще через год все тот же вопрос был при мне уже постоянно, подобно репью, прицепившемуся к брюкам. Не проходило дня, чтобы я не слышал его дважды, трижды, а то и десяток раз...

Встречаю Домалая, известного завсегда питейных заведений:

— Я, братишка, в глубокой обиде на тебя,— говорит он, чуть не плача.— Почему не пригласил меня на той?

— Так я же еще не женат!

— Ну, так женись, Багырбашев! Женись поскорей! Ну как это можно до сих пор не жениться!— В голосе Домалая нотки глубокого, неподдельного горя.

Встречаю соседа Бимурзу, который женился недавно в четвертый раз:

— Вот что, дружок. Пора и тебе решиться. Все равно этого нельзя избежать. И вот что я тебе еще скажу: семья — великое дело. Семья — это счастье. Поверь мне, это так. Иначе бы я столько раз не женился.

Ко мне домой нагрянул родственник из Герпегежа:

— Нет-нет-нет!— оттолкнул он меня.— Я с тобой и

здороваться не желаю. Как ты еще осмеливаешься людям в глаза смотреть? А? Чего ты ждешь? Или думаешь, еще слишком молод? Совсем еще мальчик, а? Я, брат, в твои годы...

— Уже имел двоих детей от первой жены и одного от второй,— вежливо подсказал я ему.

— Точно! А ты?— крикнул он, и лицо его исказилось гримасой брезгливости.

— Ты, Биаслан, прав, как всегда. Давай лучше по рюмочке?

— Не зубоскаль, несчастный! Я не шутить приехал. И пить с тобой ни за что не стану! Вот увидишь, сбрею я усы и бороду, покрашу волосы в черный цвет, привезу невесту будто бы для себя, отпраздную свадьбу в твоём доме, а потом уеду, оставив тебе невесту. Вот тогда и позубоскалишь, собачий сын! Ну что уставился? И когда ты, наконец, нальешь мне рюмку?!

Все это было не столько забавно, сколько опасно. Знаю, герпегежцы слов на ветер не бросают. Скажут — сделают.

С тревогой в сердце отправился я в тот вечер к Алиму — своему старому другу, чтобы хоть немножко отвлечься.

У Алима тряслись стены от веселого детского визга и хохота. Сам он ползал по полу на четвереньках. Двое сидели на его спине верхом, третий тянул за галстук, а четвертый хлестал отца чуть ниже спины проводом от электроутюга. Мне тоже стало весело, я рассмеялся, а малыши алчно набросились на меня с явным намерением укротить и объездить.

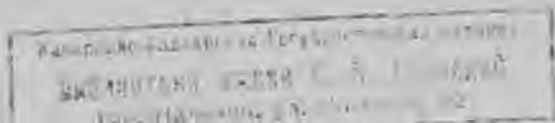
— Любят тебя дети...— многозначительно сказал Алим, вытирая пот и заправляя рубашку.

— А где бийче?— спросил я.

— Не знаю. Или в парикмахерской, или у соседки телевизор смотрит. А я вот ребят воспитываю. Педагогическая поэма, так сказать. И самому не скучно. А как ты?

— Да по-старому.

— Мне с тобой надо серьезно поговорить,— торжественным тоном заявил Алим.— Надо кончать холостую жизнь. Вот ты такой, как бы это сказать... безответственный! Глядя на тебя, другой кто-нибудь такой же свободы захочет, а там третий дурной пример возьмет, потом четвертый... Цепную реакцию знаешь? То-то. Население

Земли начнет катастрофически сокращаться. В один прекрасный день только старички и останутся. Затем перемрут и они, и тогда...

Алим замолчал. Судя по его испуганным глазам, ему, наверное, даже говорить стало страшно, что же будет тогда.

— Это исключается,— решительно отверг я столь печальную перспективу.

— Нет, дорогой, это может случиться. Мы возводим небоскребы, строим плотины, прокладываем дороги. А для кого? Подумай, для кого? Вдруг, к примеру, прилетают в гости на Землю марсиане, а встретить их некому! Просто не-ко-му! стыдно!

— На Марсе нет жизни.

— Я же сказал «к примеру». Пусть с Цефеи, с Антареса, пусть, наконец, из самой дальней Галактики!

И тут я сдался.

— Да, ты прав. стыдно будет. Пустая планета! Даже как-то неудобно. Надо жепиться.

В ту ночь мне снились ужасные сны. Звездолеты из других миров с ревом садились на заброшенные космодромы. Из ракет выходили инопланетные жители с антеннами вместо ушей и четырьмя желтыми глазами на голубых лицах, а навстречу им никто не идет с хлебом-солью... Космические пришельцы громко плачут и посылают проклятия на голову покойного Багырбашева.

Утром меня разбудил резкий, но музыкальный звук. Это влетел в мою комнату, пробив стекло, обыкновенный футбольный мяч. Я вышел на балкон. Во дворе стояла притихшая ватага мальчишек. Их было много. И хорошо, что много. Есть кому встретить гостей из космоса. Есть кому лететь на другие планеты.

А что касается того рокового вопроса, то в это новогоднее утро меня осенило: я придумал способ, как уклоняться от него.

Скажут мне: «Салам алейкум!» Я отвечу: «Алейкум салам. На здоровье не жалуюсь. Дела идут хорошо. Родственники тоже живы-здоровы. Еще не женился, а надо бы. Какая сегодня хорошая (плохая) погода — Нальчик есть Нальчик: никогда не угадаешь, во что утром одеться... С Новым годом, дорогой друг! Ну, прощай!»

ЗЛОЙ ПОПУТЧИК

Сначала отдадим дань фольклору. Прием не новый, но не хуже других, таких же ветхих и заплесневелых.

И было так. Однажды мудрый почтенный горец, пригласив в незримые попутчики аллаха и пророка его, отправился в жортуул, что по-балкарски означает далекое странствие. И дабы иметь в пути собеседника более внимательного и безропотного, нежели аллах и пророк его, взял с собой младшего сына. И как только дом родной скрылся за первым же поворотом, старый джигит приказал юному своему отпрыску: «Урежь дорогу, чтоб короче стала!» Бойкий отрок соскочил с коня, вынул саблю из ножен и стал орудовать ею, как доблестный Джеляль Эддин в бою с полчищами иноземцев. С трудолюбием, достойным более подходящего применения, он рубил, кромсал каменистую горную дорогу, пытаясь разрезать ее на куски.

Отец не стал указывать сыну на его заблуждение, а просто вернул домой. И позвал он среднего сына, который стал выполнять приказ о сокращении пути точно таким же образом, как и младший, разве только от ударов его клинка пыли и грязи летело побольше. Ну а старший сын сразу смекнул в чем дело. «Ага!— подумал он.— Эти два моих позднорожденных братца не догадались, что нашему капризному старику хотелось послушать свеженьких аульских новостей, дабы не скучать в пути. Вот что значит «урезать дорогу». И достойный первенец мудрого горца рассказал сначала о смешном случае, приключившемся с его приятелем, потом о жуткой ссоре между соседками и т. д. и т. п. Отец был доволен — дорога сокращалась прямо на глазах.

Самые проникательные наши читатели уже, конечно, поняли: речь идет о том, что хорошо иметь в пути доброго попутчика, приятного собеседника. Однако с попутчиками везет не всегда. Они бывают не только добрыми, не только приятными.

Лично со мной приключилась такая история. Однажды я отправился в далекий жортуул на резвом иноходце

с голубыми полированными боками и четырьмя подкованными резиной колесами. Ясное прохладное летнее утро и упругий ветерок, врывающийся в левое дверное окошко, настраивали мою душу на веселый лад. Мои уши с удовольствием принимали спокойную ласку нежной мелодии, льющейся из радиоприемника, под аккомпанемент мягкого шуршания шин о ровный сухой асфальт. Мои глаза с не меньшим удовольствием принимали безмятежную ласку недалекой гряды сказочно красивых на фоне бездонной синевы неба снежных гор и двух зеленых рядов абрикосовых деревьев, бегущих мне навстречу по обочинам шоссе.

Вдруг от одного из таких деревьев отделилась маленькая темная фигурка и подняла руку. Не полетному тепло одетый шупленький старичок, с такой же, выдавшей виды, как и он, хозяйственной сумкой, не торопясь сел рядом со мной в машину, бережно пристроил сумку у ног и кивнул головой: можно ехать.

Музыка, янтарным родничком бьющая из приемника, ему, видимо, не понравилась — он щелкнул выключателем.

— Не любите музыку? — с вежливой улыбкой спросил я.

— Может, и люблю, — важно ответил мой попутчик, — но слушать ее нужно дома или в клубе. А управляя машиной, отвлекаться нельзя. Надо слушать, как бьется сердце — мотор. — Старичок вздохнул. — Беда вездесуща, но чаще всего она ходит по дорогам.

Я тоже вздохнул, но промолчал. Достал сигарету.

— Курить за рулем не только вредно, но и опасно, — голос моего пассажира звучал, как на древней, заграничной еще до вашего рождения пластинке.

— Почему? — спросил я.

— Руль надо держать не одной рукой, а двумя. Так больше надежды избежать аварии.

Я подчинился.

— Один шофер, — продолжал свою песню старик, — молодой, твоих лет и похожий на тебя — может родственник? — перевернулся на крутом повороте. Когда его клали на носилки, во рту парня торчал дымящийся окурок. По-моему, папироса была такой же марки, как у тебя.

Я крепко стиснул зубы и руль.

— Машина — вещь, на первый взгляд, неплохая, — «урезал дорогу» попутчик. — Быстро ходит и не трясет. И крыша над головой — дождь не страшен. Когда мои дети были молодыми, ездить нам приходилось только на телегах. Два дня тратили на дорогу в Герпегеж и обратно. Машина — это хорошо.

— Хорошо, — как эхо, отозвался я.

— Только от нее и несчастий немало, — закончив предисловие, старик начал излагать суть дела. — А правду сказать, много несчастий. Возьми, к примеру, случай, который произошел в прошлую пятницу у нас в селении. Вот такая же «Волга», как твоя, шла прямо, а потом вдруг повернула направо и врезалась в новенький забор моего соседа Асланбия. Прошла сквозь забор и нырнула в стог сена. Сено вроде бы мягкое, но шофера я увидел на другой день с перевязанной головой. А за неделю до этого председательская легковая машина столкнулась с двухгодовалым телком. Телок — богу душу, а машина — левый глаз. Глаз-то стеклянный, его заменить можно, а телка, хоть обыщи все склады «Сельхозтехники», не заменишь. Тем более телок был в мясе и породистый. Ущерб тоже.

— Да, ущерб, — согласился я. Мне было жаль и телка, и шофера. Сам знаю, как трудно с запчастями.

— А сколько кур, гусей и собак раздавлено машинами, сколько заборов попорчено и столбов сбито! — горестно причитал старик.

— Да это верно, — грустно согласился я, и сочувствие к несчастным жертвам автотранспорта переполнило мое сердце.

— Если бы только птицы да собаки, — не унимался дед. — Людей-то как много страдает из-за этих машин! Врачи не успевают чинить поломанные кости да разбитые головы.

Чувствую, пересохло у меня в горле. Достал из-под сиденья бутылку с нарзаном.

— Это еще что? — строго спросил попутчик.

— Нарзан. Хотите выпить?

— Нет. Не хочу. И тебе не советую. Некоторые вот в такую бутылку водку наливают. Глодают за рулем, там до беды один шаг.

— Но это в самом деле вода! — дрожащим голосом сказал я.

— Возможно. Только я говорю о том, как нередко бывает...

Стоит все такое же ясное солнечное утро, но на душе у меня липкая слякоть.

— ...Тогда Хасан резко свернул в сторону и наехал на свинью, которая с диким визгом, будто ее резали тупым ножом, отскочила от колеса. В следующую секунду Хасан угодил в канаву и до сих пор лежит...

— В канаве?— спросил я.

— Нет, в больнице.

Спина у меня холодеет, ладони становятся влажными.

— ...Четверг, после дождя. Так вот, значит, когда этот выпивоха Таусолтан резко затормозил, самосвал сокрушил перила моста и грохнулся в...

О, черт! Сердце у меня стучит, как плохо отрегулированный клапан цилиндра...

— ...Налетел на подводу, которая опрокинулась набок, а «Москвич» оказался на обочине колесами кверху...

Какой зуд промеж лопаток. Будто охапку крапивы за шиворот сунули...

— ...Гляжу, у скалы не машина, а грудка исковерканного железа. И дым идет. Подошел поближе, рассмотрел. «Волга». Голубая. Как у тебя. А дома, конечно, жда...

Под монотонный рассказ старикашки светлый мой разум начали завлакивать мутные сумерки. А он все говорил, постепенно вспоминая события все более отдаленных времен. Наконец, он добрался до 1916 года и поведал историю о неизвестно каким образом попавшем в наши края облезлом драндулете жандармского пристава. За неимением бензина и квалифицированных специалистов по ремонту этого чуда техники пристав запрягал в него пару лошадиных сил. И, разумеется, лошади однажды понесли, и предок современного автомобиля вместе с его владельцем полетели на дно глубокого ущелья.

— А ведь хорошие были кони!— сокрушался старик.

Задыхаясь, я рывком расстегнул воротник и каким-то страшным чужим голосом крикнул:

— Хватит!!!

Я остановил машину и бросился к ручью, протекавшему под маленьким мостиком в двадцати шагах. Сунув голову в воду, увидел две туманные фигуры в белых

халатах. Они держали носилки, на которых лежало мое безжизненное тело. Я закрыл глаза. Потом открыл снова. Видение исчезло. Я начал приходить в себя. Когда я вернулся к машине, старичка в ней не было, а чуть впереди набирал скорость удаляющийся от моей «Волги» «Москвич» вишневого цвета.

На сиденье справа от меня лежала старенькая сморщенная, как мой пассажир, рублевая бумажка. Я порвал ее в мелкие клочья и долго топтал обрывки ногами. Затем их сжег, а пепел развеял по ветру.

На другой день мне стало известно, что в районе Герпегежа потерпел аварию «Москвич» вишневого цвета.

ГОД МЕДОВЫЙ

В мой предсвадебный день под крышей нашего дома собрались активисты многочисленного рода Багырбашевых. Происходило нечто вроде расширенного заседания месткома перед отчетно-выборным собранием. Председательствовала двоюродная тетя. Она же и открыла прения:

— Жену с первого дня надо держать в ореховой скорлупе. В чем-нибудь уступишь — потом пропадешь. Особенная строгость нужна по отношению к современным молодым женам. Книги и журналы, кино и театр, а главное — телевизор слишком развязывают им руки и кружат головы. Женой надо руководить и управлять (в этом месте по аудитории прокатился сдержанный смехок: все вспомнили тихого и пугливого мужа моей двоюродной тети.) — Да-да, — возвысила голос тетя, — управлять, — и так стукнула твердым кулаком по столу, что вазочка с цветами подпрыгнула и завалилась набок. — Надо помнить об этом постоянно. Чуть прозевал — и джин вылетел из кумгана. Попробуй потом загнать его обратно! Считай тогда, что потух огонь в твоём очаге, и дверь дома твоего закрылась наглухо.

— Неправильно это,— взял слово муж моей старшей сестры.— Молодую жену необходимо уважать и беречь. И любить тоже. Современные жены — это украшение наших домов. Молодую жену на руках носить надо, а чтоб ее руки всегда оставались нежными, следует во всем ей помогать.

— Она, значит, по театрам пропадать будет, а ты — мыть ей посуду и готовить ей ужин,— вскочила со своего места моя старенькая, но резвая бабушка. Потрясая сухоньким кулачком перед носом мужа моей старшей сестры и поглядывая на меня, она громко пригрозила:— Нога моя не ступит в дом, где командует голова не в папахе, а в платке!

Вот в таком духе и шло все заседание. Сторонники жесткой политики в отношении жены наголову разгромили «либералов» и надавали мне кучу директивных указаний по проведению семейной жизни. Вообще можно было подумать, что меня собираются не женить, а выпустить на ринг, где меня ожидает кровожадный противник. А потенциальная жена, как я полагаю, была мне не врагом, а другом. С самого детства.

Очень красочный и бурный эпизод жизни, называемый кавказской свадьбой и многократно описанный другими авторами, я опускаю и перехожу к следующему этапу своей биографии. На другой день, после того как гости поднялись из-за торжественных столов, похожих на поля ожесточенных битв, усеянные останками баранов и домашней птицы, мы с женой устроили наш первый семейный совет.

На повестке дня был только один вопрос: распределение обязанностей. Принимая во внимание ответственность момента, а также и то, что человек я современный и, может быть, даже культурный, заговорил я первый:

— Несравненная моя! Ты являешься лучшей половиной населения этой скромной сакли, и потому я решил, что руки твои должны остаться такими же нежными и красивыми, как сейчас, во имя чего я беру на себя все обязанности, связанные с кухней. Таким образом, кормить я тебя буду и в переносном смысле, и в прямом. Тебе же останется уборка комнат, ну и разные там мелочи.

— Ну что ты,— сказала, вдоволь насмеявшись, моя

Шахерезада.— Зачем тебе это? Ведь не мужское дело! Да и люди что скажут? Еще смеяться будут.

— Рубил бы я дрова, но они нам не нужны: мы пользуемся газовой плитой и центральным отоплением. Носил бы воду, но она сама течет из крана. Выращивал бы хлеб и ухаживал за скотом, но под нами, на первом этаже, есть магазин, где все можно купить. Так что мне остается только кухня...

После долгих уговоров несравненная согласилась, надеясь, что все равно у меня ничего не выйдет, стряпня мне надоест и моя затея позорно провалится.

Но она ошиблась. Вышло все наоборот. Скрытые во мне способности блестяще проявились на практике, стряпня не надоела, а превратилась в страстное увлечение. Конечно, поначалу было трудновато. Потом — полегче, а затем... затем мои гастрономические эксперименты стали вполне съедобными, чуть попозже — просто вкусными, еще попозже — радостью знатоков.

В течение короткого времени наша кухня была отлично укомплектована необходимым оборудованием и инструментарием, позволяющим воплощать в жизнь любые фантазии повара. Помещение, называемое кухней, стало похоже на лабораторию средней руки. Был у меня термостат, реторты, пинцеты, точнейшие весы, даже чашки Петри... Работал я в белом накрахмаленном халате.

В кулинарную литературу я заглядывал все реже. Появлялся свой опыт, свое чутье, своя интуиция. Никто мне не мешал. Несравненная почти не заходила на кухню, опасаясь какого-нибудь взрыва.

Часа по три в день кухня-лаборатория работала на полную мощность. Особенно я увлекался изощренными восточными блюдами. Гости за обе щеки уписывали приготовленные мною манты, лагман и плов. Больше всего они отдавали должное плову. Да он был и моим самым любимым блюдом. Однако я хотел услышать более авторитетную оценку своему творчеству, нежели восторги своих друзей. И я пригласил на плов приезжего узбека, отдохавшего в одном из наших санаториев. Мне показалось, что у него классическая внешность опытного чайханщика. Ел мой гость не спеша и не отвлекаясь, а я с замиранием сердца следил за каждым его движением.

Уходя, он крепко пожал мне руку:

— Каждый настоящий мужчина должен уметь готовить плов. Вы — настоящий мужчина. Будете в Ташкенте — обязательно заходите в гости. У нас найдутся темы для разговоров. Найдется и чем поделиться друг с другом.

Из его визитной карточки я узнал, что судьей моего плова был шеф-повар одного из крупных ташкентских ресторанов.

Успех меня окрылил, а высокая оценка знатока уторила силы. Теперь я с головой ушел в заманчивые тайнства восточной кулинарии. Мне снились колоритные гастрономические сны. Часто я оказывался на средневековом Востоке, где в крикливых караван-сараях кормил богатых купцов и нищих дервишей, погонщиков верблюдов и ремесленников. Дымился мой плов и на низеньких столиках из драгоценного черного дерева во дворцах эмиров, султанов, халифов и шахов. А однажды я угощал самого Ходжу Насреддина. Так что по утрам я просыпался сытым и сразу же принимался осуществлять новые идеи.

Славы чародея восточной кухни я не искал. Она меня нашла сама и вознесла на легких своих крыльях. Сначала она пришла на разведку в образе пожилой женщины-соседки, которую привлекали пикантные ароматы, просочившиеся из моей лаборатории на лестничную площадку.

— Вы уж извините меня, — застенчиво сказала соседка, — но эти запахи вашей кухни...

— Вам они не нравятся?

— Ну что вы! Что вы! Я просто потрясена! Позвольте, доктор, познакомиться с вашей женой.

— Это я... э-э-э... то есть, видите ли, кухня — моя, так сказать, сфера, — ответил я, поправляя ворот своего белого халата.

Соседки, как известно, народ не только весьма любопытный, но и в высшей степени общительный. Поэтому о моих достижениях в тот же день узнал весь дом, а в ту же неделю и весь квартал.

А потом меня стали приглашать на консультации в рестораны и в дома отдыха. Если приезжал в город какой-нибудь знаменитый гость, особенно из Средней Азии, Закавказья или с Ближнего Востока, за мной при-

бегали запыхавшиеся жрецы общепита и умоляли помочь в приготовлении изысканных блюд.

Трудно было решиться поехать в соседний город на конкурс мастеров восточной кухни. Но все же я поехал. И привез грамоту и приз, Моей персоной заинтересовалась пресса. Фотографировали в халате и без халата, крупным планом и средним, в профиль и анфас. Брали интервью для радио и телевидения. Встречи, банкеты, автографы...

На вездесущий вопрос о секрете своих успехов отвечал коротко и ясно: «Усердие, вкус, интуиция, смелый эксперимент». Рецептов не давал. Кухня — не место раболепного подражания авторитетам по части «вкусной и здоровой пищи», а поле творческих поисков. Ведь сам же я находил изъяны в многовековой методике приготовления того же, скажем, шашлыка. Я дерзко подрывал кухонные устои времен халифата и эмирата, ломал кулинарные догматы эпохи султаната.

Ездил как-то на форум специалистов восточной кухни. Были там и таджики, и грузины, и узбеки, и персы. Обходились без переводчиков. Понимали друг друга с первого же слова, вернее, с первой же дегустации.

Возвращался домой с ценным трофеем — увесистым лавровым венком. Я очень радовался: в этот период в наших магазинах туговато было с лавровым листом. Недалеко от дома я обратил внимание на одну женщину, которая показалась мне знакомой. И я не ошибся. При ближайшем рассмотрении узнал свою Шахерезаду.

— Здравствуй, несравненная! Вот я и вернулся!

— Здравствуйте,— холодно ответила она.

— Что ж мы стоим? Пошли домой, дорогая моя,

— А я больше не ваша.

— Не ва...

— Да. Я ушла от вас давно. У меня теперь другой муж. Более внимательный и заботливый, чем вы.

— А какие же блюда он готовит?— спросил я и сразу понял глупейшую неуместность моего вопроса.

— Готовлю я сама,— ответила несравненная.— Яичницу, супы из концентратов, вареную картошку. И мы с мужем очень довольны друг другом. Прощайте.

ЦЕНА ТОПОРА

...А сейчас я спрашиваю: сколько стоит топор? Так и знал — говорите, что странный вопрос. Э, не спешите, пожалуйста, я уже знаю, что вы скажете дальше. Скажете, во-первых, что топор топору рознь... Угадал? Ну вот... И еще скажете, что все опять же зависит от назначения. Что топор, которым рубили избы, — это один топор, а которым лишали головы, — это другой. Так сколько же стоит топор? Верно, тут надо подходить дифференцированно... Но во всяком случае бесплатно топор нигде не купишь, верно?

Вот и я думаю: верно! Только не дай аллах сказать вам этого нашему Зекерье. Он так засмеет вас, что вы будете только потеть да оглядываться, нет ли поблизости знакомых, свидетелей вашего позора. Кто такой Зекерья? Э, особый это человек. Обо всем имеет особое мнение — и о топорах тоже, между прочим.

Вот, например, базары. Вы туда зачем ходите? Понятно, за покупками. А Зекерья — нет... Он ходит на базар как на праздник души. Он там черпает радость и вдохновение. Танец красок, музыка запахов, драмы и комедии человеческих отношений — вот что такое базар для нашего Зекерьи!

Слушайте, я расскажу вам, что с ним однажды случилось, и вы поймете, что я не зря спросил о цене топора. Идет этот Зекерья по базару и наслаждается. Вот молоденькая хозяйка пробежала, волнуется, никак мясо выбрать не может — Зекерья усмехается: «Э, дочка, не бойся, молодой супруг и не заметит, хоть сырые жилы поднеси ему. А свои вкусы он тебе потом все равно подробно объяснит... через годик...» Вот парень с авоськой топчется у прилавка — Зекерья щурится: «Понятно, дорогой, сейчас твоя милая кажется тебе слишком нежной для базарных дел. Надолго ли?» Не то чтобы злой Зекерья, а так — знает старик жизнь. Весело и привычно делит он базар на две половины: одна старается подороже продать, другая — подешевле купить. И как опытный

шахматный болельщик, Зекерья умеет наслаждаться этой острой и захватывающей игрой. Вот покупатель уже в цейтноте, вот уже собирается сдаваться — и вдруг замечает червоточинку на капустном листе... Стремительная атака, прорыв, мат! Продавец с недоумением отдает товар за полцены. А рядом та же картина, но с обратным результатом: продавец ухватил сочную, желтую грушу и, действуя ей, как ладьей, принудил покупателя к капитуляции. И красная десятка из кошелька покупателя упала на прилавок, как флажок на шахматных часах. «Воллаги, — бормочет Зекерья, разглядывая длинные столы и людей, склонившихся над ними по обе стороны. — Воллаги, это же сеанс одновременной игры».

И вдруг Зекерья увидел огромного старика, с бородою на манер кубинских барбудос, с глазами, полными презрения. Он продавал топоры, грабли, лопаты и другие предметы, соединяющие в себе кузнечное и плотницкое искусство. Однако торговля шла вяло. Не то чтобы товары были плохи, нет... Вещи были сделаны добротно — не придерешься. Дело было в самом старике. Он просто не умел торговать. Он просто сидел и курил. Вы представляете? К нему подходит покупатель, спрашивает цену. Старик называет. И цена-то вполне божеская, но покупатель не в магазине, он хочет поторговаться. А старик вместо того чтобы играть по всем базарным правилам, только щурится презрительно и гудит чугунным басом: «Берешь — бери, нет — иди своей дорогой». И покупатель идет своей дорогой, потому что теперь наш покупатель пошел с тонкой душевной организацией и требует нежного обращения.

Зекерья даже остановился — так поразил его этот странный продавец. Он долго наблюдал за ним со стороны и, наконец, стал кое-что понимать. А когда понял, насмешливые глаза старого Зекерьи стали мягкими, добрыми и чуточку лукавыми. Вы спросите — почему? Не спешите... Если я начал рассказывать — значит, обязательно кончу когда-нибудь.

Тем временем подходит старушка, выбирает топор и спрашивает, сколько он стоит.

— Три рубля, кому нужно, — говорит продавец. Ну никакой торговой дипломатии! Старушка роется в кошельке, скребет монеты по всем углам, а этот бородач и не смотрит на нее!

— У меня тут... Два с полтиной,—робко говорит старушка.

— Ну так иди, не мешай,—отвечает ей продавец и выпускает два огромных клуба дыма.

Бабушка испуганно и виновато засеменила прочь, Зекерья за ней. Отошли на приличное расстояние. Тут Зекерья берет ее за локоть и говорит: «Ты меня здесь подожди, мамаша, попробую тебе помочь. Не уходи никуда, я сейчас поговорю с этим грубияном».

Подходит Зекерья к старику, садится на корточки и берет топор. Двумя руками берет, осторожно, словно не топор это, а хрустальный графин, наполненный столетним коньяком.

— Сам сделал?

— В магазине купил,—проворчал бородач и скривился презрительно.

Зекерья улыбнулся.

— Не-ет, меня не обманешь! Да разве такое в магазине купишь. Смотри, как отбито лезвие — как бритва! А топорище! Змея, не топорище! Руку так и обвивает... Нет, дорогой, этот топор не кузнец делал, а ювелир. А ты мне — в магазине!..

Бородач промолчал, хотя лицо его заметно посветлело. Зекерья заливается как ни в чем не бывало:

— Славный топор, хоть на выставку посылай. А почему бы и нет? Ведь любой увидит — большой мастер делал эту вещь. Да что мастер — художник! Жаль только, не умеют у нас ценить настоящие таланты. А такой талант ценить надо. Уважать надо такой талант!

Зекерья ласково провел ладонью по топорищу, словно котенка погладил:

— Вот и топорище... А глаз у меня верный, вижу, с любовью его делали, а полировали, наверное, в ладонях блестит, словно кизиловая палка у старика. Возьмешь в руки такую вещь — и захочется работать без усталости. Глаз радуется, душа поет, когда видишь такой топор! И не в сарае место ему — на стену, на ковер его вешать надо, как саблю кубачинских мастеров...

Зекерья на минуту перевел дыхание и увидел, как лучистые морщинки побежали от глаз кузнеца, как задрожали его губы и стали влажными глаза. Голос Зекерья стал еще проникновеннее.

— Жил, помню, у нас в ауле старик. Ножи делал,

косы и топоры. Из дальних аулов приходили к нему. Великий мастер был. Да помер, пусть рай будет пристанищем его доброй души. А топоры его да косы остались. И сам он через них остался в памяти людей. Думал я, такого мастера уже не встречу. А сейчас увидел твой топор — значит, думаю, есть еще настоящие мастера...

Бородач, наконец, заговорил и голос его дрожал от волнения:

— Бери его себе! — сказал он.

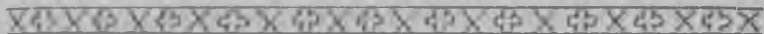
— Да что ты, — смущенно сказал Зекерья, — такая вещь...

— Бери-бери, добрый человек!

— Неловко как-то, да и денег у меня всего два с половиной... Я ведь просто полюбоваться присел. Давно не видел такой работы.

— За так бери! Дарю! Возьми, пожалуйста! Я ведь тоже давно не встречал понимающего человека, — и бородач смахнул слезу огромным кулаком.

...А теперь вы скажите мне: сколько стоит обыкновенный, ну самый обыкновенный топор?!

А ПОКА — ТЕРПЕНИЕ!

Электропоезд провыл свою песню и плавно двинулся в сторону моего дома. Очертания гостеприимной Нарсаны (или, как ее называют некоторые, Кисловодска) стали медленно таять в сероватом тумане ранних декабрьских сумерек. Э, спешил бы этот поезд, как я, тогда оттолкнулся бы он колесами от рельсов, взлетел бы в воздух и понесся, рассекая густые облака, напрямик, нигде не сворачивая, туда, где уже начинали накрывать праздничный стол, за которым меня ждет законное мое место!

Вообще-то время у меня есть. Опоздать я не боюсь. Но торопит меня мой нетерпеливый желудок, с самого утра не получивший никакого сырья для переработки. Сам же я решил выдержать до конца. И старший брат,

для которого баранья нога — всего лишь разминка перед обедом, сегодня уж не посмеет подшучивать над моим «интеллигентским аппетитом». Я ему покажу! А пока — терпение и еще трижды — терпение.

Кроме баранины во всех ее ампула, за нашим новогодним столом будет жирный рассыпчатый сыр, тончайшие хычины с горкой масла посередине, душистые... О, черт! Чувствую, как мой желудок начинает растворяться в собственном соку! Так не годится. Надо думать о чем-то постороннем. Хотя бы о нашем старом друге Кюмюшбашеве, которого недавно мы провожали на пенсию. Как он радовался! А чему тут, собственно, радоваться? Впрочем, скоро всем стала ясна причина его приподнятого настроения. Славному старику удалось устроить для друзей такой великолепный стол, какой надолго запомнит весь Герпегеж. Одно жорме чего стоило! Сегодня я тоже буду есть жорме. Мой дядя делает это блюдо неподражаемо. Берешь кусочек, хорошенько обмакиваешь в тузлук... Ох! Буду смотреть в окно. Необходимо просто отвлечься. Правда, за окном уже совсем темно. Как медленно тянется эта электричка! Быками она запряжена, что ли?! Нет, я должен выдержать. Торопливый ломает нож на хвосте быка, когда снята уже почти вся шкура. Я не буду ломать свой нож. Вытерплю. Верблюды, те вон по целым неделям могут не есть и не пить. А человек, говорят, может голодать еще дольше. Если захочет. И все-таки хорошо было бы, если б эта многоколесная арба двигалась побыстрее. А то плетется еле-еле, будто сметану везет. Свежую. Густую. Ужасно вкусную сметану... Стоп! Я стукнул себя по голове. Опять не те мысли.

В Эссентуках вошел в вагон и сел напротив меня пассажир, показавшийся мне знакомым. Он долго и пристально смотрел на меня, потом вдруг заорал:

— Багырбашев! Клянусь аллахом, это ты!

Я не стал уличать его в клятвопреступлении, тем более что это был я. Через секунду верзила в модном пальто и с меховым воротником уже тискал меня в своих медвежьих объятиях, а моя холодеющая щека коснулась его щеки, горячей, как только что извлеченный из золы гырджын.

— Вот это встреча! — гудел бас, настоящий на крепком аромате чеснока и шампанского (кажется, полу-

сладкого). — Откуда ты взялся? Сколько же лет мы с тобой не виделись?

— Много! — уверенно ответил я, тщетно пытаюсь вспомнить его имя.

Недостаток жиров, белков и углеводов, видимо, отрицательно влияет на остроту памяти. С большим трудом я узнал в обладателе выдающегося карачаевского носа и дремучих бровей, почти сросшихся на переносице, бывшего своего однокашника.

— Пятнадцать лет! Подумать только! — с непонятным восторгом выкрикивал он. — Время, время! Ну, а как ты, дорогой? Небось детей куча? А Галочка как там... Или я, может, извини, ошибся?

— Ошибся, — коротко ответил я и подумал, что, если он предложит в честь встречи... это самое... боюсь, я не смею отказаться.

На станции Бештау я хотел выйти и поймать такси до Нальчика, но старый товарищ не пустил меня:

— Не спеши. В Пятигорске мы еще должны отметить встречу. Времени хватит.

Я уныло покорился. Поезд отправился дальше, а мой попутчик отправился в воспоминания.

— А помнишь, как мы с микробиологии все вчетвером, а? И прямо в ресторан, а? Всею стипендию оставили там! А этот старый узбек? Шеф-повар. Вот был байрам! Целая гора янтарного плова, румяная самса, а манты? Такие манты — от одного запаха голова кругом шла! Ну и мастер был этот узбек. А уж лагман, приготовленный им, просто сказка из «Тысячи и одной ночи»!

Я с водопадным грохотом проглотил слюну. И этот грохот далеким эхом отозвался на дне желудка. Темно стало в глазах. Пьянящий пар горячего плова заволакивал мои мозги.

— Да-а... Молодость! Какие дни! Теперь что! Работа, дом, телевизор... Только раз в месяц и вырвешься в ресторан с друзьями посидеть за шашлыком да пересчитать звездочки на бутылках.

«Еще хоть одно слово из кулинарной лексики, — подумал я, — и тогда за себя не ручаюсь: сворочу набок его орлиный нос».

Мы приехали в Пятигорск, однако вырваться из могучих лап однокашника и броситься со всей возможной резвостью к стоянке такси мне никак не удавалось. Он

закончил лишь первую часть своих воспоминаний, а этих частей было, наверное, еще не меньше пяти. В ресторанах все места были уже давно и прочно заняты, а мой разговорчивый друг водил теперь меня по освещенным улицам и говорил, говорил, говорил...

— А Виктора помнишь? Постой, забыл его фамилию. Талантливый парень! Кто-то мне говорил, что он уже большой ученый. В Сибири работает. А помнишь, как собака чуть не съела жареного гуся, когда мы его провозжали... Ты куда... Стой!

Я ловко вскочил в трамвай на ходу и постарался сразу же затеряться в плотной толпе пассажиров. Взглянул на часы. Почти десять! Кажется, опаздываю. Как это нередко бывает в таких случаях, на стоянке не оказалось ни одного такси. Но теперь мне стало как-то все равно. Даже есть не хотелось. Полное отупение.

И вдруг я увидел старенький «Москвич», который выпустили с завода, наверное, еще раньше, чем меня из института. На нем был пальчикский номер. Он гремел, как катящаяся с горы железная бочка с камнями. Остановил я эту бочку.

— В Баксан еду,— сказала небритое лицо, высунувшееся из окошка.

— Все равно,— ответил я и сел рядом с водителем. Мой добрый ангел включил скорость, выжал газ, и мы понеслись вперед, обгоняя пешеходов, а иногда и велосипедистов. Владелец автомобиля всматривался в освещенное пятно дороги, а я скоро начал рассматривать свои болезненно-беспокойные сны.

Ломится стол от разнообразных блюд. Серебряные головки бутылок шампанского торчат из ведерок, наполненных хрустальными кубиками льда. Щекочет ноздри нежный запах вареной баранины на серебряных подносах. На жарких равнинах желтых хычинов тают холодные холмики желтого масла. Звучит музыка, волшебная музыка, какая бывает в фантастических фильмах на космические темы. И каждое блюдо — это музыкальный инструмент, который звучит по-своему, но в унисон другим. Сим-фо-ния!.. Я протягиваю руки, а стол тихо и плавно уходит от меня...

Резкий толчок прервал мои гастрономические иллюзии.

— Мотор забарахлил,— спокойно сообщил водитель,

словно это событие было заранее запланировано, причем на этом месте и в эту минуту.

Мы вышли из машины. Идеальное место для любителей одиночества. Ни огонька, ни звука, ни одной живой души. И только на небе равнодушно мерцают миллионы звезд, которым нет никакого дела до моей голодной (а теперь уже и холодной) участи. Шофер погрузился по пояс в мотор и что-то невнятно бормочет. Я сиротливо стою рядом. И вдруг я заметил, что большая стрелка моих часов уже закрыла маленькую на цифре «12».

— Эй, дружище!— обратился я к водителю.— Оставь в покое свой примус. И давай поздравим друг друга с Новым годом. Кстати, нет ли у тебя чего-нибудь пожевать?

Он молча покопался в кабине, вытащил бутылку кефира и полбуханки серого хлеба. У меня повлажнели глаза.

Было вкусно. Было невероятно вкусно...

МЕДАЛЬ БИСОЛТАНА

Я скажу, зачем мне орден
Я согласен на медаль.

*А. Твардовский
«Василий Теркин»*

Вы, наверное, знаете Бисолтана. Это наш сельский почтальон. Лет ему, кажется, шестьдесят, а может, и больше.

Бисолтан — личность видная. Ежедневно, в любую погоду, выходит он на улицу с черной кожаной сумкой, набитой письмами, газетами и журналами. Спешит старик от дома к дому, ни одного не пропуская, и хочешь не хочешь, а приходится ему видеться с каждым жителем селения.

Так же было и девятого мая, в наш радостный праздник. Правда, Бисолтан на этот раз и оделся по-праздничному, и сапоги начистил до ослепительного блеска, и

серебряную медаль повесил на лацкан нового пиджака. А на медали короткая надпись: «За отвагу».

Ради такого торжественного случая мы отобрали у Бисолтана сумку, распределили ее содержимое среди ребятшек (пусть сегодня поработают за почтальона), а его самого пригласили на горский пикник, туда, где у реки последний раз в своей короткой жизни щипал сочную майскую травку барашек, перед тем как стать шашлыком.

— Расскажи нам, аксакал, за что ты получил медаль,— попросили мы его.— Ведь ты в партизанах был. А это серебро, наверное, не каждому-всякому дарили.

Старик усмехнулся довольный:

— Вы верно сказали. Такое серебро за так не дарят. Особенно в партизанах. Война, известное дело, не курман-байрам. А партизанская война и подавно.

Хотя уж, если быть честным, надо сказать, мои друзья-партизаны всегда смеялись, как только вспоминали, за что я получил медаль. Чему смеялись — не понятно. Мне-то уж было совсем не до смеха... Однако во всяком деле порядок нужен. Так что слушайте все по порядку.

Выстроил однажды нас командир и говорит:

— Завтра к немцу в гости пойдем. Засел он в селении возле самого перевала, под ногами путается, не обойти его никак. А пока, товарищи, не худо бы получить кое-какие сведения о конакбае¹. Надо узнать, какие у него возможности для приема гостей, настроение какое, чем угощать думает. А нам с подарками надо не ошибиться. Так вот, неплохо бы с их представителем потолковать о том, что гитлеровцам нравится и что им, наоборот, не по душе. Кто из вас, ребята, возьмется привести к нам такого немецкого представителя?

Шагнул вперед весь строй, кроме меня. Шеи вытянули в сторону командира и во все глаза на него так и смотрят, будто всю жизнь мечтали выполнить это задание. Я чуточку подумал и тоже шаг вперед сделал. Что я, хуже других, что ли?

Выбрал командир одного худенького русского паренька, потом поглядел на меня. Ну, думаю, чем это я ему так понравился? Стрелять-то я умею дай бог всякому — охотник потомственный, но ходить в берлогу звери-

¹ К о н а к б а й — приймающий гостя.

ную и живого здорового зверя домой к себе приглашать — этого не приходилось. Не за невестой все-таки ехать... Не трус я, но в горле почему-то сухо стало.

И тут командир кладет мне на плечо свою тяжелую руку.

— Ты, Бисолтан, охотник, боец хороший, к тому же из местных. Будешь старшим. Ну, а Васю ты знаешь. Не подведет.

Вместе с ночной темнотой спустились в селение и мы с Васей. Еще издали наметили себе один большой дом со светящимися окнами. Подполз я к нему с тыла и залег в огороде около пролома в плетне (Васю я оставил в садах на окраине села и приказал ему ждать).

Вот, значит, лежу под забором и размышляю о том о сем. Дрожь меня пробирает. От холода. Дело-то зимой было. Хорошо хоть ждать не пришлось долго. Возле дома захрустел снег, и из задней калитки показался немец. Он шел спокойно, слегка из стороны в сторону покачивался и даже, нахал, какую-то песенку мычал себе под нос. Через весь огород немец направлялся к тому строению, куда обычно верхом не ездят. Сам ко мне в руки шел. Но я заколебался. Слишком крупная была дичь. Здоровый да широкоплечий. Не по мне. Подождать следующего? Нет, не годится. Хочешь не хочешь, а надо брать этого. Только пусть сначала облегчится. На себе ведь тащить придется. Так уж чем меньше груза, тем лучше.

И снова жду. Мороз еще крепче пробирает. И злость тоже. И как не злиться? Вот я хожу по родной земле, прячась да оглядываясь, как абрек, по ночам мерзну, а этот... сидит здесь на чужом огороде, и... как будто собственность его отца. И уже не терпится мне поскорее познакомиться с ним поближе.

Вышел, наконец, на ходу китель застегивает... Только не дал я ему до конца застегнуться. Прыгнул на немца сзади, как проголодавшийся кот на жорме. Но враг, как это бывает не только в рассказах, но и в жизни, не растерялся. Схватил он меня за запястья, перетащил через свою спину и бросил на рыхлый снег, как хурджун с толкном. Ну, думаю, плохи мои дела: сейчас этот боров как хрюкнет, и выбегут из дома его собратья. Поминай тогда как звали Бисолтана сына Даулета, которому не было равных в борьбе во всем нашем селении. Но фриц,

между прочим, оказался не только сильным, но и гордым. Не стал на помощь звать. Сам решил со мной расправиться. Правда, в помощи нуждался скорее не он, а я. Но и я тоже гордый. Особенно если мне все равно шикто помочь не может.

...А пока прижал меня этот проклятуший боров к земле и старается выдавить мой правый глаз своим костлявым локтем. Другой рукой за горло держит. Изо рта его несло водочным перегаром. Ах ты, собачий сын, думаю, так и задохнуться мне не долго! Пьяница несчастный! У нас в отряде не то что водка, молоко и то редкость, а он на чужой земле еще и пьянки устраивает! И сказал я тогда те три слова, которые говаривал, бывало, наш киномеханик Никита, когда у него пленка рвалась. Подтянул колени, рванул немца за волосы... Словом, к обороне теперь перешел противник: я вверху оказался, а он внизу. Не успел я еще осознать собственный успех, как немец ухватил мой большой палец и начал его зверски выламывать. Я чуть не заорал от боли и изо всех сил стукнул фашиста по носу кулаком свободной руки. Он злобно зарычал и выпустил мой палец. Обиделся видите ли! Ишь какой обидчивый! Топчет своими грязными каблуками землю моих предков, а мне его и по носу нельзя... Вдруг, ах, чертово племя! Да разве так можно? Этот выродок вцепился зубами в мое плечо. Ну прямо как взбесившийся жеребец! Да где это видано, чтобы мужчины зубы в ход пускали? Одни звери на это способны!

А впрочем, этот рыжий боров и был зверем. Самым настоящим. Только в человеческом облике. Ну, а раз он зверь, то и отношение к нему должно быть соответствующим. Удар рукояткой пистолета по голове успокоил завоевателя. А я испугался: не перегнул ли дугу? Нет, дырки в черепе вроде не было и мозгов не видно. А может, у них вообще мозгов нет? Иначе, зачем бы они сунулись на нашу землю? Пока я размышлял таким вот образом, мои руки делали свое дело, крепкой веревкой из конского волоса крепенько связали фашиста, совсем как барана на курманлык.

Сначала я хотел взвалить его на плечи. Не вышло. Слишком тяжел, проклятый. Обжирался, видно, за пятерых. Тогда пропустил у него под мышками еще одну веревку, сделал петлю и поволок по снегу. Скоро мне жарко стало, хотя мороз к полуночи усилился. Уж и не

знаю, как мне удалось преодолеть те двести-триста метров, которые отделяли меня от совсем заочневшего Васи.

Парнишка этот, увидев меня, радостно сверкнул глазами и тут же ухватился за веревку. Откуда только у него силы взялись! Через полчаса мы были, слава аллаху, в лесу. Вася, пока тащил этого «представителя», успел разогреться. А я успел прийти в себя. Очнулся и немец. Вылупил глаза и раскрыл рот, но захлопнуть пасть мы ему не дали: заткнули ее тряпкой.

До нашей базы еще оставалось несколько километров, и почти все время надо было подниматься в гору по не крутому, но затяжному подъему.

Мы измучились с этой жирной тушей, волоча ее по земле (хорошо еще снег был неглубокий), как каторжники. Ну, думаю, хватит! Осталось немного, но дальше так дело не пойдет. Пусть «представитель» пойдет сам. Собственными ногами. А я буду ему показывать дорогу дулом своего пистолета. Но эта свинья неблагодарная, этот фашист, едва я развязал веревки, ударил меня ногой в грудь, опрокинул в снег, вскочил на ноги и побежал, петляя между деревьями.

— А ты что смотришь! — заорал я на Васю.

А Вася улыбается:

— Не волнуйся, Бисолтан. Немец бежит туда, куда нам надо. Другой дороги ему нет. Пусть побегает. Ведь замерз он, наверное.

И все-таки у меня во рту стало сухо. Совсем как перед выходом на задание. Я глотнул снега и пошел. Вася идет позади и табачок покуривает.

Скоро мы были у своих. А нас уже ждали. Вместе с моим немцем, который десять минут назад попал прямо в объятия наших часовых.

Ко мне подошел командир и положил мне на плечо свою тяжелую руку:

— Спасибо, Бисолтан.

Когда я рассказал про эту свою охоту, все громко смеялись. Зато когда я получил эту медаль, никто не сказал, что она незаслуженная.

Вот и вы сейчас улыбаетесь... Но никто ведь из нас не скажет, что такое серебро за так, а? Ну то-то же... Эй-эй! Шалопай вы молодые! Смотрите, как бы шашлык не пережарился!

В ГОСТЯХ У АНГЕЛОВ

— Нет,— сказала Кермахан и отложила в сторону веретено.

Таусолтан никак на это не отреагировал. Он молча сидел у печки и строгал для младшего внука сыбызгы¹.

— Нет,— повторила Кермахан.— Не дожить мне до того дня, когда приедет мой несчастный Мухтар...

Таусолтан усмехнулся. Он считал, что бабка вполне переживет его самого. А сам он надеялся увидеть искусственное солнце, которое, как люди говорят, зажгут в канун третьего тысячелетия.

— Ехать надо к нему,— раздраженно сказала Кермахан, заметив усмешку старика.— Вчера во сне видела: идет он, бедный, по Москве, голодный и оборванный...

— Мы ему деньги послали,— невозмутимо ответил Таусолтан.

— Деньги, деньги! А заботу ты ему послал? А ласку? Бедный мой мальчик! Ох, надо ехать к нему... Поясница у меня ломит, в животе колет. Ой, умру я и не увижу моего ненаглядного мальчика.

Так причитала Кермахан, бабушка Мухтара, студента московского института. Таусолтан был Мухтару, соответственно, дедом. О родителях мы говорить не будем. Это черствые люди, которым наплевать на любимого внучонка Кермахан. Они только и знают, что посылать ему деньги, да говорят о том, что этот мальчик еще до института валил на землю, взяв за рога, молодого бычка. Настоящей заботы о сыне никакой. Так считает Кермахан. А она всегда права. Это знают все. И лучше всех знает это Таусолтан. Вот почему он не стал спорить и сказал только:

— Ехать так ехать... Только поездом долго. Не полететь ли нам самолетом?

— Ты что, рехнулся на старости?

¹ Сыбызгы — свисток.

— Молчи, женщина!— повысил голос Таусолтан, вспомнив, что он мужчина, и позабыв, что он муж Кермахан.— Летают же люди? Старые и молодые. Грудные дети и те летают.

— О, аллах, что говорит этот глупец!— завизжала старуха.— Послушайте его, люди! Да что народ скажет! Посмотрите на Кермахан — одна нога здесь, другая там, а она решила навестить ангелов, местечко для своей души подготовить.

Таусолтан открыл было рот, но Кермахан забила его плотным потоком слов:

— Хе! Кермахан в своей жизни ни одного намаза не пропустила, не то что ты, нечестивец! И нате — по небу летает! Нет, перед смертью не желаю аллаха против себя настраивать!

— Хорошо,— прервал Таусолтан.— Значит поездом?

— Поездом. По земле ведь,— успокоилась старуха.

На другой день Таусолтан привез билеты. А еще через день Кермахан набила самый большой чемодан лакумами, яйцами, двумя вареными индюками и тремя парами шерстяных носков. Через два часа «Волга» доставила стариков в Минеральные Воды.

— А что, из Нальчика поезда не ходят?— спросила Кермахан.

— Ходят,— уклончиво ответил Таусолтан,— но медленно. Как воловьи арбы плетутся. А тут — скорые. Моргнуть не успеешь, как окажешься в...

Но тут старик заметил, что Кермахан позеленела от злости: за прозрачной стеной аэровокзала вдруг открылось летное поле. Он ждал грозы, но Кермахан даже не посмотрела на него. Она подняла взгляд вверх и с упреком сказала:

— Чем, аллах, я тебе не угодила, что ты так жестоко меня покарал? О, будь проклят тот день, когда ты соединил меня с этим злодеем.

И Таусолтан впервые с теплым чувством подумал об аллахе: авось беседа с ним отвлечет его старуху. И та действительно молча пошла к выходу.

— Полетишь один,— только и сказала она.

— Видишь ли, женщина,— пробормотал Таусолтан,— я как-то не успел тебе...

Кермахан не слушала. Она во все глаза смотрела на

древнюю старушку, которая спокойно шла к самолету. Таусолтан заметил это и сказал коварно:

— На такси я, конечно, посажу тебя. Только жаль билета. Пропали деньги.

— Пусть сгорят они в огне,— ответила Кермахан, хотя знала толк в деньгах и слыла экономной хозяйкой. Но сейчас ее занимало другое. Старушка, которая ей в матери годилась, шла к самолету!

— Неужели эта развалина полетит?— изумленно пробормотала Кермахан.— Тобба-астофируллах!¹ Что творится на земле.

Радио объявило посадку, и многоопытный Таусолтан решил, что пора действовать. Он невозмутимо пошел на летное поле.

— Постой!— заголосила Кермахан.— Ты меня, значит, бросаешь?

— Бабушка, я помогу вам,— подошла к ней дежурная и, взяв под руку, повела на посадку. Кермахан сделала вид, что не заметила этого, и всю дорогу до трапа сыпала проклятия в спину Таусолтана.

В самолете ей понравилось. Особенно сиденья. Они были удобней, чем ее перина. Здесь можно было даже вздремнуть. И еще понравилась Кермахан белозубая хозяйка самолета, которая заботливо застегнула на ней ремень во время взлета, потом угощала конфетами и сладкой водой, спрашивала о самочувствии. Правда, Кермахан показалось, что девушка уже выросла из своей юбки и что губы у нее чуточку ярче, а ресницы чуточку длиннее, чем это бывает. Но молодая хозяйка была неутомима и вежлива, как новая невестка в доме, и Кермахан решила не замечать ее маленькие недостатки.

— Дочка,— сказала она стюардессе, когда самолет слегка трянуло.— А ты уверена, что самолет исправный?

— Конечно, бабушка. ИЛ — надежная машина. Вы не волнуйтесь.

— Да я ничего... А парашюты у вас есть?

— Зачем они, бабушка? Они не нужны.

— Так... А шофер...

— Летчик?

¹ Вроде «о, боже!».

— Ну да, летчик. Он как, не пьяница?

Девушка улыбнулась и сказала:

— Хотите, я вас с ним познакомлю.

Летчиков оказалось двое. Перед ними было множество приборов со стрелками и без стрелок, разноцветные кнопки.

Летчики были веселые и разговорчивые, но как раз это не понравилось Кермахан.

— Почему вас двое?— подозрительно спросила она.

— Один устанет, так другой ведет машину.

— А если оба устанете?

— Тогда машина сама пойдет.

— Сама? А вы тогда зачем тут?

Летчики переглянулись.

— Как вам сказать... Вот за приборами смотрим.

— Значит, сама не пойдет,— строго заметила Кермахан.— А мотор как работает?

— Отлично, мамаша. Их даже четыре.

— Зачем так много?

— Ну, один вдруг испортился...

— А если второй и третий?

— На одном полетим!

Кермахан хотела спросить: «А если и четвертый», но прикусила язык, чтобы не прогневить аллаха. Она только покачала головой:

— Не видела я, чтобы арба на одном колесе ходила,— и торопливо вышла из кабины.

Однако в кресле ей стало так уютно, что она успокоилась. Теперь ей захотелось посмотреть в окно. Но, кроме серебристого крыла, Кермахан там ничего не увидела. Она хотела было позвать хозяйку, но сообразила, что убрать крыло хозяйка не сможет. И Кермахан с раздражением посмотрела на лысеющего мужчину, который клевал носом, сидя у очень удобного иллюминатора впереди нее.

— Эй, джаланбаш,— сказала Кермахан, тронув его за плечо.

Он недоуменно оглянулся:

— Джаланбаш?

— Лысоголовой,— перевел Таусолтан и улыбнулся.— У нас это не в обиду, не сердитесь.

— Иди-ка на мое место, а я тут посижу,— сказала Кермахан.

— Но это мое место,— растерянно сказал мужчина. — Вот билет...

— Иди, иди,— начала терять терпение Кермахан.— Пусть твое. Только я хочу посидеть у окна. Иди, милый, какая тебе разница, где спать.

С высоты в восемь километров земля была особенно красива. Ровные зеленые квадраты иногда перерезались серебряными змейками рек. Города и села были маленькими и тоже очень аккуратными. Небо куда голубее, чем над родным аулом. А потом пошли облака, и вскоре самолет залез в туман, как ложка в сметану, и Кермахан равнодушно отвернулась. Смотреть на облака сверху для нее было делом не новым. Аул, из которого лет шестьдесят назад увез ее Таусолтан, был выше облаков, что порою укутывали ущелье.

Потом белозубая хозяйка снова пристегнула ее к креслу, и самолет коснулся бетонной дорожки. И только тут Кермахан впервые прочувствовала, что такое самолет. Выйдя, она с уважением посмотрела на серебристую птицу и торопливо пошла за своим Таусолтаном в здание аэровокзала.

В Москве Кермахан бывала не раз. И теперь, как всегда, она большую часть времени проводила под землей, разглядывая сказочные залы метро. Особой любовью пользовался у нее эскалатор. Всякий раз Кермахан желала рая на том свете человеку, который смастерил эту живую лестницу, что сама ходит.

А когда настало время отъезда, старый Таусолтан сказал:

— Послушай, женщина. На завтра билетов на самолет нет. Может, поездом?

— Можно и поездом,— ответила Кермахан неуверенно.— Только зачем такая спешка?

— Значит, самолетом?

И Кермахан ответила, не поднимая на мужа глаз, как в былые времена отвечали балкарские женщины горцам:

— Пусть будет, как хочешь ты. Разве может та, что носит платок, спорить с тем, что носит папаху.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

От первой пеленки до погребального савана верны человеку эти маленькие спутники всей его жизни. Они всегда рядом с человеком, они всегда идут с ним в ногу по всем его дорогам — гладким и прямым, пыльным и ухабистым, широким и узким. Мчимся ли мы, подгоняемые ветром удач, по благоустроенной магистрали жизненного успеха или плутаем по кривым тропинкам, утопая в грязи и проклиная день своего рождения, маленькие спутники ни на одном повороте, ни на одной остановке не оставляют нас в одиночестве. Чаще они бывают нашими друзьями, иногда — по нашей же вине — врагами. Однако они говорят о нас только правду. Лаконичную и бесстрастную правду. Причем, независимо от того, хотим мы этой правды или нет. Маленькие спутники нам приданы и преданы, как арабский конь своему седоку. Приходится и нам быть верными своим спутникам, ибо паша жизнь без них просто немыслима...

Речь идет о документах, которые оттопыривают наши внутренние карманы, занимают свои законные места в бумажниках и сейфах, в сумках и шкатулках, в портфелях и шкафах. И в каждом документе — имя, отчество, фамилия, род занятий, образование...

Едва успев родиться и заполучить себе имя, вы становитесь обладателем метрики — первого в нашей жизни документа — и с этих пор... пошло-поехало! Достигаете определенного возраста — паспорт, заканчиваете школу — аттестат, поступаете в институт или на работу — вам дают соответствующие документы, становитесь членом общества охраны природы или кассы взаимопомощи — опять документы! Удостоверения, свидетельства, дипломы, пропуска, членские билеты, обязательно трудовая книжка, а иногда и сберегательная, и все это с вашей фотографией, реже без таковой, но всегда с печатью (круглой, треугольной, овальной, прямоугольной) и, конечно, с подписью или с несколькими подтверждающими, что вы — это вы, и характеризующими ваше отношение к обществу и общества к вам.

Все мы, под луной родившиеся, находимся на строгом учете. А когда по воле «судьбы коварной и слепой» мы отправляемся туда, откуда еще никто не возвращался, учитывается и этот наш последний шаг. Правда, имена некоторых представителей рода человеческого продолжают жить и после смерти их владельцев. Эти имена снова и снова пишутся и читаются на тысячах (а иногда и миллионах) бумаг: значит, носители этих имен сделали при своей жизни что-то запоминающееся. Весьма и весьма запоминающееся. На годы, на десятилетия, на века...

Однако века всеобъемлющего учета не настали одновременно во всех частях мира подлунного. Это может вам подтвердить наш новый знакомый старый Биазурка, который впервые увидел свое имя написанным на бумаге, уже будучи зрелым джигитом с красивыми усами на загорелом лице и острым кинжалом на поясе. Было это в первые годы Советской власти. Тогда, собственно, ни один из граждан отдаленного балкарского селения не смог бы документально подтвердить ни своего имени, ни принадлежности к своему роду. Спустя какое-то время все аульчане, конечно, получили необходимые документы, а пока приехавший к ним на работу доктор решил сделать нечто вроде переписи населения.

Дом Биазурки оказался первым, порог которого переступил непривычный гость. Этот худой человек с маленькой медового цвета бородкой на узком лице смотрел на всех через продолговатые стеклышки, соединенные между собой провололочкой, которая каким-то образом прикреплялась к его переносице. Сероватый картуз с черным козырьком, белая рубаха, перепоясанная тонким ремешком, не новые, но блестящие ботинки и потертый, потрескавшийся саквояж свидетельствовали о том, что доктор — человек опытный, культурный и очень ученый.

Стоит ли говорить, с каким благоговейным уважением приняли доктора, если учесть, что людей столь благородной профессии в прежние времена горцы почти никогда и не видели!

— Дорогие друзья!— сказал гость.— Я приехал к вам, чтобы лечить вас от разных болезней. Но прежде всего нам нужно поближе познакомиться.

— Да будет ваша работа приносящей радость!— степенно откликнулся отец Биазурки, старый Заурбек.

— Да поможет вам аллах в вашем богоугодном деле,— добавила мать Биазурки и поспешила на кухню.

— Ну-с, начнем вот с этого джигита,— доктор обратил свой взор на Биазурку, стоявшего навытяжку у двери и смотревшего на гостя немигающими глазами.— Скажи-ка, братец, свою фамилию, имя, отчество.

— Доммаев Биазурка, Заурбеков сын,— громко выпалил молодой горец и с великим восторгом стал следить, как перо в тонких длинных пальцах доктора задвигалось и побежало по белой, как молоко, бумаге, оставляя за собой след, подобный крупным стежкам черной нитки.

— А теперь, дружок, год, месяц и число твоего рождения.

Биазурка смутился. Такого вопроса он никогда не слышал и не ожидал услышать. Он застенчиво потупил взор, словно крепко провинился перед доктором. Затем жалобно посмотрел на отца, потом на мать, которая только что вошла с чашей айрана.

Задумались и родители. Заурбек нахмурил брови, как в минуту, когда нужно принять какое-то важное и окончательное решение. Наконец он кивнул бийче¹.

— Скажи ты.

— Неудобно мне вмешиваться в разговор мужчин,— возразила она.— Лучше говори сам.

— Кому, как не тебе, лучше всех знать, когда родился твой сын,— настаивал Заурбек.— Скажи, не стесняйся.

— Да разве упомнишь! Ведь это было так давно,— вздохнула бийче.— Хотя, постой! Разве Аслан-эфенди не сделал тогда пометки в своем китабе?

— Ха-ха!— развеселился вдруг отец Биазурки.— Твой эфенди два с лишним года как удрал в Тюрк². Теперь он там только и делает, что размышляет о дне рождения твоего сына! Постарайся вспомнить сама...

— Вспомнила!— почти закричала она.— В тот год Даутбиев сын, сильно пьяный, поссорился с приезжим приставом и застрелил его. А сам скрылся, и с тех пор о нем ничего не известно. А за день до этого Хауалият родила двойню. Оба мальчики...

¹ Бийче — жена.

² Тюрк — Турция.

— Да при чем здесь Хауалиятовы! Твой-то когда родился?

— Подожди, не перебивай! Твоя мать, да будет рай пристанищем ее души, молоко ей еще носила. А после, когда у малышей стали прорезываться зубки, Хауалият приходила ко мне просить кукурузы, чтобы в честь этого события сделать жирн¹. Полную чашу дала я ей из того запаса, что хранился у нас на семена. И деревья в саду уже цвели...

— Ты что-то, женщина, не о том толкуешь, — махнул рукой Заурбек. — Наш-то родился, когда снег был. А ты «деревья цвели»!

— А я и не говорю, что наш весной родился. Но меньше года еще оставалось. А лето было очень засушливое, и трава на пастбищах выгорала.

— Точно, — подхватил Заурбек. — Еще бычок Даутбия по недосмотру Далхата свалился со скалы и подох. Нашли его на другой день, когда туша уже раздулась.

— И Даутбий вместе со своим зятем до полусмерти избил бедного Далхата, младший братишка которого еще выхватил кинжал и кинулся на этих зверей. Обоих ребят потом арестовали и увезли в Сибирь. Так и не вернулись, несчастные, обратно.

— Известная история, — хмуро заметил Заурбек. — А через несколько месяцев чуть не засудили сына кумыка — жестянщика. Помнишь этого парня, который так хорошо говорил по-русски?.. Он все хотел спасти Далхата с его братишкой. Друг им был.

— Конечно, помню. Сын жестянщика в одно время был в Нальчике толмачом у большого судьи.

— Перед последней поездкой в Нальчик он к нам заходил...

— И еще хвалил мой сыр и желал, чтобы у меня родился крепкий здоровый джигит. Вот... — торжествующе возгласила мать Биазурки.

— Тихо, тихо, тихо, женщина! — осенило вдруг Заурбека. — Сейчас, сейчас... Вернулся сын жестянщика на третий день после рождения Биазурки. Мы встретились с ним в кузнице у Ахмады, и он рассказывал, как был на байраме у своих русских приятелей, которые отме-

¹ Жирна — блюдо из вареной кукурузы, которое готовили в честь появления у ребенка первых зубов.

чали первый день века! Точно так и сказал: «Первый день века!» А мы его не очень хорошо поняли и попросили объяснить. Мороз еще такой сильный был... Сколько дров я сжег у нас в доме! А ехать от Нальчика в наш аул верхом, да и на арбе тоже ровно два дня!..

— Пиши, доктор. Скорей пиши,— с волнением заговорил до сих пор молчавший Биазурка.— Я родился первого января тысяча девятьсот первого года.

Доктор деловито проставил сведения напротив имени Биазурки и посмотрел на Заурбека:

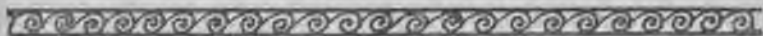
— А теперь начнем выяснять день, месяц и год рождения уважаемого тамады. Ну... хотя бы только год.

Заурбек съезжился и обмяк, как горец над трупом своей единственной лошади. Он шумно вздохнул и, положив огромные руки на стол, тихо сказал:

— Пиши, доктор, пиши. Мы, старые люди, жили в те старые, аллахом проклятые времена, когда нас знали не по бумагам, а вот по этим самым рукам. А потому годом своего рождения я считаю тысяча девятьсот семнадцатый.

— Но, позвольте,— слабо запротестовал доктор,— отец не может быть моложе собственного сына...

— Может, ты и прав. Не пристало мне, простому крестьянину, спорить с учейшим доктором. И все же счет своей жизни я веду с семнадцатого года. Пиши так.

ЗНАТОК ИЗ ГЕРПЕГЕЖА

Когда дни стали короткими, а ночи длинными, когда горный ветерок, ласкавший, бывало, в жару разгоряченные лица вдруг порастерял свои добрые качества, а взамен приобрел холодный, дождливый нрав, когда, наконец, окрестные луга и леса из ярко-зеленых стали огненно-рыжими, как хвост соседского петуха, все поняли, что наступила осень.

Заурбек уловил это гораздо раньше других, но по иным признакам, ибо причуды и краски природы совер-

шенно недоступны обладателю индивидуального сада: ему попросту некогда уследить за ними.

Да, да, помимо обычных забот, которыми к определенному возрасту спешит обзавестись каждый уважающий себя мужчина, Заурбек был обременен и хлопотами о собственном саде.

В один из осенних дней он грустно расхаживал между яблоневых и грушевых деревьев и, вздыхая, смотрел на ветви, которые ломились под тяжестью сочных плодов.

Щедрая осень преподносила ему свои дары.

Казалось бы, надо радоваться!

Сторицей вознагражден труд, оправданы затраты на разные там тяпки, мотыги, опрыскиватели и секаторы, самым честным испытанным способом заработан хронический радикулит, словом, все, как заведено издавна у заправских садоводов, но...

Заурбек бродил как туча. Ничто не радовало его. Одна мысль занозой сидела в его голове.

Куда теперь девать все это розовато-желтое пахучее изобилие? Даже если триста шестьдесят пять дней в году устраивать разгрузочную диету и питаться одними яблоками и то хватит на добрый десяток лет.

Может, раздать соседям?..

Кроме обиды, не выйдет ничего путного: у них-то урожай не хуже.

Ждать заготовителей? Но это так же бессмысленно, как попытка растопить льды Эльбруса. Пока заготовители приедут — яблоки погниют.

Примерно так размышлял Заурбек, когда из-за ограды его вдруг окликнул Аскер, сосед Заурбека слева и школьный учитель истории.

— Эй, Заурбек! Что задумался? Или черви в яблоках завелись?

— Нет, Аскер, — со вздохом отвечал Заурбек, — яблоками я доволен. Однако перестарался. Никак не рассчитывал, что мой собственный сад задаст такую задачу, шайтан бы ее побрал! Куда я все это дену!..

— М-да, — согласился Аскер. — Действительно, задача нелегкая. Что ж, сделай заявку — приедут. Урожай соберут, деньги дадут да еще спасибо скажут. А из твоих яблок и слив компоты сварят.

— Может, оно и так, — в сомнении покачал головой

Заурбек,— да вроде бы неловко мне, ветерану гражданской войны, коммерцией заниматься.

— Тогда давай спросим у эфенди Хажомара,— предложил Аскер — Если он не посоветует — кто еще посоветует? А сегодня вечером эфенди как раз придет ко мне в шашки играть...

Хажомар — правый сосед Заурбека, худой, на редкость подвижный старик, был когда-то муллою и односельчане по старой памяти так и величали его — эфенди. Ныне Хажомар довольно исправно выполнял обязанность вооруженного стража сельмага и других прилегающих к магазину не менее важных объектов.

Фигура эта была любопытная — этакое причудливое соединение вчерашнего и сегодняшнего. Были ведь времена, когда в церквях и мечетях устраивались клубы и избы-читальни. На такую модернизированную мечеть смахивал и сам Хажомар: закваска старого проповедника в нем, безусловно, осталась, хотя проповеди его теперь никто не принимал всерьез, разве что несколько древних стариков и старух, которым давно перевалило за семьдесят. С другой стороны, бывший мулла исправно читал периодику, главным образом газету «Коммунизме жол», журналы «Здоровье», «Крокодил».

...Не успели Аскер и Заурбек начать игру, как явился эфенди Хажомар.

— Воссалам алейкум, дети мои!

— Алейкум салам, эфенди. Садись, дорогой. Будешь играть с победителем.

Когда последние лучи осеннего солнца скрылись за ближними холмами, а горы вдаль стали фиолетовыми, партнеры завели разговор о нынешнем урожае, о садах, которые в этом году повергли в смятение не одного Заурбека.

— Считаю, что аллах взглянул на тебя добрым оком,— важно изрек Хажомар и погладил свою козлиную бороду.

— Оно, может, и так, уважаемый сосед,— заметил Аскер,— но не мешало бы ему быть последовательным и заодно подсказать, каким способом нашему другу Заурбеку управиться со всем этим добром!

— Вы, я вижу, не прочь пошутить,— обиделся Заурбек, вставая,— а мне не до шуток!

— Какие тут шутки!— Аскер с трудом усадил соседа

и многозначительно помолчал несколько минут, как он всегда делал в классе, когда собирался сообщить ученикам нечто важное.— Слушай, Заурбек, и не перебивай,— сказал он торжественным голосом.— Взгляни на этот стаканчик из-под бузы, который ты только что осушил и, как мне показалось, не без удовольствия.

— Ну так что? Стакан — он стакан и есть.

— Если хочешь, чтобы твой урожай принес людям радость, сделай из него вино!

— Какое еще... вино?— удивился Заурбек.

— В здравом ли ты уме?— поинтересовался Хажомар.

— Обыкновенное вино. Я научу. И справочники, какие нужны, найдем, и все найдем. Пить будем, гулять бу... То есть ты будешь пить. Гостей угощать. И летом, и зимой...

— Не слушай его богопротивных советов!— вскипел бывший мулла.— Вино — греховный напиток. И делать его и пить — значит гневать аллаха. Где это видано, чтобы мусульмане давили яблоки на вино! Коран запрещает это!

— Коран, коран!— непочтительно передразнил Аскер эфенди, кипевшего благородным негодованием.— Опять ссылаешься на свою устаревшую энциклопедию. Что из того, что файханбару, древнему ее редактору, не по вкусу пришелся янтарный напиток? При чем тут Заурбек и все остальное человечество? Почему они-то должны страдать от жажды?

— Тоба, тоба! О чем ты говоришь, несчастный!— Эфенди побагровел и на мгновение задохнулся, как будто проглотил целую баранью лопатку.— Заурбек, скажи хоть ты разумное слово безбожнику! Скажи скорей, пока аллах не услышал его мерзких речей!

— А по-моему, Аскер правильно говорит,— задумчиво произнес Заурбек.— Вкусное домашнее вино... Пожалуй, неплохо, а?

— Рехнулся, старый,— вконец расстроился бывший служитель аллаха.— Мало, что одной ногой в могиле стоишь, так и другой туда захотел!

— Пока и вторая моя нога не попала в это мрачное место,— сердито сказал Заурбек,— я думаю, надо послушаться доброго совета! И как я сам раньше не догадался!

— О аллах, что слышат мои бедные уши!— простонал Хажомар и заковылял к двери, стуча в пол своей суковатой клюкой.

Долго еще сидели в тот вечер Заурбек и Аскер, обсуждая всевозможные винодельческие рецепты, а наутро Заурбек принялся за дело.

Не одна неделя прошла, прежде чем иссякло терпение эфенди Хажомара и вполне понятное любопытство не заставило его постучаться в ворота Заурбека.

Едва ли следует подробно описывать возмущение эфенди, когда он увидел в доме соседа батарею бутылок, наполненных розовой жидкостью.

— Э, Заурбек,— горестно покачал головой эфенди, машинально проглотив слюну,— шайтан совратил тебя с пути истинной веры. Хоть и не справлял ты намаза и не держал уразы, но все же в душе, я думаю, остался верным аллаху. Но это...— эфенди махнул палкой в сторону бутылок и облизнул губы,— это уж слишком. Бог не простит. Он все видит. Все знает.

— Вкус моего вина тоже знает?— хитро спросил Заурбек.

— Я сказал все — значит, все.

— Стало быть, и аллах знаком с этим зельем. А раз так, почему я должен верить твоему файханбару? Аллах ведь чином повыше.

Эфенди раскрыл было рот, но не нашел слов для ответа.

— Лучше, Хажомар, попробуй стаканчик. Может, оно не того сорта, который запрещает коран? Должен же я знать, какое получилось вино — хорошее или плохое? Знаток мне нужен, ценитель...

У эфенди даже губы затряслись от справедливого гнева. Он еще раз бросил сверкающий взгляд на дразнящий строй розоватых бутылок и, пристукнув палкой об пол, живо ретировался.

...И вот однажды, когда тени стали совсем короткими и осеннее солнце остановилось над крышей Заурбекова дома; в двери его постучал незнакомец. Невысокий худой человек неопределенного возраста. На тощей загорелой шее его торчал острый кадык, глаза запали, и трудно было понять, что они выражают, а впалые щеки синели редкой щетиной. Нос его в нижней своей части по форме и цвету напоминал перезревшую сливу.

Войдя, незнакомец небрежно кивнул Заурбеку и, не дожидаясь приглашения, бесцеремонно уселся на стул.

— Говорят, в этом доме угощают вином,— сказал он, потирая руки.

— Да, да, конечно,— оживился удивленный хозяин и торопливо наполнил стакан.— Вы, думаю я, знаете... слышали, стало быть... Мнение авторитетного человека... Понимаете, сам я не разбираюсь во всех этих винах...

— Я разбираюсь,— перебил его гость, не спеша и со знанием дела расправляясь с угощением.

Опорожнив стакан, он тут же его снова наполнил и продолжал пить маленькими глотками с таким торжественным видом, как будто выполнял важную церемонию. Кадык его двигался вверх и вниз так же гордо и неторопливо, а кончик носа из синего постепенно становился малиновым.

Заурбек молча ждал.

Гость посмотрел в потолок, пошевелил губами и потянулся к следующей бутылке. «Квалифицированный специалист,— с уважением подумал про себя Заурбек.— Такой не станет болтать попусту, пока не распробует...»

Когда со второй бутылкой было покончено, незнакомец тихо, но весомо сказал протяжно: «Да-а-а...»

Заурбек совсем упал духом. «Что бы это могло означать?— мучительно думал он, пытаясь по выражению лица гостя угадать, какой скрытый смысл таился за этим многозначительным «да-а-а...»— Может, никуда не годится мое вино?..»

А гость все продолжал дегустировать. Правда, кадык теперь двигался гораздо быстрее. И короче стали паузы между стаканами. И между бутылками тоже.

Вот он поставил очередной стакан на столик и, причмокнув, погрузился в раздумье.

«Сейчас скажет,— с надеждой подумал Заурбек, изнывая от нетерпения. Ему казалось, будто он слышит даже биение собственного сердца.— Сейчас скажет. Уж этот знает толк в вине, сразу видно. Однако, доложу я вам, дегустация — нелегкое дело».

Пауза затянулась. Заурбек, растеряв остатки терпения, хотел уже было задать стереотипный вопрос: «Ну как?»— но в этот самый момент услышал такой добротный, ритмический хrap, что не решился беспокоить гостя

и только заерзал на своем стуле. Наконец он вежливо тронул плечо незнакомца:

— Послушай, уважаемый...

Тот поднял голову, посмотрел на Заурбека равнодушным взглядом и тихо пошел к дверям.

— Ну, как мое вино, уважаемый?— не выдержал Заурбек.

Гость обернулся еще раз, глаза его стали мутными как вино, разбавленное водой.

— Не то!— негромко, но категорически сказал он и удалился нетвердой походкой.

А Заурбек смотрел ему вслед и недоуменно качал головой. Откуда было ему знать, что он угощал младшего брата отставного эфенди Хажомара, который приехал к мулле в гости из Герпегежа,

ПЕРВАЯ РОЛЬ

В заоблачном ауле курсанты Ленинского учебного городка готовились к своему первому спектаклю по программе агитпохода.

Комиссар Сафар ходил по саклям и, горя очами, пояснял старикам новую форму деятельности Советской власти, именуемую «культурным делом».

Старики важно поглаживали бороды и молча слушали комиссара, как пророки, за которыми последнее слово. Но последнего слова не говорили. Они были мудры и полагались на коран, который не упоминал о «культурном деле», стало быть, не поощрял его, хотя и не осуждал.

Комиссар Сафар положился на революционный риск, поддержанный молчаливой мудростью аксакалов.

— Дёржись, Магомет,— сказал комиссар, положив руку на плечо главному артисту.— Этот день останется в памяти аула, хотя сейчас никто об этом и не подозревает.

— Меня убьют, Сафар,— сказал артист.

— Если ты хорошо сыграешь свою роль!— возразил комиссар.— Неужели ты не хочешь умереть за революцию? Или ты не джигит?

Артист печально посмотрел на свежий шрам, изуродовавший щеку комиссара, которому смерть за революцию была не страшна. Артист вздохнул — ему стало известно и страшно: он не умел играть плохо.

Белые гребни далеких гор окружили аул. Серые облака дремали, прижавшись к утесам. А в теснине пробивалась через камни неумная горная река. Она рвалась на равнину и неистово кипела, заполняя зловещим гулом все ущелье. Спокойное предвечернее солнце играло радугами над кипящей рекой.

— Посмотри, Сафар,— бодря самого себя, сказал артист,— природа позаботилась об оформлении нашей сцены. Не плох фон. А?

— Художник — что надо,— одобрил Сафар,— лучше не нарисуешь. Возьмем себя в руки, Магомет! Революция не терпит трусов!

Юные горцы носились по аулу и скликали правоверных на зрелище, которого сроду еще никто не видел.

Старый мулла не одобрял богопротивных лицедеев, но любопытства не превозмог. Правоверные молча кивали головами или снисходительно улыбались, слушая его беспомощную и неубедительную агитацию.

А когда появилось несколько уважаемых аксакалов, осмелели и те, кто никак не решался идти на богопротивное действие.

Старики заняли свои места. Расселись, подстелив под себя бараньи шапки, и юные горцы. Самые старшие зрители вели между собой неторопливые беседы, впрочем, с нескрываемым нетерпением поглядывая на большую скатерть, несомненно реквизированную у какого-то богача,— так ему и надо.

А за скатертью суетились молодые люди, приехавшие из Нальчика. Их называли странным и совсем непонятным словом «артис».

И вот когда «артисы» закончили свою подготовку, перед утомленными ожиданием зрителями с непродолжительной речью выступил комиссар Сафар. В его речи часто повторялось это мудрое слово «артис» и, того хуже,— труднопроизносимое и для самого Сафара слово «спектакль».

Комиссар Сафар высказался, махнул рукой и большая скатерть, распавшись надвое, поползла в разные стороны.

За скатертью белели гребни гор, серые облака прижимались к утесам, а спокойное предвечернее солнце играло радугой.

Перед зрителями стоял толстый бий, значит — враг, такой толстый, каким может быть только очень богатый человек, сожравший не одно стадо баранов.

На серебряном поясе богатого бия сверкал дорогой кинжал. Но сильнее кинжала сверкали его злые глаза, излучавшие яд ненависти.

Вот он расхаживает, этот бий, расхаживает, поскрипывая добротными сапогами, купленными не иначе, как в Нарсане, злобно кричит на молодого батрака, одетого в лохмотья, и грозитя заколоть его кинжалом тут же.

Но молодой батрак, судя по всему, был не из пугливых. Он довольно громко возражал бию, говоря о справедливости, честности и равноправии, отчего бий впадал в бешенство и, придерживая непомерное брюхо, грозно наступал на дерзкого бедняка. Глаза его были полны ярости и гнева, а голос устрашающе хрипел.

Доселе молчавшие зрители стали замтно волноваться.

— Кончилась ваша власть, пауки-кровопийцы,— бросил в лицо богачу дерзкий батрак.— Натерпелись мы! Теперь настал наш черед! И земля, и вода, и пашни, и луга теперь наши. Они обильно политы нашим потом, значит — они теперь наши! Мы теперь хозяева жизни! Долой мировую буржуазию!

— Молчи, голодранец! — возражал бий.— Я кормлю тебя и одеваю, ты должен быть мне благодарен!

— Нет! — кричал бедняк.— Ты сам кормишься моей кровью и моим потом! Ты присваиваешь мою прибавочную стоимость! Ты сосешь соки из меня два года!

— Верно говорит юноша! — тихо, но строго промолвил самый мудрый аксакал, повернув голову к соседу. Сосед так же степенно поддержал его.

Краткая беседа двух самых уважаемых людей открыла страсти, успевшие накопиться в справедливых горских сердцах.

Страсти вырвались наружу:

— Правильно говорит!

— Верно говорит!

— Столкни ты его с горы, пусть катится до самого потока! Зачем переводить слова?

Радостью победы запела душа артиста. Грозные окрики толпы загнали его на самую вершину Царства Перевоплощения. Вчерашний батрак, он чувствовал классовую ненависть к толпе, ту самую ненависть мировой буржуазии, о которой рассказывал ему политически подкованный комиссар Сафар, но которую он раскусил только сейчас.

— Исчезни прочь, грязная собака!— заорал он, выхватив кинжал, чего делать не полагалось по ходу действия.— Я сверну вас всех в бараний рог, проклятые голодранцы!

Джигиты повскакивали с мест и схватили рукояти своих кинжалов.

— Что тут творится, джамауат?— величественно встал над народом самый мудрый аксакал.— Эй, джигит, не будь трусом да спори ему, этому богачу, брюхо, набитое салом!

Гнилое яблоко угодило артисту в спину. За яблоком полетели камни, а палка огрела его по плечу, рука выронила клинок. Это было уже слишком опасно. Комиссар Сафар вскочил с места и поднял руки:

— Что случилось, джамауат? Или вы совсем лишились разума?

Лучше бы он этого не говорил. С задних рядов на сцену с визгом рванулся молодой джигит:

— Правоверные! Комиссар на стороне богача!

И, сверкнув кинжалом, вспорол брюхо ненавистного бия. Но не поганая кровь богатея хлынула из вспоротого брюха и не мерзкое сало, а понеслись из него пух да перья.

Джигит, брезгливо дернув орлиным носом, досадливо сунул кинжал в ножны.

Комиссар Сафар, мигом убедившись, что подушка была достаточно толста, дружески обнял джигита:

— Не огорчайся, брат! Твой кинжал еще пригодится в борьбе с мировой буржуазией! Ты выдержал испытание.

И тогда самый мудрый аксакал встал рядом с Сафаром.

— Не нужно волноваться,— негромко сказал он.—

Эти джигиты показывают события, которые совсем недавно были и на нашей земле. Показывают, чтобы молодые знали, а старые помнили. Доброе это дело.

Отвязывая распоротую подушку, артист нехотя спустился с вершины Царства Перевоплощения. По пьесе полагалось еще целых два отделения, в которых батраки побеждали ненавистных буржуев. Но кто станет ждать, когда можно сразу.

Зрители и артисты молча смотрели друг на друга. Комиссар Сафар начал хлопать в ладоши. И аул загремел от ударов могучих, тяжелых рук. И, говорят, не слышно было дальнего гула горной реки, ибо ладони гремели как могучий камнепад.

Над горами еще алел нежный отсвет заходящего солнца. А на другой стороне неба начали мигать бледно-желтые звезды. Слабый ветерок прошел по занавесу легкой волной.

— Что ж, для начала неплохо, — сказал артисту комиссар Сафар. — Это трудно начать. А потом — пойдет, если ты революционный артист, а не бурдюк с кислым айраном. В Верхнем ауле стреляли в артиста и чуть не убили. Я тебе не хотел рассказывать, чтобы ты был смелее. Но поверь мне — унесли по-настоящему раненого, истекавшего настоящей, собственной кровью!

А артист остывал от небывалого счастья, рассеянно слушал комиссара и начинал робко понимать, что велик не только перед бесстрашным комиссаром Сафаром, но, возможно, даже и перед самим пророком...

БЕЗ ПОЗВОНОЧНИКА

Тогда я еще не был знаком с врачами. Вернее, был, но наши встречи проходили обычно за дружеским столом, где вместо запахов эфира и хлороформа витали ароматы румяных хычинов и нежной баранины. А темы разговоров даже отдаленно не были похожи на меди-

цинские. Ибо понятие «болезнь» для меня было так же далеко, как айсберги Антарктики.

Мои просвещенные друзья любили говорить в часы досуга о премьере телевизионного фильма, о хоккейных баталиях, о прелестях восточной кухни, о тайнах электроники и о покорении вселенной... О чем угодно, только не о гипертониях, бронхитах, инфарктах и прочих неблагозвучных вещах.

Но жизнь есть жизнь, и, как давно выяснилось, меняются в ней не только темы разговоров.

Однажды — отсюда и следовало, пожалуй, начать наш очень невеселый рассказ — мне сказали, что я обладаю чертой характера, которая доставляет массу неудобств не только моим окружающим, но и мне самому. Потому что, как мне сказали, нередко случалось так, что мое мнение по тому или иному вопросу иногда оказывалось прямо противоположным высокому мнению уважаемого человека, в поле зрения и под мудрым началом которого я состоял на службе.

Мне сказали об этом весьма мягко:

— Ты, дорогой, очевидно, прав, и многие — мысленно — на твоей стороне... Но заметь себе: одно дело — мысленно, а другое — устно. Мотай на ус...

Сказавший это мой благодетель считался человеком авторитетным и уважаемым в коллективе. А потому я начал наматывать себе на ус все им изреченное.

Но изреченное им плохо наматывалось, поскольку я продолжал верить в то, что если правда может быть резкой и прямолинейной, то ей не обязательно быть гибкой и тупой.

Правило обмена мнениями было мне не всегда понятно. В результате такого обмена я почему-то всегда оставался в убытке, поскольку мне ни с того, ни с сего приходилось называть ишака лошадью, несмотря на то что разница между этими животными очевидна даже им самим.

— Как же мне быть? — спросил я своего благодетеля.

— Никак, — ответил он, — никак не быть. То есть сделать так, как будто тебя нет. Будь никаким, если хочешь быть хоть каким-нибудь...

Совет его не пропал даром! Действительно — неужели ишак и лошадь сами не разберутся, кто они такие,

если в пылу дискуссии мы назовем их слоном и бегемотом?

И я решил стать умным, потому что быть умным — это значит не быть дураком.

Однажды пригласил меня Сам.

— Дело вот в чем, — спокойно начал он, взвешивая каждое слово. — Уже не первый год работает в нашем ведомстве Диммиев Айтек. По нашему мнению, он, наконец, заслуживает правильной оценки его труда.

— Да, конечно, — бодро вымолвил я, уловив паузу. — Айтека я знаю давно. Законченный забулдыга и прохвост...

— Ты так думаешь? — спросил Сам, глядя мне в глаза.

— Разумеется, — сказал я, почувствовав, что настал момент быть умным, — Айтек личность видная и даже, возможно, достойная ордена.

— Медали, — мягко и ненавязчиво поправил меня Сам, потупив взор.

— Совершенно верно, медали! — горячо согласился я.

— Ну что ж, — одобрил меня Сам. — Если ты так считаешь, пусть — медали. Я всегда готов поддержать ценную инициативу подчиненных. Подготовь соответствующую бумагу!

Все, оказывается, проще, чем я предполагал. Нужно только решиться быть умным, а когда решишься — будто гора свалится с плеч.

Я стал выступать на производственных совещаниях легко и непринужденно. В разговорах с сослуживцами я тоже чувствовал себя легко и непринужденно. И уж совсем легко — как пух — и непринужденно — как птичка — чувствовал себя в беседах с начальством.

Время от времени я ни с того ни с сего стал оседать подобно свече, попавшей на жаркое солнце. Вот так — стою, стою и вдруг стаиваю в кучу. Одним словом, расплываюсь.

Меня поднимали за загривок, и я некоторое время все-таки стоял вертикально, прежде чем снова расплыться. Но поскольку на службу меня теперь возили в казенной машине, как лучшего работника, а в кабинете я сидел в мягком кресле, — все это не доставляло мне никаких неудобств. Я чувствовал себя прекрасно, как чело-

век, наглотавшийся элениума на сто лет вперед. Все вокруг было мне безразлично или, проще говоря, до лампочки.

Но семье моей это почему-то не нравилось. После очередного оседания семья подняла меня и отнесла к врачам выяснить, какая у меня холера и долго ли я еще буду оседать.

Впервые в жизни я попал в темный кабинет, который называется рентгеновским. Врачи толпой рассматривали мое содержимое и удивленно качали головами. «Невероятно»,— воскликнул один. «Потрясающе!»— сказал другой. «Мистика»,— прошептал третий. «Держи его, чтобы не осел!»— крикнул четвертый.

Пригласили главного. Профессора. Он нахмурил седые мохнатые брови и долго смотрел в меня через стекло.

— Интересный экземпляр,— сказал он таким голосом, как будто перед ним стоял не современный интеллигент, а черт знает кто,— у него нет позвоночника... Слышишь, дорогой? Ты без позвоночника! Иначе говоря — бесхребетный!

— Да, это верно,— ответил я из-за стекла.— Раз вы, большой хаким, так говорите, значит, так оно и есть.

— Если руководствоваться здравым смыслом,— задумчиво проговорил профессор,— ты не жилец на этом свете. Это недоразумение, что в тебе теплится жизнь.

— Вы, конечно же, правы,— сказал я, вышел из аппарата, тихо лег на кушетку, покрытую холодной простыней, закрыл глаза и, недолго думая, умер.

Уходить из жизни в пору цветения вишни и таяния остатков снегов было, разумеется, неуважением к пробуждающейся природе. Умирая, я сообразил, что поступаю необдуманно, поскольку отсутствие хребта еще никому не мешало жить на этом свете. Но, не получив указания остаться в живых, я все-таки умер.

Сотворив ряд обязательных процедур, оставшиеся в живых несли меня к последнему пристанищу,

Сам сказал:

— Какого сотрудника мы потеряли!

— Он был образцом дисциплины и исполнительности,— сказал награжденный мною Айтек.

— Да-а, таких уж больше нет,— поддержал зам Самого.

После этого меня запихали куда надо и все разошлись жить дальше.

Вот они там где-то живут, а я отдыхаю, поскольку мне жить не надо.

Живу день, живу два, вдруг слышу:

— Извините, вы тоже — без хребта?

— Как скажете, — говорю, оборачиваюсь и вижу, как на меня смотрит нежилец с интеллигентным лицом. Смотрит и говорит:

— Они без хребта не принимают!

— Не надо, — говорю.

— Нам придется снова ожить, — говорит.

— Оживем, — говорю, — делов-то!..

— Но может быть, и примут, — говорит он.

— Тогда не оживем, — говорю.

Так мы лежали с ним и беседовали на острые темы.

А вокруг нас сплошной симпозиум.

— Без позвоночника в рай не принимаем! — говорят ангелы.

— Без позвоночника в ад не принимаем, — говорят черти.

Ну и не надо, думаю. В рай, в ад, какая разница — стоит ли так шуметь из-за пустяков!

Я нахожусь в вестибюле, а черти и ангелы целый день спорят, что им делать с бесхребетными, которых им все чаще присылают сверху.

А я думаю так — раз присылают, значит — надо.

ТАКОЙ УМНЫЙ МАЛЬЧИК

За месяц до начала школьных занятий ко мне приехала дальняя родственница с сыном лет десяти:

— Пусть этот оболтус до учебы поживет у тебя. Я еду в санаторий, и мне некуда его девать...

— Не возражаю, — печально ответил я. — Думаю, что нам будет весело.

С мальчиком я не был знаком, но первое впе-

чатление от него оказалось весьма благоприятным.

Мы вместе пошли провожать его маму в санаторий.

— Слушайся своего дядю, как брата,—сказала мама.

Мы вернулись домой.

Я первый вошел в квартиру, а мой юный гость задержался.

Он усиленно вытирал ноги.

— Ну, ладно, что ты там завозился,—сказал я,— туфли твои и так сверкают чистотой.

— Это только кажется,—важно ответил отрок,— а на самом деле, если внимательно рассмотреть туфли в электронный микроскоп, можно обнаружить много микробов, возбудителей разных заболеваний, в том числе и кишечно-желудочных.

Я немедленно снял свои туфли и, держа их на отлете, стал рассматривать.

— В электронный микроскоп,—повторил отрок,— так ты ничего не увидишь...

Я очень скоро заметил в поведении мальчика какую-то несвойственную для этого возраста степенность и чрезмерную аккуратность. Это меня не столько обрадовало, сколько насторожило. «Это вы все вначале такие тихонькие да умненькие, а потом...»

Вечером включили телевизор. На столик поставили чай и печенье. Но мой гость отказался пить чай.

— В чае имеется кофеин и теин,—сказал отрок,— эти вещества пагубно действуют на сердце и могут повредить сну. Тебе не следует злоупотреблять этими продуктами.

— Ты так думаешь?—испугался я.

— Странно, что ты этого не знаешь...

— Но я всегда пью самый крепкий чай и сплю вроде бы неплохо.

Отрок усмехнулся.

— Разве тебе не приходилось видеть дурные сны?

— Я не помню,—растерялся я.

— Вот видишь,—сказал он,—память твоя уже разрушена этими вредными напитками...

Настенные часы ударили десять, и мой гость начал немедленно собираться спать.

— Чего ты торопишься,—удивился я.—Фильм-то ведь еще не кончился!

— Уже десять,—возразил он.—А я привык ложить-

ся в одно и то же время.— Кроме того, телевизор не только утомляет зрение, но и расслабляет наши суставы. Он действует на психику и делает людей неуверенными, ленивыми. Если ты будешь смотреть телевизор — ты станешь плохо учиться.

— Но я — как бы тебе объяснить — уже выучился... Я — окончил университет...

— Вот видишь, — поднял он пальчик, — как пагубно подействовал на тебя телевизор! Ты забыл, что учиться надо всегда! Телевизор твой враг.

Я не стал спорить с мальчиком. Я задумался над своей жизнью и почувствовал неловкость за неправильно прожитые годы.

Утром юный гость разбудил меня вежливым приветствием:

— Доброе утро. Сейчас я открою окно, и мы займемся физзарядкой.

Я начал ему повиноваться.

— Погоди, — сказал он, — вернись и прибери постель.

— Да оставь ты! Сестрицы придут и уберут!

— Они будут нас стыдить, — все тем же спокойным голосом ответил гость.

Я покорился.

— Не мешало бы теперь и позавтракать, — нерешительно предложил я, — как ты на это смотришь?

— Оно, конечно, нужно. Но перед приемом пищи необходимо полчаса погулять, чтобы приготовить организм к правильной перистальтике.

— Нет, пожалуй, на этот раз я не соглашусь с тобой. Я тороплюсь на службу. Не будут же там ждать, пока я налажу эту перистальтику!

Когда я вернулся с работы, мой гость стирал в ванной свою рубашку.

— Послушай, друг, что это такое? — возмутился я. — Да где это видано...

— Чтобы мужчины стирали свои рубашки, да? — перебил он меня.

— Вот именно!

— Нехорошо, — сказал он. — Ты не уважаешь женского равноправия, за которое столько веков боролись лучшие умы человечества. Кроме того, в армии или на флоте нет рядом ни матери, ни сестер. Если бы солдаты рассуждали, как ты, они ходили бы в грязных гим-

настерках, что немедленно отразилось бы на их боеспособности. Если ты патриот, ты должен учиться стирать свои рубахи...

— М-да,— согласился я.— Я патриот.

— В таком случае, ступай мыть посуду,— приказал мальчик тоном главнокомандующего.

Контакт с молодым родичем постепенно ввергал меня в отчаянье. Совесть, которая так хорошо и привычно устроилась в моей душе, подобно сытому коту на мягком диване, вдруг взбудоражилась, подобно тому же коту, на которого внезапно напала собака. Я стыдил себя за то, что не берегу своего здоровья, каковое является достоянием общества. Я спрашивал себя в упор — патриот ли я?

Мне становилось страшно. Родственница, укатившая на курорт, подкинула мне не ребенка, а живой укор. Чистый ангел положительного начала бытия торчал передо мною, слепя своей чистотой.

Во дворе мальчишки играли в футбол. Их свирепые, покрасневшие лица и отрывистое дыхание говорили о том, что матч очень серьезный и обе команды полны решимости победить. Форварды мотались взад и вперед, падали, вскакивали, с остервенением лупили по мячу и горько переживали промахи.

— Может, сыграешь?— осторожно спросил я, скрывая коварство.

Отрок пресек мои провокационные действия на корню:

— А зачем это нужно?— невинно спросил он.— Зачем пачкать ботинки и рвать рубашку?

Я уже не мог сдерживать себя:

— Рви свои ботинки и рубашку,— заорал я.— Разбей окно! Подерись здесь же с кем-нибудь!

На следующий день, когда я вернулся с работы, мои милые сестры напоминали разъяренных тигриц:

— Кого ты впустил в дом?! Какого шайтана ты согрел у нашего мирного очага?!

За сестрами, ухмыляясь нагловатой рожей, украшенной подглазными фонарями, стоял отрок. Рубаха его была разодрана.

— Он разбил окно в пятой квартире,— кричали сестры.— Он сломал велосипед мальчику из четырнадцатой! Он подставил ножку дворнику! Он...

— Тихо!— перебил я.— Поди сюда, негодяй!

Негодяй подошел, застенчиво опустив глаза.

— Видишь,— сказал он,— я не такой плохой, как тебе показалось. Эти женщины не все сказали. Я разбил еще витрину в парикмахерской и, надеюсь, скоро тебе принесут за нее счет.

— Зачем же ты мне морочил голову?— возмутился я.— Ты же — нормальный!

— Да,— потупился он,— я нормальный. Мама приказала мне сделать отклонение от нормы на этот месяц. Я бы выдержал. Но когда ты заплакал, мне стало тебя жалко...

Гуманист!— всплеснул я руками.— Эразм Роттердамский!

— Видишь ли,— сказал отрок,— у меня есть некоторые расхождения с этим мыслителем...

— Опять?!— заорал я.— Заткни свой ученый фонтан!

— Как скажешь,— послушно ответил он,— если хочешь, я разобью милицейский стакан — предположительная траектория полета камня, кинутого с крыши, позволяет надеяться, что это мне удастся...

ДОМАЛАЙ И ЗЕКЕ

Домалай, широкоплечий, среднего роста румянощечный тулпар¹, вышел не спеша во двор своего дома и посмотрел на утреннее солнце, которое уже начало основательно прогревать землю и небо. Он раскрыл розовый рот, прикрыл глаза и сладко потянулся, издавая приятное рычание. Снова потянувшись, Домалай сомкнул мощные челюсти и вытер выступившие слезы.

Из-за высокого плетня торчала голова его соседа Зеке, похожая на спелый лысый арбуз,

¹ Тулпар — силач.

— Уо, салам-алейкум, Зеке, — печально сказал Домалай. — Чего ты так рано всполошился? Какое срочное дело лишило тебя покоя?

— Алейкум-салам, Домалай, — ответил арбуз. — Никаких особых дел я не предвижу... Но разве беседа с дорогим соседом не представляет собою дела, ради которого стоит проснуться?

— О чем ты говоришь, дорогой друг! — развел руками Домалай. — О чем ты говоришь! Давай, дорогой, приходи сюда. Разве аллах напрасно сотворил нас соседями?

Зеке отодвинул плетень и вошел на территорию Домалай, говоря:

— Да будет благословен твой дом, да будут у тебя гости в радостные события и в счастливые дни. У меня, Домалай, курево кончилось и потому свет померк в глазах. И проклятый магазин в самое нужное время никогда не увидишь открытым...

— Не беда, дорогой сосед, — обрадовался Домалай. — Да не будет у тебя большего горя, чем это. Садись, друг мой бесценный, вот на эту скамеечку и задымим вместе. Как это подобает делать соседям, у которых сердца открыты друг другу, как ворота рая, а не как двери магазина. Расскажи, что нового, как жизнь, чем занят?

— Что я могу рассказать такого, что было бы новостью для твоего мудрого слуха? — пустил дым Зеке. — Эта женщина, моя жена, ни свет ни заря уходит доить корову и кормить овец, а мне не с кем перекинуться словом, можно подумать, что для нее эта компания интереснее родного мужа...

— Да-а, — протянул Домалай. — Оллахи-билляхи... Точно так обстоят и мои дела. С желтым рассветом лучезарная невестка уходит на кухню и возвращается оттуда, чтобы отправить детей в школу, после чего уходит к скотине и птице. Она разучилась разговаривать. Видишь, вон она колет дрова. Что ей могут сказать эти колоды?

— Да, да, — согласился Зеке. — Должен сказать тебе, дорогой сосед, женщины глупы от рождения. Они выбирают занятие не по силам. Как они только ухитряются находить для себя столько дел? К вечеру они так изматываются, что еле волокут ноги. И никак не могут

догадаться отчего! Порой так мне ее жаль, мою старуху, что начинает болеть сердце.

Домалай горестно закивал:

— У любого заболит сердце при виде их невероятных мук! Посмотри на нее, на эту бедняжку! Мы тут и по второй папиросе не закончили, а она вон сколько наколола! Поди, на два дня хватит. А то, может, и на три.

— Думаю, на три не хватит,— присмотрелся Зеке,— а может, хватит... Как топить...

— Вот,— перебил Домалай,— мало ей дров! Сейчас она кинется двор подметать! Не успеет подмести, уже стирает. А там, смотришь, и самое главное — обед надо приготовить. И дети к тому времени возвращаются из школы. Мало ей всего этого, так она еще садится с малышами уроки делать!

Зеке покрутил арбузной головой, прикурил погасшую папиросу и, еще раз посмотрев на невестку, повернулся к Домалаю:

— Даже выходных не признают эти несчастные. Смотри, смотри,— показал он в щель отодвинутого плетня,— моя тоже начала дрова рубить. Видно, утром не успела! Ай-ай-ай! Нет им ни покоя, ни отдыха, несчастным созданиям!

Зеке от прилива жалости бросил папиросу, сильно стукнул ее каблуком и вдавил в землю:

— Когда я вижу страдания женщины, моему сердцу становится тесно в груди, как ногам в этих новых ботинках! И теряюсь я, не зная, что делать и как поступить. О аллах, научи...

— Точно в таком же состоянии и я,— доверительно наклонился к Зеке Домалай.— Порой, да не устыдишь ты меня за это, слезы комком застревают в горле и ни туда ни сюда. Удушье начинается. А у тебя бывает удушье?

— Еще как!— шепнул Зеке.— И похуже бывает! Гипертония бывает. У тебя бывает?

— Только она и бывает!

— Это от жалости к женщинам,— объяснил Зеке, и Домалай почувствовал, что он вот-вот разрыдается, так задрожала его нижняя губа.

— При виде всего этого, брат мой Домалай,— вытирая глаза, сказал Зеке,— я вспоминаю самые грустные

дни жизни. Дай-ка еще одну папиросу. Пусть обожжет она все мое путро, которое горит синим огнем жалости! Я готов в эти минуты немедленно превратиться в прах и уйти к предкам... Пойдем, Домалай... Пойдем в магазин... Кажется, он, наконец, открылся. Пойдем, купим чего-нибудь такого, что поможет нам смыть эту горечь...

Домалай и Зеке продолжали жить в трогательной дружбе и нежном согласии. Но никто в подлунном мире не может угадать неожиданных и коварных поворотов судьбы.

И вот однажды они встретились вечером.

— Почему ты грустен, мой несчастный друг Зеке?— сказал Домалай и пожал безжизненную бледную, словно одеревеневшую руку своего закадычного друга.— Видать, и тебе живется не очень сладко!

— Не спрашивай, дорогой, не спрашивай. Какая там жизнь. Заклятому врагу своему не пожелаешь такой жизни. Только воспоминаниями и живем. Да простит мне аллах крутые слова, но хочется все оставить, пойти на вон ту желтую скалу и броситься с нее в горный поток.

Домалай внимательно оглядел желтую скалу, одобрил ее, качая головою, и сказал:

— Да, у меня тоже не лучше. Дай папиросу — твои обычно покрепче... Мне тоже хочется плюнуть на все, сгори все в огне, и бежать в любую сторону ущелья. Да чтобы подальше. Так опустошены душа моя и сердце.

Зеке покачал головой и, полужакрыв глаза, глубоко вздохнул:

— Верны твои слова и справедливы. Такова наша участь. Оллахи-билляхи, такова. Света белого не видим. Корми скот, дои коров, убирай, подметай, воспитывай детей. И чтобы она, эта княгиня, не знала никаких забот!

— Стираю, шью, готовлю,— кричал Домалай.— А знала бы она, как ноет моя некогда гибкая поясница, как гудят мои некогда быстрые ноги. Как ничего не видят в телевизоре мои некогда зоркие глаза.

— Одно утешает меня,— злорадно сказал Зеке,— интересно, что бы делали эти женщины без нас? Как бы носили они свои головы, полные хитрости и коварства?

— Да, — поддержал его Домалай.— Не очень-то сладкой была бы эта жизнь! Не очень уютной! Вот сей-

час — я развесил белье и приготовил ужин. А она, поди, прохлаждается со своими подругами! Развлекается кто знает где! Хорошо, если хоть к ужину зайвится домой!

— Все они одинаковые, — сказал Зеке и смахнул крупную мужскую слезу. — Моя так иногда и вовсе не возвращается. По три дня шляется где-то, напьется и бросается на меня — почему, дескать, спрашиваешь, где я была, вместо того чтобы радоваться!

— О аллах! — прослезился Домалай. — Эти бессонные ночи наедине с грустными мыслями! Это ее не касается! А разве мне не хочется одеться, как полагается мужчине, повидать свет и развеять горькие думы!

Домалай вытер глаза и вновь закурил.

— Да, мой бедный друг, — стал успокаивать его расстроганый Зеке. — Как бы там ни говорили о равноправии женщин и мужчин, а на деле-то что? Такие же мы остались несчастные! Разве это жизнь? Ад это, а не жизнь!

— Равенство! — вдруг вскричал Домалай, — э-э-манси-пация! Приходит этакая княгиня домой. Развалится на диване и газетки читает! А я на кухне верчусь!

Зеке снова заплакал:

— Помнишь, как было раньше? «Люблю, дорогой», «родной» и прочие медовые речи! А мы и уши развесили! Поверили. И влипли. За железную решетку попали. Как птички!..

— Вот прошло более двух часов, как она должна была вернуться. — Домалай обратил свой горестный взгляд на часы. — Сидит, наверное, в каком-нибудь ресторане и резвится в кругу своих подруг. Если бы не я, ходили бы детишки голодные и обтрепанные.

— Но, — встрепенулся Зеке, — виноваты мы сами! Слишком уж мы мягкие, снисходительные, сердобольные создания. Оттого нам и горестно и печально. Почему бы нам однажды не сказать: и стирай, и готовь, и все прочее — сама.

— Пожалуй, ты и прав, — шмыгнув носом Домалай — Я тоже в последнее время начал склоняться к этой мысли. А вообще-то, если бы не эти несчастные ребятишки, которые останутся без матери, вернулся бы я в отчий дом и уж больше никогда бы не выходил замуж!

— О судьба! — Зеке вознес к небу свой трагический

взор.— О судьба, как ты жестоко распорядилась с мужчиной. Не принадлежит его душа его телу. Ни то, ни другое не принадлежит ему!

— Хватит!—махнул рукой Домалай.— Хватит этой скверной жизни! Давай что-нибудь придумаем! У меня накопилось два рубля и шесть копеек. Удалось утаить... Давай столько же, мой верный друг, и у нас будет четыре двенадцать... Разве это не выход из нашего положения! О создатель, когда же наступит мужское равноправие?

«КАК СЕРДЦЕ ПОДСКАЖЕТ...»

Те люди, которые утверждают, что беда обычно приходит неожиданно и в самое неподходящее время, правы только наполовину.

Их правота касается той части этого мудрого изречения, где сказано о неожиданности. И действительно, не предупреждая о своем визите ни по телефону, ни по телеграфу, беда обрушивается на избранную ею голову коварно и бесшумно, как тот камень со скалы, что висит над дорогой по пути в Герпегеж. (Заметив в скобках, что грозные силы не дремлют и способны порою настичь нас даже в самой цитадели комфортабельной городской цивилизации. Будь то цветочная ваза или бутылка из-под кефира, летящие с пятого этажа.)

Ну, а там, где речь о времени, автор афоризма и его последователи дали промашку. Ведь не бывает подходящего времени для беды! Не бывает. Это для радости время всегда подходящее!

Вот и наш старинный друг Зулкарней сын Азнаура тоже не планировал на несчастья ни одну из того великого множества минут, которые были отпущены ему природой для жизни. И тем не менее неприятные минуты случалось переживать и ему. Чаще он испытывал сладкую, как ореховая халва, радость, иногда — горькую, как гнилой орех, печаль. Да, жизнь все-таки не

эдем, где в райской оранжерее круглосуточно зреют персики, виноград и другие сахаристые витаминизированные продукты, которые вам то и дело преподносят нежные гурии, эти улыбочатые райские стюардессы.

..Того, что случилось с нашим Зулкарнеем Азнауровичем, мы не пожелаем даже недругам своим (особенно, если в это время наши собственные дела идут хорошо!).

Лежит сын Азнаура в светлой и прохладной, как саван, больничной палате. Рядом на тумбочке — градусник, таблетки какие-то да стакан воды. Все вокруг погружено в крахмально-белую стерильную тишину. Слышит больной только стук своего чуткого, измученного сердца. А может, это стучат часы, вделанные в противоположную стенку? Нет, сердце. Его чуткое, измученное сердце... Чем же все теперь кончится? Одному аллаху, самому безошибочному диагностику, да лечащему терапевту это ведомо.

Он вспоминает случившееся, будто кошмарный сон, который обычно посещает нас после жирной баранины, с аппетитом съеденной во время долгого товарищеского ужина.

* * *

А началось это, кажется, в пятницу. Зулкарней Азнаурович еще лежал в мягкой и теплой, как ладони жены, постели и внимал спору черного и белого джинов: первый говорил, что можно еще подремать и торопиться не надо, второй что-то робко ворковал о служебном долге и пагубных последствиях лени. Конец спору положил энергичный стук в дверь, а затем — протяжный мелодичный электрозвонок. Белый джин победил. «Кому это не спится в такую рань?» — подумал Азнауров сын и толкнул в бок супругу, мирно посапывающую рядом.

— Эй, жена, к нам кто-то стучится и звонится!

Тихо постанывая и потягиваясь, жена встала, надела шелковый атласный халат и зашлепала в стоптанных тапочках к двери.

— Это кто?

— Это я, Оймаков Заурбек, извините меня! — слышалось с лестничной клетки.

Неожиданный визитер был проведен в гостиную.

— Садитесь, пожалуйста. Я сейчас... — Бийче поспешила к мужу.

Не скоро хозяева вышли к гостю. А тот пока осматривал богатую обстановку комнаты: красновато-коричневое пианино, телевизор с экраном величиной с корыто, столовый гарнитур из дорогого дерева, а в углу — скромно, но с достоинством поблескивающий округлыми формами белый телефон.

Гость покосился на свой сверток. «Не выглядела бы ты здесь, — подумал он, — как плешивая овца в благополучном стаде! Может, лучше устроить для Азнаурова сына хороший ужин? Недаром ведь говорят: «Не дари коня, да угости как следует!» Нарты в таких случаях не ошиблись...»

— О-о, дорогой гость! — Это вошел Зулкарней Азнаурович. — Как вы поживаете, как чувствуете себя!

— Спасибо, — визитер вскочил с места. — Мы живы-здоровы, желаем и вам всякого благополучия, уважаемый Зулкарней.

— Сидите, сидите, — сказал хозяин, бросив мимоличный взгляд на таинственный сверток.

Не прошло и получаса, необходимых для выяснения самочувствия всех родных и близких. Наступила пауза, в течение которой хозяин мог отдышаться, а гость — собраться с мыслями.

— Я — Оймаков Заурбек, отец того шалопая, который стоит на трудовой вахте в поле вашего зрения. — Гость начал уверенно (чувствовалось, что первую фразу он сочинил еще вчера), но дальше он, видимо, сбился и от волнения перескакивал с «вы» на «ты» и обратно. — Хоть и вижу я тебя впервые, но про вас слышал много. Диммо зовут нашего. Дай ему... вам то есть, аллах много здоровья и счастья. Добрых слов о тебе много говорят. Диммо — вы его, наверное, знаете.

— А-а, — оживился Зулкарней Азнаурович. — Знаю такого. Каменщик. Показывали мне его. Толку от него, говорили, ни... немало. Самый долговя... высокий в управлении.

— Да-да! Он самый. Пусть будет долговя... долгой твоя жизнь!

— Так какая помощь от меня требуется?

— Ну, как бы это сказать... Вам виднее. Большой

начальник... Где уж нам к тебе со своими советами лезть! Давно парень наш работает. Утомился бедняга! Вот и в отделе кадров скажут. Оттуда как раз заместитель на пенсию ушел... А этот шалопай из сил выбился. Усталый домой приходит. Качается. Ноги еле держат. Ведь не в конторе он все-таки...

Зулкарней Азнаурович задумался. Нахмутив брови и скрестив руки на груди, он мрачно уставился в пол.

— Но зачем ему конторская работа? — спросил он наконец. — Сын твой молод. И потом профессия каменщика — нужная, почетная.

— Оно, конечно, верно, — с готовностью согласился Оймаков. — Почетная. Почти как профессия заместителя начальника отдела кадров. Вы правы, как никто прав быть не может. Как считаешь лучше, так и сделай. Как сердце подскажет.

Заурбек встал, улыбнулся и, кротко поклонившись, направился к двери.

— Э-э вы, кажется, что-то забыли! — напомнил Зулкарней Азнаурович.

— Не беспокойтесь, — тихо ответил Оймаков. — Это я от души. Чтоб не с пустыми руками в дом войти. По обычаю предков. Как сердце подсказало...

— Тогда останьтесь хоть позавтракать. По рюмочке, а?

Но гость, не переставая улыбаться расслабленной улыбкой, скрылся за дверью. Зулкарней Азнаурович так и простоял с раскинутыми в сторону руками и открытым ртом, пока в комнату не вошла бийче.

Она быстро развернула сверток и ахнула. Затем поставила это на стол и позвала мужа:

— Ты только посмотри, какое чудо!

Хозяин дома в растерянности разглядывал сделанное «по обычаю предков» подношение:

— Ты... ты знаешь, что это такое? — медленно растягивая слова, спросил он жену.

— Я же не слепая! Конечно, знаю. Хрустальная ваза. Да еще какая. В жизни не видала ничего подобного!

— Это — взятка! — твердо произнес Зулкарней Азнаурович.

— Всякие шутки с женой — это глупые шутки.

— Я не шучу. Надо вернуть это чудо хозяину, да еще и выругать его как следует!

— Но ведь он — от чистой души! Как сердце подсказывало! Не обижай человека. Это будет бестактно или просто грубо. Некультурно, понимаешь?!

— Как сердце, говоришь, подсказало? — передразнил хозяин и тихо опустился на диван. — А ты слышала, что он толковал о своем шалопае?

Бийче мягко подсела к мужу и ласково погладила его руку.

— Это ведь не нами придумано. Человек человеку — друг, товарищ и брат. Забыл, в какое время мы живем? Он тебе делает добро, ты — его шалопаю... Что здесь плохого? А взятка — это слово придумано завистниками. Да и где тут взятка? По-да-рок! Клянусь памятью покойного отца! Подарок...

— А я не уверен, что это подарок. Боюсь, не кроется ли здесь какой-нибудь подвох...

— Шу что ты, — успокоительно щебетала жена. — Разве не видно было, как этот человек говорил с тобой застенчиво и уважительно.

— Значит, подарок, — перебил Зулкарней Азнаурович, покосившись на вазу, искрометно сверкавшую идеально отшлифованными гранями. — А ты знаешь, сколько может стоить такое полуметровое сооружение из хрусталя, да еще оправленное сверху в позолоченное серебро?

— Да, пожалуй, сотни две, — неуверенно ответила жена, которая в других случаях обычно определяла цену вещам очень быстро и с большой точностью.

— А вот ты сама можешь сделать кому-нибудь подарок в двести рублей? — коварно спросил муж.

Бийче усмехнулась:

— Видно, память, мой милый, у тебя ослабла. Разве наш ковер, который мы подарили твоему начальнику на новоселье, стоил дешевле?

— Вот глупая женщина! — возмутился Зулкарней Азнаурович. — Не путай разные вещи. Ведь мы — совсем другое дело! Мы — от души! Как сердце... — Он вдруг поперхнулся и замолчал.

— Правильно! — продолжала бийче. — По обычаю предков. Чтоб в дом не с пустыми руками. Мы — кому-то, кто-то — нам. Все правильно!

Спорить больше было не о чем. Зулкарней Азнаурович встал с дивана и почему-то поплелся на кухню. Там

он раскрыл окно и стал с жадностью вдыхать свежий утренний воздух. А в горле застрял комок и не давал дышать полной грудью. «Взятка ли, подарок ли? — Одна и та же беспокойная мысль мечется по лабиринту мозговых извилин и не находит выхода. — Выпить? Не поможет... Взятка ли, подарок ли?..»

Впервые, кажется, в жизни отправился на работу, не позавтракав. Погруженный в свои думы, не ответил на приветствия секретарши.

Грустно опустил в уютное насиженное кресло и весь ушел в свои тяжелые невеселые раздумья. А может, не надо так переживать? Может быть, бийче права? Вдруг этот человек хотел выразить свое доброе ко мне отношение, но не нашел слов и решил заменить их подарком? Стоит ли брать под сомнение искренность древних горских обычаев? Дарили же коней, бурки, сабли! Сегодня — он мне, завтра — я... Рука об руку... Рука дружбы... Рука — руку... Тьфу! На руку нечист... Тьфу, тьфу! Не то! Совсем не то! Рука дружбы протянута — прими ее! Вот!

Зулкарней Азнаурович протянул руку к пачке сигарет, лежащих на столе, и заметил, что рука его будто чужая. Он не узнавал ее, бледную, дрожащую. Он хлопнул левой рукой по правой, вскочил с кресла и нервно зашагал по широкой ковровой дорожке. И все-таки это взятка. Самая настоящая. Классический образец взятки. Не друг ему этот Оймаков, не родственник. Какого шайтана должен он подносить двухсотрублевые подарки?! Надо сейчас же позвонить домой и сказать жене, чтобы подар... то есть, пропади она пропадом, взятка была немедленно возвращена тому наглецу, который осмелился ее предложить.

Зулкарней сын Азнаура потянулся к телефонной трубке, но рука его бессильно повисла на полпути... Ваза, конечно, редкостная. А жена как обрадовалась... Итальянская, вероятно, вещь. А может, французская. Ни у кого такой нет. И где только раздобыл ее этот сукин сын?

Жена так обрадовалась...

Так обрадовалась...

Обрадовалась...

Радовалась...

Нет, подарок, а не взятка!

Не взятка... Не взятка? Почему-то сухо во рту и влажно между лопаток. Не подарок? Проклятье!

Голова кружится, и сердце бьется учащенно. Пойти, что ли, пообедать? Уже время.

Взятка ли, подарок ли — да пусть горит адским пламенем! Разве мало других забот? Выбросить это из головы! Да! В огне не горит, в воде не тонет... Из головы не выбрасывается... Нет, надо идти обедать. И не домой, а в ресторан. И ни о чем не думать. Разве трудно ни о чем не думать? Раньше при желании это легко удавалось. «Под бокалов звон хрустальный...» Да про-а-ди ты!

Ресторан. На столе — хрустальная ваза с фруктами. Зулкарней Азнаурович отодвинул ее на край стола и отвернулся. На соседних столах — тоже вазы. Много ваз. И, кажется, все они шевелятся. Зулкарней Азнаурович прикрыл глаза ладонью. Послышался какой-то дурацкий нечеловеческий хохот на фоне мелодичного пения хрустала.

Взятка или подарок, черт поберет?! Кошелек или жизнь... нет, не то! «Я тебе свой дар наве-е-етный...»

Шарахнувшись от официантки с огромными серьгами из горного хрустала, Зулкарней Азнаурович быстро покинул ресторан. «Вот сейчас приду домой, — думал он, — разобью эту вазу... или подар... и осколки брошу в ведро. В мусорное. В самое мусорное. Хватит. С меня довольно. Все станет на свои места. Домой только дойти бы. Почему такая длинная дорога? Сердце уже не выдерживает... Кто завел эту глупую песню. Почему, хочешь не хочешь, а должен слушать вопли динамика на столбе?!» А из громкоговорителя неслось на всю улицу:

Не могу я тебе в день рождения
Дорогие подарки дарить...

Домой, домой.

А вдоль сквера — вазы с цветами, а многоструйный фонтан вздымает ввысь хрустальные брызги воды, ослепительно сверкающие в лучах летнего солнца...

Скорее бы, скорее бы до дому!

...Жена постояла минутку в растерянности, затем приложила ладонь к мокрому от холодного пота лбу Зулкарнея Азнауровича:

— Боже мой! Что с тобой творится? Кровь совсем ушла с твоего лица!

— Молчи, женщина. Прочь с дороги. — Зулкарней Азнаурович устало отстранил в сторону испуганную жену, вошел в комнату и остановился у серванта.

А на серванте... Тысячи ярких искр испускала ваза, величественно и гордо стоящая на самом видном месте большой гостиной.

Он не хотел касаться ее руками. Он схватил стул, поднял его высоко, замахнулся и... поставил стул на пол. Может, все-таки подарок?

— Да что же с тобой случилось? — почти закричала жена. — Вымолви хоть слово!

Зулкарней Азнаурович медленно закрыл глаза. А когда он их открыл, двое в белых халатах суетились вокруг него, заправляя шприцы и откупоривая флаконы с лекарствами.

«Зачем они пришли? — вяло подумал он. — И почему так ноет сердце?» В это время будто из глубокой таинственной пещеры донеслись тягучие и гулкие слова: «Я принес тебе гостинец, и гостинец не просто-о-ой...»

...Лежит сын Азнаура в светлой, как саван, больничной палате. Рядом на тумбочке — градусник, таблетки какие-то да стакан воды. Все вокруг погружено в крахмально-белую стерильную тишину. Слышит больной только стук своего чуткого измученного сердца. А может, это стучат часы, вделанные в противоположную стену? Нет, сердце. Его чуткое, измученное сердце. Оно сейчас что-то ему подсказывает.

Что же, интересно? А то, что придется, наверняка придется назначить этого оймаковского шалопая заместителем начальника отдела кадров.

ПРОВОДЫ

Слух о том, что Зулкарнею Азнауровичу стукнуло шестьдесят и он собирается уходить на пенсию, обрушился на громоздкий аппарат управления с мощью и неожиданностью снежной лавины. Она, эта лавина, на-

чав свой путь из приемной начальника, с гулким роко- том пронеслась через все кабинеты и коридоры, прогре- мела по всем лестничным пролетам, выплеснулась, на- конец, в вестибюль и едва не сшибла с ног обычно ко всему равнодушного вахтера. В страшном возбуждении забегали по длинным ковровым дорожкам работники управления: можно было подумать, что здесь намечается либо первая в истории встреча разумных существ из соседней Галактики, либо крупное сокращение штатов. Новость будоражила умы и волновала сердца:

— Уходит на пенсию, слышишь!— и указательный палец многозначительно возводился к небу.

— Как не слышал! Так-о-о-е, да не слышать!

— Неужели, правда?

— Что, «правда»? Что ему шестьдесят?

— Нет, что уходит...

— А-а...

— Вот было бы событие!

— Тише, тише!

— Ну и сюрприз!

— Он от нас, мы от него...

— Да тише, вам говорят!

Прошло несколько дней мучительного ожидания. Не слышавшие услышали, не верившие поверили, не ви- девшие увидели. Увидели, что начинается подготови- тельная работа «по организации достойных проводов начальнишка на пенсию». Специальная оперативная ко- миссия приобрела на средства месткома (по статье культмассовых расходов) дорогую двустволку и при- крепила к ее ложу, прямоугольную серебряную пла- стинку величиной со штамп управления. И тесно было на этой пластинке чеканным изъявлениям безгранич- ной любви, искреннего уважения и глубокой предан- ности.

Но вот пробил час, и торжественный вечер начался. Нарядно одетые служащие, смущенно улыбаясь и пря- ча глаза друг от друга, заполняют актовый зал, богато украшенный живыми цветами в глиняных горшках. От- куда-то из коридора доносится звонкая медь бравурно- го военного марша.

— Хорошо-то как! — прошептал, едва не прослезив- шись, заведующий восьмым отделом.

Что именно «хорошо», он, правда, уточнять не стал.

— Не забуду этих часов, проведенных в его приемной,— с чувством проговорил заместитель заведующего.

— А кого, интересно, на его пост? — спросил один из служащих.

— Да мало ли умных, знающих свое дело специалистов? — ответили ему.

— И то верно! — согласился служащий.— Но так или иначе, а индейку я зарезу сегодня. Не стану тянуть до праздника. После собрания прошу ко мне.

Все наконец расселись по местам и притихли. На сцену прошествовал Зулкарней Азнаурович и водрузился за столом президиума. Музыка смолкла. Наступила минутная тишина. Потом зал взорвался громом аплодисментов и восторженных выкриков. Затем собрание гладко покатилося по привычным рельсам, делая кратковременные остановки для смены ораторов. Уже было вручено почетное оружие, то есть двустволка, уходящему на покой командиру учреждения, уже отзвучало с десятков приветственных речей, похожих друг на друга, как один и тот же приказ, размноженный на ротаторе. Все выступления штамповали по такому вот примерному стереотипу:

— Дорогой Зулкарней Азнаурович, — надрывался с трибуны очередной провожающий, — ваш уход на заслуженный отдых непомерно об... огорчил нас. Сколько бесценных указаний мы от вас слышали. Работа с вами была для нас страшным... э... счастьем. Наши сердца... Мы никогда... Как мы переживем...

У Зулкарнея Азнауровича дрогнул подбородок.

— ...Судьба, которая бывает порой безжалостна. Но судьба иногда бывает и такой доброй, что не знаешь, как ее благодарить. Вы покидаете нас. Мы благодарим вас за все, что было, чего не было и никогда не будет. И все надо. Как мы теперь станем жить? О, нам придется жить без вас...

Зулкарней Азнаурович налил из графина воды в высокий стакан и, стуча зубами о хрусталь, выпил всю до капли.

— Дорогой наш, незабвенный, неповторимый, несравненный Зулкарней Азнаурович! Как непривычно будет работать без вас, как осиротеют стены любимого нашего управления! На кого покидаете! Как без вас

обойтись! Вы для нас, как самый родной... Эх, да что там! — и последний оратор, не договорив последнего слова, махнул рукой и, будто кровно кем-то обиженный, ушел со сцены.

И тут встал именинник. Губы его тряслись, а острый кадык то проваливался за узел галстука, то выныривал снова. Однако Зулкарней Азнаурович быстро взял себя в руки и пошел к трибуне, прихватив с собой (нечаянно, по-видимому) ту самую двустволку. Подойдя к микрофону, он вытащил левой рукой большой белый платок и мощно протрубил в него носом. В динамиках раздался такой звук, словно пара семитонных самосвалов опрокинула кузова, груженные камнями. Те несколько служащих, что подремывали в задних рядах зала, подскочили с мест и зааплодировали. Все остальные на всякий случай к ним присоединились. Зулкарней Азнаурович молча пережидал овацию. Потом задумчиво поднял ружье, усталым движением приложил его к плечу и почему-то прицелился в центр зала. Служащие замерли. Наступила стерильная тишина. Тогда Зулкарней Азнаурович приставил ружье к ноге и начал говорить. Начал, как и всегда, с гневного бичевания бесфамильных нарушителей трудовой дисциплины и безымянных бракоделов. По привычке отметил достигнутые успехи и по своему обыкновению призвал встряхнуться, мобилизоваться, догнать и обогнать. В этом месте он всегда останавливался в ожидании рукоплесканий. Прозвучали они и на этот раз. Затем он продолжил, но теперь непривычно тихим и даже сердечным голосом:

— Дорогие друзья, любимые подчиненные! Здесь много звучало сегодня теплых и справедливых слов. Очень хороших и умных слов. Я согласен, что без меня будет трудно обойтись. Я сидел, слушал и думал. Нет, не должно страдать производство. Я не хочу, чтобы это... чтобы стены осиротели. Не хочу бросать вас в беде. Без моего руководства и этих... бесценных... которые указания. Я решил идти не на пенсию, а идти навстречу пожеланиям коллектива. Остаюсь. С вами — до конца!

Зулкарней Азнаурович повесил ружье на плечо и твердой походкой, четко печатая шаг, двинулся в зал,

Все присутствующие в одну секунду онемели, оглохли, ослепли, застыли, как гранитные кладбищенские изваяния.

О ПОЛЬЗЕ ШАЙТАН-СУ

Итак, поговорим об этой самой пользе. Почему-то многие считают ее, мягко выражаясь, сомнительной, хотя, если разобраться...

Но не будем забегать вперед. Всякий разговор требует порядка и основательности.

В переводе шайтан-су означает ни больше, ни меньше, как «вода шайтана». Еще точнее — чертова вода. А если заглянуть в словарь синонимов, то можно вспомнить и дьявола, и сатану, и разную иную нечистую силу, находящуюся в положении привилегированном, поскольку для ее обозначения употреблены имена собственные, к примеру, — Мефистофель или Люцифер.

Однако вернемся к воде шайтана.

Общеизвестно, с каким презрением относится к ней человечество (особенно слабая его половина), какие изощренные проклятия посылаются по ее адресу, как часто ее предают анафеме. Христианский мир отлучил ее от церкви еще во времена оны, не жалуется на нее и мусульманский коран. Тем не менее она с успехом пережила мечети и, надо надеяться, переживет соборы.

Даже среди тех, для кого употребление шайтан-воды стало наипервейшей необходимостью, нелегко найти человека, который отозвался бы о ней теплым словом.

Как репы к собачьему хвосту, липнут к ней незтичные клички и прозвища: и злодейкой ее зовут, и зеленым змием. Медицина объявила ей газават, домохозяйки, общественность, милиция, автоинспекция и прочие трезвые лица и организации заклеили ее позором. А законы и указы, так те все до единого направлены к тому, чтоб известить ее под самый корень.

Между тем живет она себе и здравствует.

Хула и ругательства только укрепляют ее характер и придают ей новые силы. Она все крепче утверждает-ся на нашей грешной земле, опьяняя самые стойкие головы, будоража умы, пробуждая воинственные инстинкты.

Она — вездесуща.

Столкновение с ней так же вероятно, как столкновение с автомобилем в наш век моторов. Она так же легко выбивает из наших рук рулевое колесо жизни, как баранку «Жигулей» или «Лады». И тогда авария неизбежна. Из повелителя и хозяина шайтан-вода с завидным постоянством превращает нас в коленопреклоненных бессловесных рабов. Повелевает и диктует теперь она, всемогущая шайтан-су.

Пожалуй, не стану я перечислять дальше всевозможные каверзы и неудобства, которые преподносит нам сия злокозненная водица. Обвинителей и без меня предостаточно.

Обратимся к пользе.

Скучным муторным днем, какие жизнь нам частенько подсовывает в качестве испытания, решили мы пригласить на ужин нашего бухгалтера.

Это был человек неопределенного возраста, чем-то напоминавший чеховского чиновника из провинции. Седая голова, серый костюм, сорочка и галстук — все того же унылого серого цвета разной насыщенности.

И на службе, и в другой обстановке он всегда производил такое монотонно-серое впечатление.

Но в тот день мы гнали от себя серые мысли.

Он был нашим коллегой, а к однокашнику, сами понимаете, должно быть и соответственное отношение, как того требуют этика, мораль и прочие, несколько обветшавшие в современном мире понятия. Однако по традиции, пусть и порядком потрепанные, правила эти все же должны пребывать под стеклом и в рамке. А значит, и продолжать действовать.

Движимые столь похвальными побуждениями и расточая уныло-серому бухгалтеру уверения в том, что выглядит он свежо и браво, как самый юный нападающий, получивший приз «Золотая шайба», мы направились к ресторану.

Коллега наш долго и упорно сопротивлялся. И отро-

дьясь-то он не бывал в ресторане, и в рот не брал спиртного, и даже никогда того... не был пьяным.

Мы согласно кивали, не поверив ни единому его слову, и успокоили, заявив, что очень даже украшает мужчину неведение в подобных делах, но ресторан — не какая-нибудь забегаловка, а место культурного отдыха, где наикультурнейшим образом отдыхают вполне приличные люди, а случается, рискуют заходить и женщины...

Словом, мы его уломали.

Да, совсем забыл, — фамилия у бухгалтера была со значением, как в старинных комедиях, — Сабырбашев. В переводе — рассудительная голова. Как видите, теоретики классицизма кое в чем были правы: я думаю, и в наше время не осталось бы незамеченной в ученом мире диссертация, скажем... на тему — о соответствии фамилии и психологического склада индивидуума (звучит-то какво!)

Так или иначе, но привели мы его в ресторан.

Поначалу мрачный и немного напуганный, Сабырбашев вскоре просветлел и даже заулыбался, услышав музыку и, видимо, обнаружив, что отдых и впрямь предстоит культурный.

После первой рюмки наш немногословный бухгалтер готов был потягаться в разговорчивости с любым спортивным комментатором, а после второй... запел. Пусть и не очень внятно, но зато вдохновенно.

Мы осторожно намекнули ему, что он опережает события. Петь, мол, рано, а главное, неуместно.

Он снисходительно согласился и окинул взглядом искрящийся хрусталь на столе, как бы взвешивая, чем бы таким полновесным компенсировать невозможность самовыражения в песне.

Этот третий свой полнехонький бокал шайтан-су Сабырбашев опрокинул безо всяких тостов и игриво ущипнул подошедшую молоденькую официантку.

Последняя, как нам показалось, была не в ладах с чувством юмора, но держала в руках пустой металлический поднос внушительных размеров, который и не замедлила опустить на голову Сабырбашева.

Раздался протяжный задумчивый звон, похожий на звук гонга, возвестившего о начале нового раунда.

Всем в зале стало весело.

Сабырбашеву — грустно. А что делать, когда грустно, он знал по рассказам друзей.

Налили.

Выпили.

Поморщились.

Закусили.

А музыка все играет. Фальшиво, но зато громко. Оркестр, по-видимому, давно превысил предельное количество децибел звука, воспринимаемое человеческим ухом. Ухом Сабырбашева, в частности.

Бухгалтер встал и нетвердой походкой направился к оркестру. Выразительно остановился.

Но музыканты не отреагировали и продолжали фальшивить с такой же оглушающей силой.

Сабырбашев постоял в ожидании ровно столько, сколько необходимо было любой растворенной в воде нечистой силе, чтобы пустить в ход свои тайные козни, затем шагнул, выхватил у барабанщика палочки и начал... дирижировать.

Оркестранты не поняли и возмутились.

Потом появился атлетического сложения мужчина в форме сержанта милиции, и мы оглянуться не успели, как коллегу нашего увезли. Куда — мы догадывались, но точно выяснили только на следующий день.

Где же тут польза? — спросит читатель.

Терпение. И до нее дойдет очередь.

На другое утро всем, так сказать, коллективом, начиная от заместителя начальника и кончая вахтером, двинулись мы к месту пребывания пострадавшего. Кстати, пострадал он исключительно по причине своей музыкальности.

Не вдруг его отпустили. Не один бланк пришлось заполнять, не одну подпись оставить.

Наконец, выдали нам бухгалтера. Но с условием. Чтобы, значит, судили мы его в родном учреждении товарищеским судом, чтобы суд был принципиальным и справедливым, а приговор — поучительным не только для Сабырбашева, но и для нас.

В тот же вечер собрались в клубе и начали.

Обвиняемый на специальном стуле сидит мрачный, как туча, и совсем уже серый, даже какого-то пепельного оттенка. Ясное дело — угрызения совести.

Председательствующий коротко изложил суть. Пел,

стало быть, Сабырбашев в неполюженном месте, официантку, извините, ущипнул и тоже не там, где положено, музыкантов обидел, с милиционером в дискуссию вступил.

Стали обсуждать.

Кассирша очень даже прочувственно говорила:

— Это что же, граждане дорогие, получается? За что честного уважаемого человека оскорбляем морально и, можно сказать, действием, поскольку в отдельности его на специальный стул посадили? Эдак всех пересудить недолго. Нашего дорогого бухгалтера, товарища Сабырбашева не судить надо, а спасибо ему сказать за честное отношение к работе. Золотой кадр, можно сказать...

Плановик тоже неплохо выступил:

— На мой взгляд,— сказал он неторопливым, размеренным тоном, как нельзя более приличествующим его профессии,— на мой взгляд, Сабырбашев — работник знающий, серьезный. И человек отменный. Оскорблять морально и действием такие кадры недопустимо и, позволю себе заметить,— аполитично... — последние слова он произнес многозначительным шепотом и оглянулся в сторону президиума, где, насунив мохнатые брови, сидел Сам собственной персоной.

— Он с детьми играет,— авторитетно заявила заведующая отделом.— А кто любит детей, тот добрый и отзывчивый. И сердце у него такое...— тут голос ее прервался.— И не из болтунов он. Мы вот все говорим, а он молчит. А каково ему...— она всхлинула, и крупная тягостная слеза, подкрашенная тушью с ресниц, черно скатилась по ее щеке.

Сабырбашев тоже всхлипнул. Но всухую, без слезы.

По залу прокатился сочувственный вздох.

— Предыдущая оратор, безусловно, права,— затараторила секретарша.— Товарищ Сабырбашев пятнадцатого числа прошлого месяца сего года пришел на работу, имея законный больничный лист. Кто еще из нас такой сознательный?

В это время Сам кашлянул, и секретарша стала говорить медленнее:

— В молочном магазине я его видела. Молоко брал. Это о чем говорит? О чем, спрашиваю я вас? Это сви-

детельствует о том, что он постоянно помогает своей супруге. А много ли таких мужчин?

Зал отозвался на это философски-лирическое отступление согласным смешком.

На трибуну поднялся сутулый сухонький старикашка, похожий на панировочный сухарь, который вот-вот рассыплется. Казначей местного комитета. Сколько я его помню, он всегда был казначеем.

— Сабырбашев — аккуратный человек. Взносы вовремя платит, — прошамкал он.

— Не курит, — сказала уборщица.

— Первым здоровается, — сказал зав. сектором культурной работы профсоюза.

— Годовой отчет в субботу делает, когда все отдыхают!

— На руках таких носить надо!

— Гордиться надо!

— Были бы все люди похожи на Сабырбашева.

— Судить Сабырбашева — судить саму добродетель!

— Прощения мы у него должны попросить! — выкрикнул кто-то.

Однако президиум, видимо, счел, что это уж слишком, и прения прекратили.

Для Сабырбашева тягостнее дня не было в его жизни. Попробуйте выдержать в течение двух часов целую лавину дифирамбов самой высокой пробы. А у бухгалтера были узкие плечи и маломощный торс — где ж тут не согнуться под такой ношей?!

В конце грянули бурные аплодисменты. Аплодисменты в честь Сабырбашева.

Как-то по-новому осознав значительность своей особы, он торжествующе и даже чуть свысока глядел на ликующих сослуживцев, которые поочередно подходили, чтобы пожать ему руку.

Он снисходительно кивал, и неведомые доселе мечты теснились в его голове.

Через полгода его назначили главным бухгалтером. Он буквально не знал, куда деваться от всевозможных грамот и премий.

И он уже хотел большего.

И оно пришло, это большее.

«За многолетнюю, безупречную работу...»

Но он ждал еще чего-то.

Спустя год его назначили заместителем начальника. А сейчас, вот уже несколько лет подряд, Сабырбашев работает начальником управления.

В минуты сладких раздумий он с упоением вспоминает, с чего началось его головокружительное восхождение по ступеням карьеры.

А ведь началось с рюмки шайтан-су.

ХАБИЛЬ И ДОКТОР

Каждый, кто глянет на Хабиля — Сумонаева сына, на его широченные плечи, на его нартскую походку, на его лицо, превосходящее полную луну, невольно воскликнет: «Вот берекет, вот настоящий тулпар, способный разорвать железо! Тьфу, машалла».

В нашем селе немало джигитов, которых природа гор наделила силой зубра, ловкостью джейрана и видом благородного оленя. И все же Хабиль стоит особняком, и нет ему равных.

Лет ему под сорок. Но никто из молодых не осмеливался тягаться с ним. Даже именитые борцы с вежливой улыбкой уклонялись от встречи на кругу с ним, с Хабилем, у которого — львиная хватка и ловкость вышеупомянутого джейрана.

А что касается здоровья, так наш Хабиль, как говорили его почтенные родители и родители его родителей, сроду не знал, что такое болезнь. Весьма и весьма смутно представлял он себе, что такое всякие там насморки, головные боли, не говоря уже о явлениях более серьезных.

Хабиль превосходил своих сверстников также и в таком важном деле, как свадебное застолье. С вечера до полуночи он мог есть-пить, а с полуночи до желтого рассвета — петь героические песни под эжию охрипших и изрядно захмелевших друзей.

Ну, а если нужно было ломать бедренную кость барана, то эта кость ходила по кругу только до тех пор,

пока не попадала к Хабилю. Потому что он брал ее из левой ладони в правую и без заметных усилий ломал — будто это был кукурузный кочан. Все восторженно охали, но Хабиль без внешнего волнения передавал обломки парню, который следил за порядком на столе.

Теперь нам станет понятной привычка Хабиля весьма обидно шутить над теми, кто жаловался при нем на какой-нибудь недуг. Уж он издевался, как хотел. А что касается врачей, так Хабиль вообще не питал никакого уважения к их делу. «Бездельники в белых халатах», — говаривал он о врачах.

Однажды Хабиль увидел нашего доктора и пригласил его невежливым криком:

— Уо, салам алейкум, доктор! Не проходи, дорогой, мимо. Джамауат давно скучает по тебе! А если ты прихватил свою большую иглу, мы бы тут полечили кое-кого. На свете развелось больно много хнычущих — жить не дают!

— Хабиль, — сказал не очень-то довольный доктор, — ты насильно тащишь в свое общество прохожего, который не желает тебе зла.

— Садись, доктор, — настаивал Хабиль, — садись! И прочитай-ка нам лекцию. Хоть и станешь ты молоть всякую чепуху, все же хоть не скучно будет!

Доктор ответил, скрывая обиду:

— Если ты не веришь моему слову, то какой смысл отягощать твой слух звуком моего голоса?

— Ну что ты, доктор, — сказал Хабиль. — Зачем обижаешься? Я прошу тебя ответить только на один вопрос. Ответишь — и мы станем почитать тебя не только как доктора, но как профессора. Разве тебе это не лестно?

— Что ж, — вздохнул доктор, — говори. Может быть, ты удостоишь меня своим высоким признанием.

— Итак, настрой свои уши на мои уста, — сказал Хабиль. — Вот вы, нарядившись в молочно-белые халатики, посиживаете в чистеньких, прохладных кабинетах, раздевая до самого основания всех, кто попадает под руку. Вы их прослушиваете, обшупываете, просматриваете насквозь и пропускаете через них электрический ток...

— Затянул ты, Хабиль, однако, свой вопрос, — поморщился доктор, но Хабиль продолжал:

— А также колете народ и кормите его всякой всячиной. Кроме того, учите, что кушать, чего не кушать. И при этом утешаете себя тем, что якобы заботитесь о том, чтобы человек долго жил и не болел. Не так ли?

— На такой длинный вопрос можно ответить лишь одним коротким словом «да»,— сказал доктор весело.

— Но это еще не вопрос,— поднял палец Хабиль и многозначительно моргнул.— А вопрос таков. Ежели вы такие мудрецы, что умеете вылечить больного, не можете ли вы сделать так, чтобы здоровый человек по вашей воле заболел?

Доктор удивился и даже помедлил с ответом:

— Сказать тебе откровенно, Хабиль, нас, врачей, таким жестоким вещам не могли учить. Это бесчеловечно.

— Вот видишь,— обрадовался Хабиль.— Не смог ответить. Плохо, значит, вас учили! Тот, кто может идти с горы, должен уметь подниматься в гору. Я так понимаю. Вот я, к примеру. Волей аллаха, на здоровье не жалуясь. Но если я пожелаю хоть немного поболеть, сможешь ли ты мне помочь? Можешь ли ты ввергнуть меня в такую болезнь, чтобы все ходили вокруг меня, жалели меня и тащили мне все вкусное. Но чтобы я не умер от твоей болезни, я поболел-поболел и — поправился!

Доктор даже развел руками от удивления:

— Признаться, с такой просьбой ко мне никто не обращался... А зачем тебе это, Хабиль?

— Помоги, ради бога, если ты в этом деле вообще что-либо понимаешь,— приложил руку к сердцу Хабиль.— Все кричат, что я — здоровяк, что — бык, лев, тур, зубр! Я устал от такой славы. Я хочу, чтобы кто-нибудь назвал меня птичкой, пожалел и помолился аллаху за мое здоровье. Неужели тебе не жалко меня — какой я здоровый.

— Ну что же, — задумался доктор, — попытаюсь тебе помочь. Попробуй есть пожирнее и лучше всего перед сном. Попробуй вместо воды пить одну водку... При этом ни в коем случае не появляйся на свежем воздухе. Сиди дома. А чтобы не было скучно, постоянно затевай скандалы по любому пустяку. Не давай своим нервам отдыхать ни минуты! И, что особенно важно, не пропу-

скай ни одной передачи по телевизору. Все время, свободное от еды, водки и скандалов, сиди перед ним в полной неподвижности. Если ты все это будешь добросовестно выполнять, очень скоро, не позже чем за год, ты получишь великолепную болезнь с красивым названием — инфаркт. Еще не было человека с этой болезнью, которого не жалели бы от души...

— Не надо, доктор, не надо говорить про такие злые вещи,— осторожно сказал Хабиль.— Это и впрямь бесчеловечно. Это не пойдет. Надо что-нибудь попроще.

— Вызвать жалость к себе ты сможешь и значительно раньше,— охотно продолжал доктор,— поскольку при соблюдении сказанных мной вещей сердце твое быстро обрстет жиром, однажды у него появится возможность просто остановиться, не предупреждая. И тогда...

— О, оставь, ради бога, оставь эти речи,— замахал руками Хабиль.— Что-то ты совсем уж того... Я и так чувствую в груди что-то не совсем нормальное. Кстати, умеешь ли ты лечить этот самый... как его?..

— Инфаркт? — охотно подсказал доктор.

— Вот-вот,— пробормотал Хабиль, бережно ошупывая свою богатырскую грудь,— ты настоящий профессор. От одних твоих слов я уже заболел этой ужасной болячкой... Пожалей меня и придумай что-нибудь полегче...

— Охотно!— сказал доктор.— Что ты скажешь, например, о пневмонии? Она может протекать легче, но впрочем, как за нее взяться. Если с умом, то...

— Погоди,— перебил Хабиль, явно бледнея,— в какой части грешного тела селится эта чертовка? Мне кажется, я уже давно болен ею, только не знаю точно, где она во мне сидит.

— Болезни легких,— как ни в чем не бывало продолжал доктор,— легче всего заполучить в зимнее время. Для этого необходимо дышать не носом, а ртом...

— Но это некрасиво, доктор,— забормотал Хабиль жалобным голосом.— Я ведь как-никак взрослый человек, и ходить с раскрытым ртом... как на это люди посмотрят? Надо что-нибудь другое.

— Я тебя не понимаю,— удивился доктор,— ты боишься пневмонии?

— Как тебе сказать? — уклончиво ответил Хабиль,—

болезнь сама по себе не плоха... И название благозвучное. Только мне она что-то не по душе.

— Как же так? — настаивал доктор, — при помощи этой болезни можно довольно быстро добраться до...

Но Хабиль замотал головой.

— Легкие оставим. Они и так, по-моему, — того... Чувствую, что-то хрипит. — Хабиль часто задышал, прислушиваясь к своему дыханию. — Неужели чего-нибудь другого не найдется? Мне как-то не хотелось бы расставаться с этим миром в лютые морозы... Нельзя ли это сделать, например, в пору спелости абрикоса! Ты любишь абрикосы, доктор? Понимаешь, чтобы все кругом цветами пахло! И солнышко чтобы светило меж ветвей...

— О! — обрадовался доктор. — Ты гораздо лучше, чем я о тебе думал! Медицина — могущественная наука. Она может свести человека с ангелами в любое время года! Тебе нужна пора абрикосов? Пожалуйста! Перво-наперво — забудь про всякие купания, умывания и мытье рук! Посуду кухонную не мыть, мух не прогонять! Более того, на столе для них всегда должна иметься соответствующая мушиная пища. Ни в коем случае не беспокоить микробов — возбудителей разных заразных болезней! Все это поможет в течение короткого времени обрести великолепную дизентерию или что-либо из ее родственников или близких. И если врачи не помешают — ты отправишься прямиком к...

— Ангелам, да? — догадался Хабиль. — Очень ты злой человек, доктор, если водишь дружбу с ангелами. Я и раньше чувствовал, что внутри у меня непорядок. Эти твои любимые микробы, о которых ты говорил, уже устраивают во мне шумные свадьбы.

— погоди! — увлеченно воскликнул доктор. — А что, если нам обратиться к желтухе? Ты не представляешь, какая это забавная болезнь!

— Нет-нет-нет, — забеспокоился Хабиль. — Я уже представляю... То есть я хотел сказать — мне не нравится название. Разве болезнь с таким названием может быть благородной? Да и сердце мое что-то, кажется, шалит... И легкие... И другие микробы...

— Хорошо! — согласился доктор, — оставим желтуху и обратимся к брюшному тифу. Это такая штука, что пальчики оближешь!

— Сохрани бог! — закричал Хабиль.

— Нет, — строго сказал доктор, — так мы ни до чего не договоримся! Ты очень привередливый пациент. Ты упрям, как...

Доктор не договорил, как именно упрям Хабиль. Доктора осенила счастливая мысль, он просиял:

— Слушай, дорогой! Есть прекрасная скотская болезнь. Называется бруцеллез. Умереть не умрешь, но и скучать не будешь!

— Оставь, доктор, пожалуйста, скотские болезни для скотов, — простонал Хабиль. — Я, может быть, и упрям, как этот... Но не настолько, чтобы болеть бруцеллезом.

— Ты, Хабиль, прав, как никто прав быть не может, — торжественно произнес доктор, — ты молодец! Я уж для тебя постараюсь! Я, кажется, вспомнил такую болезнь, которая сейчас пользуется небывалым авторитетом. Ужас наводит она на человека. Заболеешь — на глазах будешь таять. А название! Не название, а выстрел...

— Не говори, не говори! — заволновался Хабиль. — Я знаю, что это за болезнь... Это... Это... Что-то голова кружится. Я падаю, падаю в пропасть... Сердце... оставливается, микробы пляшут внутри. Уо, орайда!

— Постой, постой, Хабиль! Ты куда, да что с тобой, — не на шутку всполошился доктор. — Хабиль, дорогой, что с тобой случилось?

— Оставьте меня, бедного Хабиля! У меня уже свистят легкие, а микробные полчища гложут мое бедное сердце! Уо, орайда, как они гложут! Вот такие скотские микробы роются во мне, как кроты!

— О чем ты говоришь, дорогой Хабиль? — остановил его наконец доктор. — Ты что, шутишь перед людьми? Посмотрите, джамауат!

— Ой, куски моей печени! Пропали мои кровеносные сосуды! — кричал Хабиль.

— Хабиль, не говори глупостей. О джамауат, — закричал на него доктор, — помогите мне отвезти его в больницу!

Положение Хабиля было настолько серьезным, что его пришлось основательно полечить. И пролежал он в больнице немало дней. Но он был крепок, и здоровье начало помогать рассудку обрести былую форму.

Целый месяц Хабиль не узнавал доктора и только на пятой неделе узнал.

— Салам алейкум, доктор, — простонал он.

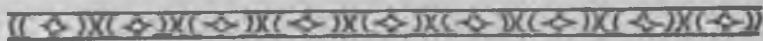
— Алейкум салам, Хабиль! Как, мой друг, твое самочувствие? Будь джигитом, Хабиль. Если ты будешь джигитом, все остальное — мелочи. А сейчас ложись на живот, спусти одеяло и шалвар тоже. И не хнычь.

Доктор взял шприц из рук сестры и подошел к дрожащему Хабилю.

— Доктор! — простонал Хабиль. — Прежде, чем ты вгонишь в меня этот тупой шприц, выслушай меня. Я скажу тебе правду... Я слышал о твоих болячках по радио и телевидению. Я читал о них в газетах и журналах... Но я — о, легкомысленнейший из смертных, — думал, что они меня не касаются. Я думал, что им нет места в моем многогрешном теле. Но ты открыл мне глаза! Ты открыл мне глаза, и я понял, что болен всеми болезнями. Они прочно въелись в меня, я только не знал, какая в какое место. Ты же, о великий медик, со знанием дела расставил их по местам, чтобы я заболел правильно, согласно науке. А теперь, доктор, делай свое дело...

И Хабиль повернул к доктору то место, которое отвечает за все наши прегрешения.

...С тех пор прошло немало времени. Хабиль и доктор стали друзьями. Они довольно часто видятся. Потому что тот, кто хочет заболеть на время, никогда не знает, сколько это продлится...

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ХАДЖИ-АБРЕКА

Давно это было, но не настолько давно, чтобы изгладилась из памяти события, о которых хочу я вам рассказать.

После окончания медучилища я был направлен на работу участковым фельдшером в Сары-Булак. Вы, наверное, слышали о таком населенном пункте. Это, знае-

те, в горах Тянь-Шаня. И не очень уж далеко: десятка два километров от районного центра и сотни две — от областного.

На новом месте я быстро обзавелся друзьями. Ведь человек я от природы общительный. Так что тут ничего удивительного не было. Удивительным было другое: некоторые из моих новых друзей стали и моими... соперниками, ибо я оказался объектом пристального внимания со стороны местных красавиц.

Может, вы не поверите, но сначала это меня озадачило. В чем же дело? Рост у меня средний, плечи далеко не атлетические, мускулатура даже отдаленно не знакома с тем, что называется культуризмом, лицо... Дома я внимательно вглядывался в зеркало, тщательно изучал свою загорелую физиономию, пытаюсь найти те признаки мужской красоты, которые могли бы очаровать представительниц лучшей половины человечества. Однако мои исследования не приносили желаемых результатов. А вообще, думал я, женщинам виднее. Они лучше разбираются в таких сложных вещах. Тем не менее бриться я начал ежедневно, одеколон «Шипр» стал для меня предметом первой необходимости, брюки мои всегда были великолепно отутюжены, а туфли начищены до невообразимого блеска.

Шло время. Дни (в основном очень жаркие) сменялись ночами (как правило, довольно прохладными), каждая из ночей незаметно переходила в день, а моя популярность росла не по дням, а по часам.

Я отнюдь не возгордился и великодушно предоставлял любой девушке возможность прогуляться со мной по саду, поговорить (говорил, главным образом, я), пошутить (шутил обычно я), посмеяться (смеялся, в общем, тоже я).

Да-а-а, быть первым парнем на селе — это, конечно, не самый худший жребий!

И вдруг однажды я узнал секрет своей неотразимости. Почему-то мне надоели мои усы. Да, у меня такие, вроде грузинских. Зашел я в парикмахерскую.

— Сбрейте, пожалуйста, усы. Они, кажется, немного старят меня.

У парикмахера дрогнули руки, он чуть не уронил бритву:

— Что вы! Как можно, дорогой! — возмутился он. —

Усы — это ваше, извините, главное достоинство. Без них вы, как бы сказать...

— Э-э, братец, вас куда-то не туда несет! Это вы так шутите?

— Нет, не дай бог! У меня ничего такого и на уме не было, — испугался парикмахер. — Ведь вы кавказец? Верно? Так вот. У нас в ауле их никогда не бывало. Даже среди геологов. А геологи часто навещают Сары-Булак. Вы у нас первый, а второго еще не было. Вот почему мы все вас так любим. Особенно девушки.

— Гм... девушки...

— Ну, да! Вы для них как живой персонаж из поэмы Лермонтова!

Вот оно что! А я-то в зеркало смотрелся. Ну и пусты На худой конец и это неплохо. Придется поддержать свою «книжную» репутацию.

С тех пор из меня, словно из рога изобилия, сыпались сногшибательные истории о прелестях наших гор и ущелий. И постепенно в потрясенном воображении моих слушателей вырисовывалась изумительная картина почти сказочного края, населенного лихими суперджигитами, которые только тем и занимаются, что бешено носятся взад-вперед на знаменитых кабардинских скакунах по каменистым горным тропам.

Выслушав однажды мою очередную легенду, сельская красавица номер один Сайра-бюбо спросила с дрожью в голосе:

— А как у вас женятся, выходят замуж? Свадьбы как справляют?

— Ну как... Обыкновенно! Понравилась джигиту девушка — он собирает своих верных друзей, все они, конечно, вооружены до зубов, и...

— Как это «до зубов»?

— Очень просто. У каждого винтовка, пистолет, сабля, кинжал, ну и прочая мелочь. Это на случай стычки. Ночью кавалькада всадников врывается во двор к невесте, девушку заворачивают в бурку, жених берет ее к себе на коня и — догони попробуй!

Среди местных красавиц — тихое замешательство. Немая сцена. Слышно только их восторженное прерывистое дыхание.

— Ну, а свадьбы? — подает кто-то тоненький испуганный голосок.

— Свадьбы? Так. Значит, свадьбы? Очень просто. Режут полдюжины быков или в крайнем случае десятка два-три баранов. На свадьбе гуляет весь аул. Гуляет месяц, другой, пока еще кто-нибудь не женится.

Такого успеха у аудитории не знал, наверное, сам Ираклий Андроников. Мои слушательницы готовы были просидеть около меня весь вечер и всю ночь. А Сайра пододвинулась ко мне поближе, подперла рукой голову и, приоткрыв рот и затаив дыхание, стала просто сверлить меня своими кукольными глазками. И тут я снова понес... любой Шахерезаде не под силу было бы тягаться со мной! Самому себе удивлялся. Впрочем, мои угольного цвета усы, выдающийся нос и ястребиные глаза тоже сами за себя говорили. Ну, глаза, может, и не совсем ястребиные, но, когда меня осеняло вдохновение, по-моему, из них даже сыпались искры.

Я не боялся, что родник моего красноречия когда-нибудь иссякнет. Недаром один из моих старинных приятелей называл меня (из зависти, конечно) репродуктором.

И вот однажды, в один из таких же чудесных вечеров я вдруг заметил, что худощавый парень в солдатской, но уже без погон гимнастерке слушает меня, порой ехидно ухмыляется и покачивает головой. А когда я положил руку (нечаянно, конечно) на плечико Сайры, парень резко встал, круто повернулся и зашагал прочь.

Возвращался я домой поздно. Однако этот тип в гимнастерке, оказывается, ждал меня у самого порога.

— Послушай, фельдшер, поговорить мне с тобой надо, — хмуро пробурчал он.

— Я слушаю. Присядем на скамеечку.

— Так вот. Все, что ты плетешь про бурки и кинжалы, про пистолеты и скачки, — вздор. Служил я в ваших краях. Джигиты там, возможно, есть, как и везде, но эти дерзкие похищения девушек — чепуха. Полдюжины быков — тоже чепуха.

— Позволь... я...

— Позволю! Я позволю тебе развлекать своими баснями глупых девчонок. Но Сайру оставь в покое. Понятно?

— Ах, вот оно в чем дело! — догадался я.

Мне бы тут, естественно, выхватить кинжал и... Но

такового при мне не оказалось. Мне бы тут, как истинному кавказцу, засучить рукава и... Но я терпеть не могу громких разговоров, особенно если у противника блещит на груди среди всяких значков еще значок перво-разрядника по боксу.

— Я ведь люблю ее. И очень давно, — тихо сказал парень.

— А почему я не могу? — вдруг вырвалось у меня. — Люби себя на здоровье! А я... я... тоже...

Кавалер многих значков ушел не попрощавшись. И с той минуты стал он моим потенциальным врагом.

Вот когда я почувствовал все тяготы моей пропагандистской деятельности. Этот Аскер (так звали парня в гимнастерке) при случае задавал всякие коварные вопросы, шумно сомневался в достоверности моих рассказов, которые после памятного ночного разговора и так уже стали гораздо прозаичнее. Словом, Аскер на каждом шагу старался подложить мне свинью. Моя ослепительная репутация просто не давала ему покоя.

— Знаешь, фельдшер, — сказал он однажды, многозначительно подмигнув Сайре, — в последнее время я что-то стал плохо себя чувствовать.

— На что же ты жалуешься? Где у тебя болит? — участливо спросил я.

— Так вот я и хотел у тебя узнать. Если у вас на Кавказе живут такие удивительные мужчины, то и для тебя, для фельдшера, определить болезнь человека должно быть плевое дело? Ведь у вас каждый — в своем роде сказочный джигит.

— Обратись-ка ты лучше к Османкулу.

— К ветеринару, что ли?

— Да, к ветеринару. Это он умеет ставить диагноз, ни о чем не расспрашивая своих больных.

Эффект моей победы превзошел все ожидания. Толпа ребят и девушек подняла такой хохот, что у них под ногами за клубилась пыль. Аскер сжал кулаки, стиснул зубы, сделал глубокий вдох-выдох и поспешно ретировался, будто его ждали срочные дела. Вслед ему неслись смех и шуточки парней:

— Аскер, не торопись! Османкул сейчас занят телятами!

— Хорошую таблетку выдал тебе фельдшер!

Веселились все. Все, кроме меня. Нет, Аскер этого

так не оставит. Иначе, какой же он мужчина? Я ждал новых козней. И готовился к отражению новых атак.

Прошло много дней. Аскер почему-то ничего не предпринимал. Наоборот, стал со мной приветливым, улыбался еще издали, при встрече протягивал руку. Но я знал: нет, не к добру все эти любезности.

* * *

Как-то утром, когда я заканчивал делать школьникам профилактические прививки, в окно медпункта заглянула Сайра:

— Знаешь, завтра у нас будут состязания. Придешь?

— Обязательно приду, Сайра-бюбо. Непременно приду. Постой! Постой! А что за состязания? Кто с кем собирается состязаться? — Но Сайра уже упорхнула.

На традиционные весенние состязания собралось все селение. Аксакалы уже сидели на своих особых местах, а парни готовили лошадей к скачкам.

— Эй, фельдшер, подойди ко мне, дорогой! — крикнул старый Жекшенбай. — Сядь со мной рядом.

Не воспользоваться лестным предложением аксакала было бы чудовищной бестактностью. Я не заставил себя упрашивать.

— Как тебе нравится во-он тот гнедой? — спросил старик.

— Что ж, ничего... Вроде бы... э-э... вполне. Да. Очень. Только тяжеловат немного. Как будто. А так ничего, — постарался я дать ответ повразумительней. (Не знаю, какая физиономия была у меня, когда я говорил, но в паузах, во время многоточий, ручаюсь, у меня был вид настоящего знатока.)

— Слыхали?! — вдруг обрадовался Жекшенбай. — Нет, вы слыхали? Свежий человек говорит. Кавказский человек говорит. И я вам говорил, что гнедой Османкула утратил былую легкость, а вы не верили! Разве место такому коню на скачках? Псу под хвост, а не на скачки.

Старики с любопытством покосились в мою сторону. Спорить не стали. Ну, так-то мне легче.

Я совсем уж было успокоился, но вдруг увидел Аскера. Мда... начинается. Он подошел к нам, дружески

похлопал меня по плечу и добродушно сказал, обращаясь к аксакалам:

— Они, кавказцы, конечно, отличные знатоки лошадей. Жаль только, нам еще ни разу не приходилось видеть, как они замечательно держатся в седле.

Вот это удар! Удар из-за угла, удар в спину! Здорово ты, Аскер, подстерег меня...

— Так пусть нам фельдшер покажет, как владеют конем его соотечественники, — оживился Жекшенбай.

— Пусть! Пусть покажет, — дружно загалдели другие старики.

В горле у меня стало сухо, пульс то и дело сбивался с ритма, между лопаток появилось ощущение холода. На коня я сроду не садился! Даже к уздечке не притрагивался. Да и скачки видел только в кино. Наездник из меня, прямо скажем, не экстракласс. Вот если б мотоцикл...

— Нет, — твердо сказал я. — Пожалуй, не стоит.

— Скромность — это хорошо, — настаивал аксакал, — но ты все же покажи свое искусство. А мы с удовольствием полюбуемся.

Аскер тем временем подвел ко мне того самого гнедого толстяка, о котором я уже высказывал свое авторитетное мнение (дернул же черт за язык!). Все. Погиб. Деваться некуда. Разве от этого настырного старика Жекшенбая отделаешься!

— Садись, — сказали мне.

Я вспомнил один трудный случай из своей биографии. Мне приходилось сдавать экзамен по анатомии, когда я знал только нечетные билеты.

Трудный был случай, но все кончилось благополучно. Сейчас было труднее. Я не знал ни одного четного и ни одного нечетного билета... А ладно! В конце концов никто еще не рождался в седле! Может, сойдет и на этот раз? Что тут вообще страшного? Подумаешь, проехаться верхом! Я подошел к гнедому. Тронул его волосатую морду. Конь вздрогнул, и я тоже. Бестия, думаю, будто знает, с кем имеет дело. У-у, зверь! Я сделал, как тогда Аскер, глубокий вдох-выдох и сунул правую ногу в стремя. Оттолкнулся — и в седло. Но ступня выскользнула из стремени, и я повис, лежа поперек седла, как хурджун¹. А гнедой «взял с места в карьер»

¹ Хурджун — переметная сума.

(теперь я понял смысл этого выражения) и понес. На полном скаку, карабкаясь из всех сил, я ухитрился сесть. Но, как тут же выяснилось, допустил какую-то техническую ошибку и оказался затылком к гриве, а лицом, соответственно, к хвосту. Мои пальцы вцепились в деревянные детали киргизского седла, и я сразу понял: пальцы скорее сами оторвутся, чем выпустят эти проклятые деревянныешки.

А гнедой мчался и мчался по зеленому полю, как ошалелый. А со стороны зрителей неслись восторженные возгласы такого примерно содержания:

- Ай да джигит! Вы только посмотрите на него!
- Ну и кавказец!
- Вот молодец! Молоде-е-ец!
- Настоящий циркач! Задом наперед едет!
- Артист!!

Больше всех кричал Жекшенбай, который в недобрый час подозвал меня к себе:

— Молодец! Вот порадовал! Я знал, на что способны кавказские джигиты! Помню, во Фрунзе циркачи приезжали. Осетины, кажется! Точно так же мчались!

А конь мой несся по кругу с сумасшедшей скоростью. Будто шайтан в него вселился! Я сросся с седлом намертво. Пятки мои готовы были продавить потные бока этого зверя, а пальцы... о пальцах я, кажется, говорил.

Вдруг мой бешеный скакун, выносливый, как машина, подлетел к гудевшей толпе и, сбросив скорость с четвертой на первую, начал выделять совсем уж безобразные штуки. Он резко вскидывал вверх то задние, то передние конечности и нахально хлестал меня по лицу своим длинным, давно не стриженным хвостом.

Неизбежное все-таки случилось. Неизбежное, как смена дня ночью. Я описал крутую дугу над головой этой взбунтовавшейся скотины и... в точном соответствии с законом Ньютона опустился на зеленую травку.

Взрыв смеха был оглушительным. Смеялся, конечно, не я. Смеялись все остальные, а громче всех Аскер. Он был счастлив. Его победа была беспорной. Молчали только старики. Они считали, что грех смеяться над чужой бедой. Да и разве это была беда? Нет, что там! Катастрофа! Кошмарная трагедия!!! С шумом и грохотом рушились блестящий престиж, непререкаемый авто-

ритет и ослепительная слава живого лермонтовского героя. Доблестный внук знаменитого Хаджи-Абрека прекратил свое легендарное существование.

* * *

В середине весны для меня наступила серая тоскливая осень. И решил я как следует оседлать медицинскую профессию. Работа, работа, работа. В конце концов эта работа меня и оседлала. Я читал свои студенческие конспекты, делал выписки из медицинских книг и журналов, подолгу листал справочники и даже зубрил латынь. Редко я выходил из дому без дела.

Словом, мне было не до переживаний и не до развлечений.

И вдруг — новые события. На фельдшерский пункт прибежала запыхавшаяся Сайра:

— Скорей! Фельдшер мой милый, беда! — кричала девушка. — Бежим скорее! Под камнепад попал!

— В чем дело? Объясни толком, кто попал, как попал, где?!!

Но Сайра начала громко плакать, и я поспешил собрать свой чемоданчик. Потом, взявшись за руки, мы выбежали на улицу.

На этот раз моим пациентом оказался Аскер. У него был открытый перелом левой голени и несколько ран в области затылка.

Женщинам я поручил вскипятить воду, а мужчинам — сделать шины. Сайру послал еще за некоторыми инструментами и лекарствами.

Сделал инъекции, обработал и перевязал раны. С ногой было сложнее. И все же на голень удалось правильно наложить шину. Пришлось с парнем повозиться, пока не прилетел на другой день вертолет санавиации и не увез уже улыбающегося Аскера — моего соперника. Я стоял в стороне от людей, глядя, как стрекочущий МИ поднимался над холмами, и вдруг услышал за спиной слова в свой адрес:

— А все-таки он настоящий джигит. На своем коне наш фельдшер сидит крепко.

Это говорил тот самый Жекшенбай, который... Да, впрочем, что там вспоминать!

БРАК ПО-ГЕРПЕГЕЖСКИ

Выдающееся событие, именуемое несколько старомодно бракосочетанием, в идеальном случае бывает один раз в человеческой жизни. Поэтому, пожалуй, и придается столько значения самому ритуалу: что сделано, то сделано — назад не вернешь и ничего не поправишь.

И не удивительно, что у разных народов все происходит по-разному. Тут уж играют роль не только традиции, но и детали. Даже соседние аулы и те вносят в торжественную церемонию свадьбы свою посильную лепту.

Не отстают от других и жители Герпегежа. Есть у них свои формы, приемы, грани, а если хотите, и варианты.

В самом деле: если София Лорен и Марчело Мastroяни неопровержимо доказали, что действительно существует «брак по-итальянски», то почему бы не иметь права на жизнь браку по-герпегежски?

Попробуем же заглянуть, как говорят ученые люди, в лабораторию герпегежского свадебного торжества, которое у горцев принято называть коротеньким словечком «той».

За точность перевода этого емкого слова поручиться не так легко, потому укажем только, что оно примерно соответствует тому, что в русском языке называется свадьбой.

В Герпегеже, надо вам сказать, сия сложнейшая многоступенчатая и многокрасочная процедура имеет по самым скромным подсчетам три варианта. Попытаемся рассмотреть их все по порядку.

ВАРИАНТ НОМЕР ОДИН

Придерживаясь строго научной методологии, надо начинать с истоков явления, с предпосылок, если угодно.

В Герпегеже, как, впрочем, и в некоторых других местах, то достойное сожаления и сочувствия коловращение, в которое повергают обреченного приготовления к супружеству, начинается с выбора объекта.

Раньше допускалось одностороннее решение вопроса. Теперь же в связи с эмансипацией женщины дело значительно осложнилось. Взаимные заинтересованность и согласие, бесконечные встречи при луне и при отсутствии таковой, охи, ахи, вздохи и прочий набор дипломатических шагов к сближению — в наши дни безо всего этого никак не возможно.

Однако, при оптимальном развитии событий, когда ОН не может жить без НЕЕ, а ОНА готова с НИМ хоть на край света (и не обязательно по туристской путевке), вполне приемлемы и современные темпы. Завернул ее в бурку, перекинул через седло и — был таков!

Но, во-первых, нынешние невесты, в силу известных обстоятельств, не так миниатюрны и гибки, чтобы их транспортировать столь спартанским способом; во-вторых, женихи нередко предпочитают мягкое сиденье легкового авто жесткому седлу и сбруе; в-третьих, — и это весьма важно, — масса драгоценного времени уйдет на поиски дефицитной бурки; а в-четвертых, — ни одна уважающая себя лошадь не станет соперничать в скорости с «Жигулями», в кабине которых сидят рассвирипевшие родственники невесты, вооруженные, вместо чувства юмора и здравого смысла, старомодными кинжалами и вполне современными заряженными ружьями.

Кроме того, вся эта забытая экзотика и романтика чревата другими нежелательными последствиями.

Как ни поверни, а умыкание невесты по юрисдикции — самая натуральная кража. Похищение. И не стоит надеяться, что невеста вдруг вспомнит гоголевскую унтер-офицерскую вдову, которая «сама себя высекла», и заявит в суде, что она сама себя похитила. Имейте в виду — современные женщины очень даже знакомы с логикой.

И еще. Пока оскорбленные родственники и разгневанная общественность, в подобных ситуациях чрезвычайно активная, начнут выяснять, что к чему, у насмерть перепуганного жениха может возникнуть несчастливая мысль (или счастливая, — это как посмотреть): «А стоило ли вообще заваривать всю эту... мамалыгу?..»

Наконец с таким невероятным трудом и риском добытая невеста впоследствии вполне может переоценить собственные достоинства и добродетели и всю жизнь станет оспаривать право на известные преимущества.

Если уж похищать, то непременно на машине. Но тут есть нюанс. Поскольку техника оставляет немного простора для романтики, невеста сама должна понимать ответственность момента и, сколько полагается, покричать, взывая о помощи. Как-никак, извините, ее похищают!

Однако и здесь следует проявлять разумную умеренность и даже определенное актерское мастерство.

Кричать надо в такой момент, когда это не повредит делу и не вызовет погони, грозящей осложнениями. Истерика не должна превышать уровня школьной самостоятельности, удовлетворяя двум требованиям: чтобы шофер и пассажиры не обвинили невесту в чрезмерной покладистости и чтобы похититель не принял чересчур трагических стенаний за чистую монету и не отказался от похищения.

Бывали, знаете, случаи, когда не в меру усердные очевидцы бросались спасать жертву умыкания. Доходило до того, что она сама вынуждена была прекратить крики и заявить из-под бурки, чтобы непрощеный избавитель поубавил старания.

Описанный метод, по нашему мнению, не самый лучший. Более того, он имеет существенные изъяны, перечисленные выше.

Бутафория, имитация, словом, подделка, а не похищение.

ВАРИАНТ НОМЕР ДВА

Начало — то же: выбор объекта. Но действие развивается на малых скоростях. Как при замедленной съемке или при повторе кадров во время телевизионных демонстраций встреч по хоккею с шайбой. Зато все делается обстоятельно, без пропусков и купюр.

Итак, после предварительной договоренности воюющих... э-э-э... виноват, влюбленных сторон, выяснивших, что раздельная жизнь для них — адские муки, вступает в силу знаменитая горская, в данном случае

герпегежская, дипломатия. Область, имеющая таких поднаторевших в своем призвании специалистов, которые, попади они в Совет Безопасности ООН, мигом бы разрешили самую сложную проблему.

Степенно входят они во двор невесты. Хозяева же с еле заметной улыбкой выходят навстречу и приглашают в дом. Разговор балансирует, как канатоходец на проволоке, и ни одна из сторон, если это подлинные мастера своего ремесла, не произносит слов, могущих звучать, как категорическое «да» или категорическое «нет».

Воздав должное угощению, не бедному и не богатому, как и приличествует моменту, гости столь же чинно удаляются, не получив ни отказа, ни твердого обещания.

С этой поры курс акций невесты начинает неуклонно повышаться.

Визит повторяется. Возможно, и не единожды. Даже в самом удачном случае, когда результат уже известен.

Тут вариант номер два вступает в самую шумную и веселую свою фазу. Вариант первый также имеет такую фазу. Но не столь шумную и веселую. Кража есть кража, и она не терпит излишнего тарарама.

Так вот, наиболее звонкая и красочная стадия второго варианта открывается многократно и вдохновенно воспетым кавказским пиршеством.

Звонит и сверкает все: голоса, бокалы, гармоника, вино, глаза и лица. Участвует все село. Пропуск, визитная карточка,— назовите как угодно,— три качества: умение петь и танцевать (необязательно), умение есть (желательно), умение пить (строго обязательно).

При наличии этих достоинств плюс хорошее или, на худой конец, среднее отношение к брачащимся и их фамилиям до седьмого колена можно смело садиться за стол.

Впрочем, стоп!

Не так просто. Ритуал застолья у горцев начинается с места. Если вы случайно оказались зятем или хотя бы младшим родственником тамады, главного распорядителя и диктатора, сидящего во главе стола, ваше место — подальше от президиума. И лучше пореже показываться на глаза вашему облеченному властью родичу и сидеть тише воды ниже травы. Лучше и вовсе уйти в другую комнату, где тоже есть свой стол и свой

тамада, но где у вас будет не в пример больше возможностей проявить себя как личность.

В сезон великолепных кавказских свадеб кривая роста поголовья овец в окрестностях заметно выравнивается и не имеет уже прежнего стремительного движения вверх. Однако бывают и другие причины выпрямления этой линии, не имеющие отношения к свадьбам. О них — в другой раз.

Пиршество продолжается не один день и не одну ночь. И почитается почему-то не свадьбой, а лишь подготовкой к ней, своего рода разминкой перед главным действием. Между тем сельмаг, и без того торгующий спиртным без особых перебоев, значительно перевыполняет план товарооборота. И местному врачу приходится гораздо чаще лечить незапланированные головные боли и ставить свищовые примочки на непредусмотренные, извините, сныки.

Всем, казалось бы, хороша кавказская свадьба, если бы не некоторые нежелательные издержки.

Существует одна щекотливая деталь, один древний, как мир, пережиток, который превращает невесту из очаровательного воздушного создания в предмет купли-продажи.

Знаменитая формула политэкономии: товар — деньги — товар стихийно вступает в силу. А раз товар, то надо продать подороже и, разумеется, заплатить подешевле. На этой почве и возникает конфликт, разрешаемый более или менее мирно. Но не без последствий.

Дело в том, что печально известный и живучий, как чумной микроб, пресловутый калым не имеет определенной шкалы. Что же касается невесты, то и она не снабжена этикеткой с обозначением артикула, степени физического и интеллектуального совершенства, уровня хозяйственной сноровки, коэффициента терпимости к мужниным привычкам и слабостям и других качеств. Словом, сорт не указан. А самое главное — нигде не отражена ее, простите, номинальная стоимость в рублях.

Таким образом, родственники жениха находятся в полном неведении. Сколько будет мало и сколько будет много — никому не известно.

В замешательстве и невестина родня. Как бы не подешевить и не прослыть скаредами,

Процедура уплаты калыма порядком скомпрометировала себя в наши дни. В результате стали возникать разного рода калымозаменители, калымоэрзацы, калымосуррогаты.

Но, как и любая синтетика, они имеют свои недостатки.

Например, калым в виде золотых колец разной пробы, кулонов, колье и сережек, часов и прочего ювелирного ассортимента. При этом, естественно, не принимаются в расчет вкусы будущих владельцев всего этого добра, а значит, не исключаются и поводы для взаимного недовольствия.

Небезызвестная история Монтеки и Капулетти иногда повторяется в новой интерпретации.

При удачном исходе — примирение через два-три года. Но чаще калымные манипуляции завершаются возвращением невесты под родительский кров, а жениха — в общество друзей-холостяков через неделю-другую после бракосочетания.

К чести герпегежцев надо сказать, что вариант номер два — самый малоупотребительный.

ВАРИАНТ НОМЕР ТРИ

С каждым годом он все решительнее завоевывает права гражданства в Герпегеже.

Он имеет особенности, присущие ему одному, делающие его непохожим на описанные варианты.

Основные его приметы — подкуп, всевозможные потрясения, безрассудные поступки, граничащие с сумасшествием.

При виде ЕЕ ОН ослеплен ЕЕ неземной красотой. ОНА, используя свои чары и, конечно, благоприятный момент, потрясает ЕГО своим интеллектуальным потенциалом, эрудицией и общественной активностью, не говоря уже о достоинствах чисто спортивного толка.

После такого ослепления (а чем это не подкуп?) в варианте номер три с успехом используется позитивные, так сказать, стороны все той же эмансипации, что повергает юных джигитов в отчаяние и толкает на сумасбродства. Немало молодых герпегежцев могли бы потягаться в выполнении сложнейших заданий с пре-

тендентами на руку и сердце жестокосердной принцессы Турандот из сказки старика Гоцци.

Активнейшую роль играет при варианте номер три и внешняя атрибутика. Как то: весна, пение птиц, матово-нежный свет луны, пьянящий аромат цветов. Мощные стимулы — музыка и поэзия.

Правит же всем — незаходящее солнце, называемое любовью. Оно же витает над пиршественным столом и над кортежем из лимузинов, изукрашенных лентами и розами во все цвета радуги, которые везут в дом жениха и невесту...

Этот вариант все более решительно и настойчиво овладевает умами, приобретает права на жизнь, вбирая в себя лучшее из других вариантов.

Похоже на то, что он скоро окончательно вытеснит безнадежно устаревшие установления первых двух вариантов.

ПОЕДИНОК

Так вы еще не знаете, как умеют браниться старые балкарки? Вам ни разу не приходилось быть свидетелем подобного поединка? Нет? Значит, вы до сих пор не poznали прелести удивительно редкого, совершенно бесподобного, на редкость оригинального вида устного народного творчества. Значит, вы смутно представляете себе всю экспрессию звучного балкарского слова в устах темпераментной старухи горянки. Короче говоря, мне вас жаль: вы много потеряли. Вернее, еще многого не приобрели.

Попробую, как сумею, пересказать вам ту восхитительно-жуткую и великолепно-кошмарную сцену, очевидцем которой я был сам, когда гостил в позапрошлом году у своего дяди в Верхней Жемтале.

Добротный дом Таслима и не менее добротный дом Буслима — оба с красными черепичными крышами и нарядными застекленными верандами — стояли рядом,

как близнецы, на главной улице селения. По ту и другую стороны невысокой ограды, разделяющей владения старых добрых приятельниц, в земле ковырялось абсолютно одинаковое количество кур, под раскидистыми яблонями стояли похожие, как две капли воды, скамеечки, и даже стройные подсолнухи во дворах были совершенно одинаковой высоты.

Известное значение имела, разумеется, и некоторая общность характеров наших почтенных героинь. Ну, а главное — бесценные внуки Таслима и Буслима были ровесниками, и каждый смотрел на окружающий мир красивыми и огромными, как у годовалых телят, глазами.

Да, идеально добрые соседки жили некогда по обе стороны плетня из кизиловых прутьев! При случае (а таковые выдавались по нескольку раз на день) Таслима и Буслима с завидным упорством соревновались в излияниях самой нежной, преданнейшей и бескорыстнейшей любви друг к другу. Таслима молила аллаха, чтобы к ней перешли все болезни Буслима. А последняя мечтала, чтобы весь комплект радостей, которые ожидают ее в жизни, достался на долю Таслима.

Так они и жили, уважаемые, не по годам подвижные и энергичные соседки. Собственно, они не только жили, но живут и сейчас, уверенно штурмуя каждая свой восьмой десяток.

Но теперь они враги. Враги жесточайшие, непримиримые, как кровники феодальных времен.

Самая страшная клятва Таслима звучит примерно так: «Если я вру, пусть аллах пошлет мне все, чего я желаю Буслима, да будет проклято ее имя!» Клятва Буслима немного лаконичнее: «Пусть подохну днем раньше Таслима, если я вру!»

Таслима готова без колебания отдать свой сундук с плюшем, бархатом и прочей мануфактурой, пропахшей плесенью, первому же эфенди, который благословит ее соседку на переход в мир иной. Пусть она сорвется на этом пути с моста толщиной с конский волос и полетит прямо в раскрытые пасти ужасных драконов. А Буслима готова... она готова... Если бы вы знали, на что она готова!..

Из-за чего началась великая вражда между соседками, жившими в обстановке великой дружбы и полного

взаимопонимания, уже не помнит ни одна из сторон. Не помнят об этом даже соседки наших соседок.

А вот я помню.

Было так. Играли на песке младшие внуки Тасли-мат и Бусли-мат. Юные строители сооружали в соавторстве какое-то замысловатое здание. И вдруг Махмут, видимо усомнившись в архитектурных достоинствах сооружения, самокритично разрушил его своей голой пяткой. Масхут позволил себе возмутиться таким одно-сторонним действием и обстоятельно залепил полной горстью строительного материала глаза своего соав-тора.

Отсюда все и пошло-поехало: мощный и протяжный, как сирена «скорой помощи», рев ненаглядного внука, затем стремительный рейд любвеобильной бабушки Бус-ли-мат к плетню, наконец, грозный окрик, вызывающий Тасли-мат из ее дома...

— Почему твой негодный Масхут...

— Как ты сказала? Чей «негодный»? А ну, повтори!

— Да твой звереныш, который насыпал песку в гла-за моему Махмуту!

— Ах, звереныш?! Сама ты волчица бессовест-ная.

— О аллах, что слышат мои уши! Значит, я бессо-вестная... Слыхали нахапку! Я бессовестная, а она со-вестная!..

— Заткнись, старая ворона!

— Сама заткнись, грязная иудейка!

— Ах, это я грязная? Ты лучше посмотри на свою образину, которая век не знала мыла, да пошлеп тебе аллах тысячу горестей!

— Змея ядовитая!

— Пугало огородное!

— Плешивая овца!

— Сама ты чесоточная!

— Ты сама. И не удивительно, что ты дрянь: в тво-ем роду все были чесоточные.

— Ах ты бесхвостая курица! Твоя мать всю жизнь торговала тухлыми яйцами!

— Закрой свой лживый рот, гнилозубая!

— Ах ты облезлая алмасты! Посмотри, какой у тебя рот — беззубые грабли!

— Чтоб тебе бешеный бык распорол толстое брюхо!

— А тебя да лягнет пониже глаза подкованная кобыла!

— А тебя... а у тебя...— Буслима не сразу нашлась, что ответить, и Таслима не перебивала, ибо в подобном дуэте соблюдение очередности — дело святое.— Чтоб из твоих бесстыжих глаз кровь дождем пошла! — торжествующе бросила Буслима, снова оказавшаяся на высоте положения.

Но Таслима не сдавалась. Пренебрежительно сморщившись, она тут же крикнула в сторону соседки, которая, чтобы лучше слышать, раскрыла рот и оттопырила ладонью ухо:

— Да обрушится твой дом на твою безмозглую голову!

— Да сгорит твой дом вместе с тобой, и люди да будут вынуждены сотворить молитву на улице!

— Чтоб ты окосела на оба глаза!

— Чтоб твой глупый старик порезал пятку косою в разгар сенокоса!

— Чтоб твоя корова осталась яловой и ты пришла ко мне вымаливать глоток молока!

— Пусть все беды мира посетят тебя!

Это было уже слишком. Буслима сложила ладони рупором и завопила изо всех сил:

— Да издохнуть тебе мучительной смертью от удушья!

— Пусть великий создатель устроит тебе...

(Тут уже было не до очередности.)

— Тебе самой...— перебила Таслима, хотя и очень смутно представляла себе пожелание любезной соседки.

— Да чтоб тебе...

— Тебе самой...

— Нет, тебе, о мой всеильный аллах!

— Нет тебе!

— Тебе!

— Те-бе-е!

— Те-те-те...

Вдруг разбушевавшиеся старухи увидели картину, которая мгновенно заставила их прекратить оживленный обмен мнениями по адресу друг друга. Махмут и Масхут играли на куче влажного песка, и окрестность оглашалась их звонким веселым смехом.

НЕ БОЙТЕСЬ РОБОТОВ!

Говорят, когда аллах сотворил небо и землю, он удовлетворенно потер ладони. Старику чертовски понравилась эта работа. Первоисточники на этот счет высказываются так: «И увидел бог (читай — аллах), что это хорошо».

По-моему, надо понять старика. Я его, во всяком случае, понимаю. Когда я, человек двадцатого века, оглядываюсь на все, что понаизобретали за это время, тоже удовлетворенно потирая руки, и вижу, что это хорошо. Вы только подумайте, какая куча машин, приборов, аппаратов и приспособлений окружает нас! Чего мы только не понапридумывали! И вся эта механическая флора и фауна существует для единственной цели: чтобы человек, этот великий трудяга, мог время от времени поваляться на диване. И чтобы в это время играл для него приемник, обдувал его вентилятор, а электровоз нес его в голубые города, у которых еще нет названия. Хорошо!

Откровенно говоря, человек это заслужил. Иные из племени людского, я слышал, даже завели себе домработников из роботов. Или домработниц, не знаю точно. Кстати, фантасты предупреждают о возможности бунта роботов. Но я знаю, что это чепуха. Если мой робот однажды утром подаст мне кофе, охлажденный до абсолютного нуля, я скажу ему, что он лишается смазки на два месяца. Пусть поскрипит как ревматик. А если и это не поможет, я просто встану в позу Тараса Бульбы и произнесу: «Я тебя смонтировал, я тебя и демонтирую. Понятно, полупроводниковый плут?» Уверяю вас, он с перепугу задрезает своими гайками и шайбами, как автобус перед капитальным ремонтом!

Одним словом, насчет бунта роботов будьте спокойны. Меня, например, это совершенно не волнует. Точнее: волнует не это. Беспокоит меня, дорогие товарищи, наше бескрылое отношение к технике. Именно бескрылое! Мы обычно парим на крыльях фантазий и пробиваем атмосферы и ионосферы лишь до тех пор, пока не при-

думаем, скажем, телевизор. А потом штопором врезаемся в землю и просто по-обывательски кудахчем над этим изобретением. Наша фантазия по его использованию не идет дальше телеателье. Мы периодически таскаем его в мастерскую и обратно, заменяем все до единой лампы, конденсаторы и выпрямители, а когда заменять больше нечего, покупаем себе новый. И все начинается сначала: Однажды, когда я искал пути, более рационального использования телевизора, мне пришла в голову смелая мысль: а что, если еще смотреть по телевизору телепередачи? Мой приятель поднял меня на смех. Он сказал, что я безумец. Я ответил ему цитатой из Нильса Бора: «Перед нами безумная идея. Вопрос в том, достаточно ли она безумна, чтобы быть правильной». Приятель нашелся и сказал, что недостаточна.

И все-таки я не сдавался. Я разработал теорию многопланового, рационального использования современной техники. Я вытащил технику из болота вульгарного утилитаризма к вершинам медицины, психологии и даже педагогики. Не торопитесь смеяться. Как говаривал мудрый Ходжа эмиру бухарскому: «Убей, но выслушай».

Допустим, у вас имеются две вещи: стиральная машина и бессонница. И вы хотите избавиться от второй с помощью первой. Нет ничего проще. Залейте машину водой и включите. Закройте глаза. И сразу вам покажется, что вы на борту белоснежного океанского лайнера, который режет винтом бирюзовые волны. Прекрасный сновторный эффект плюс экзотические сны. Правда, минус качка. Но если вам необходима качка, примите что-нибудь сильно действующее против, допустим, тропической лихорадки или простуды.

Идем дальше. Представьте, что вам необходима грелка между лопаток. Пользоваться обычной грелкой просто смешно: в лучшем случае ее надо менять каждые полчаса. Нет, здесь незаменим обыкновенный электрический утюг. Поставьте его, куда надо, включите и грейтесь.

Правда, соблюдайте при этом элементарные правила противопожарной безопасности: засыпая, не забывайте утюг выключить.

Или такой, например, случай. Вы решили отдохнуть, а соседу за стеной по душе романтическая история о

том, как жил да был черный кот за углом. Уже через пятнадцать минут вы начинаете понимать, почему кота ненавидел весь дом, а через тридцать — всей душой присоединяетесь к этой ненависти. Избавиться от кота можно только с помощью радиолы. Включите на полную катушку «Танец с саблями» композитора Хачатуряна. Во-первых, вы этим противопоставите легкомысленной эстраде солидную классику. Во-вторых, сосед, даже самый тупой, быстро поймет, что его шелудивому коту не переорать государственный оркестр, и запросит пощады. Он на коленях приползет в вашу квартиру и поклянется, что с этой минуты вступает в общество любителей тишины.

А магнитофон? Отличное средство для нормализации, скажем, семейных отношений. Случись вам вернуться от друзей не совсем уверенной походкой (с кем не бывает!), жена тут же выскажет вам все, что думает о друзьях-пьяницах и о вас, который загубил ее молодость. Эти женщины, увы, одинаковы... Но вы незаметно запишите на пленку ее темпераментный монолог, а потом пригласите друзей и, когда хозяйка скажет, как рада их видеть, включите пленку. Уверяю, после этого жена и рта не раскроет, прежде чем не перевернет всю квартиру в поисках магнитофона. А на это у нее уйдет вся энергия.

Что касается автомашины — ее можно использовать под жилье, пока ваша квартира занята курортниками. Вентилятор — как средство обогрева. Да, да! Достаточно в холодной комнате включить вентилятор, а потом выключить — и вы почувствуете, что стало теплее. Аллах с ним теперь, с этим горкомхозом и его таинственным отопительным графиком.

Авторучка и пылесос прекрасно воспитывают у детей чистоплотность. Дайте ребенку на полчаса авторучку или пылесос — и вы увидите, как он добровольно побежит в ванну. Если, помимо чистоплотности, вы хотите развить в детях любознательность и здоровую инициативу, предоставьте им будильник, телефон, электробритву, пишущую машинку. Что касается любознательности — уже через час ребенок будет знать, из каких именно частей состоит каждая вещь. А что касается инициативы, вы до конца жизни не поймете, как он это сделал без элементарной отвертки.

Всеми этими примерами моя теория, естественно, не исчерпывается. Это лишь ее отдельные положения. Но не стоит загружать вас сразу. Проверьте на практике хотя бы то, что здесь сказано. Ибо теория без практики, как известно, мертвое дело. Но все-таки, я думаю, мне удалось доказать, что существует обилие возможностей самого широкого использования окружающей нас техники.

А что касается бунта агрессивных роботов — не верьте. Человек их смонтировал, человек и демонтирует, когда это понадобится...

ВИРУС ИНКОГНИТУС

Сотворив человека — это чудо природы (по мнению самого человека), его автор сделал великое дело. Не знаю, как ему это удалось, почему такая идея пришла Создателю в голову и какие конечные цели он преследовал. Остается также непонятным, почему наш Верховный Родитель снабдил венец своего творения целым ковчегом всевозможных заболеваний, которые порой чуть было не сводили к нулю весь род людской.

Однако человек со свойственной ему смекалкой и дьявольской энергией успешно справлялся с массой невзгод и с каждым веком своей скандальной истории все прочнее утверждался на грешной земле. Начиная с тех времен, когда люди догадались устроить себе минимум коммунальных удобств в виде сухих малогабаритных пещер и научились заготавливать впрок кое-что из продуктов питания, например копчено-запеченные мамонтовые окорока, дело прогресса пошло на лад.

Но долго еще человек оставался беспомощным перед лицом злейших своих врагов — болезней. Эпидемии внезапными своими набегами пожирали целые племена, болезни не брали в плен и не угоняли в рабство, а уничтожали на месте без суда и следствия.

И человек восстал, не на шутку возмущенный негу-

манными приемами агрессоров. И пали со временем черные полки Чумы, бесславно закончили свой путь банды Оспы и легионы других кровожадных варваров.

Но, к сожалению, еще не все опасные болезни поставлены на колени, хотя в общем дело идет к этому. Об одной из них, если и не самой страшной, то самой трудноизлечимой, мы и поведем речь в нашем докладе.

Эта болезнь сравнительно молодая и потому мало изученная. Жизни человеческие она не уносит. Не приковывает она и к постели. Наоборот, субъект, пораженный ее вирусом, происхождение и тип которого не известны (отчего и название вирус инкогнитус), проявляет неистребимую энергию и феноменальную живучесть. Однако именно в силу указанных симптомов она представляет серьезную угрозу для определенных сфер современной цивилизации. Вот почему борьба с этой болезнью становится сейчас одной из актуальнейших задач интеллектуального общества.

Предугадать ее возникновение в том или ином индивидууме невозможно. Инкубационный период протекает совершенно незаметно, а затем начинается стремительное, как после прорыва плотины, течение болезни. В отличие от заболеваний сезонных, возрастных, эпидемических или профессиональных эта болезнь может поразить человека любого пола и возраста (начиная со школьной скамьи), любой профессии и в любое время года. Она не щадит никого, кто окажется жертвой заколдованного вируса.

Различаются две формы заболевания — острая и хроническая. Последняя более опасна. Не помогают никакие инъекции, никакое оперативное вмешательство. Попытались лечить больных методом гипноза, но сколько-нибудь утешительных результатов не дало и это модное средство.

Опыт последних лет подсказывает, что загадочная болезнь чаще всего поражает субъектов, склонных преувеличивать свои умственные способности, то есть людей, которые вдруг ни с того ни с сего обнаруживают в себе мнимое наличие качеств, свойственных лишь немногим работникам умственного труда. Как утверждают некоторые психологи (вероятно, если какая-нибудь наука и докопается до истины, так это психология), у

больного наблюдается повышенная возбудимость при следующих ситуациях:

а) когда кто-либо выражает сомнение в объективности самооценки пациента;

б) когда пациенту предлагают занятие прямо противоположное тому, к которому он чувствует болезненное влечение;

в) когда пациент не слышит восторгов по поводу достоинств его труда.

Не зарегистрировано еще ни одного случая излечения болезни в запущенной стадии. А ведь в этом-то случае носитель вирус инкогнитус и представляет собой наиболее страшную угрозу для родных и друзей, а также для некоторых солидных учреждений.

Сравнительно проще обстоит дело с острой (начальной) формой болезни. При первых же ее бурных проявлениях необходимо сделать подробнейший анализ клинической картины. Тут дорога каждая минута, и надо сразу пустить в ход все меры воздействия, а в первую очередь — психотерапию. Очень важно не ошибиться, не спутать болезненные явления с подобными же, но доброкачественными симптомами. Здесь требуется тонкая наблюдательность, чувство такта и большая осторожность. Иначе легко можно заподозрить возникновение коварной болезни в психике совершенно здорового человека.

Что же касается больного, то при лечении ни в коем случае нельзя учитывать ни своих личных симпатий к пациенту, ни к уровню его общественного положения, ни степени его родства и дружеских отношений с влиятельными лицами. Только при этом условии еще можно надеяться на успех.

К несчастью, случаи выздоровления пока еще очень и очень редки. Зато вылечившийся приобретает иммунитет на всю жизнь. Рецидивы почти исключены. А спасенный человек из общественно опасного субъекта превращается в общественно полезного.

Итак, все на борьбу с коварно замаскированным вирусом!

Да, кстати, название болезни специалисты составили из двух греческих слов: графо (пишу) и мания (безумие, страсть) — **ГРАФОМАНИЯ**.

ДАР БЕСЦЕННЫЙ ТАТУКИ

Не могу не предупредить с самого начала: никто никогда не считал Татуку нехорошим человеком. Нельзя сказать, что он был неповторимым примером для восторженного подражания, но уж, по крайней мере, человек этот не злой, не грубый, не лживый и — что не менее важно — не бездушный.

И вот, несмотря на множество этих моих нечаянных и даже стилистически не изящных отрицаний «не», я должен еще сказать, что ничего такого слишком уж для Татуки неприятного в рассказе моем не будет.

Особых похвал в его адрес тоже не обещаю.

Откровенно говоря, таких мужчин в нашем городе немало. Да и каждый из нас, по правде говоря, похож на него, и причем в немалой степени.

Однако Татука есть Татука. И мой рассказ, не очень веселый, но и не очень грустный, посвящается ему одному.

Итак, однажды теплым летним утром, предвещавшим знойный солнечный день, каковые нет-нет да и случаются в нашем городе, не тонкий, но и не чересчур толстый джигит средних лет по имени Татука постепенно пробуждался от спокойного и крепкого сна. Было воскресенье. (Ясные воскресные дни тоже случаются в нашем городе.)

Сначала у нашего героя затрепетали не веки, дрогнули не густые черные ресницы, а мощные ноздри могучего носа, уловившие знакомый дразнящий аромат свежесдобитых хычинов. Татука сел на кровати, потянулся и смачно зевнул, хрустнув сильной челюстью. Затем он торопливо сотворил утренний намаз, называемый по-современному зарядкой, и поспешил на кухню. Здесь его взору открылась высокая горка румяных хычинов, начиненных растопленным крестьянским сыром. Татука судорожно проглотил слюну — она гулко шлепнулась в его тоскующий желудок, как на дно глубокой пустой бочки.

— Да не быть мне без тебя, — сказал Татука своей

ловкой и стройной лучезарно-луноликой супруге.— Да живет долгие годы та, чья руки сотворили такое чудо! — Он не отрывал взгляда от плавающих в масле хычинов.

— Хорошо, что ты, наконец, встал,— деловитым тоном сказала лучезарно-лунолика, продолжая свое чудодейство.— Иди, мужчина, умойся, побрейся, надень что-нибудь попримечнее: гости сегодня у нас.

— Какие гости? Откуда гости? — удивился Татука.

— Сотрудницы мои придут, подруги.

— А в связи с чем? — спросил Татука, охладевая к горячим хычинам.

— Придут — узнаешь! — В голосе лучезарно-луноликой чувствовались нотки обиды и едва заметного раздражения.

— Ну хорошо, гости, так гости,— миролюбиво согласился Татука и направился в ванную.

Бритье обычно способствует плодотворным размышлениям, и недогадливого мужа все-таки осенило. Он, правда, не стал кричать «Эврика!», как тот грек, а просто хлопнул себя широкой ладонью по широкому лбу и произнес про себя „маленький внутренний монолог.

«День рождения! Вот в чем вопрос. А я-то, осел, совсем забыл. И подруги, значит, по этому поводу... Вообще-то раньше горцы не справляли дней рождения! Года своего рождения не помнили! А теперь в обычай вошли. Хороший, культурный обычай. А отсюда оргвывод: одарить я должен. Хороший должен подарок преподнести. Чтобы лицо моей лучезарной еще более озарилось. При подругах. И не будь я Татука, сын почтенного Заурбека, если это не будет именно так».

Вот какие умные и благородные мысли посетили мокрую после купания голову Татуки. Потом он причесал волосы на этой самой голове, неторопливо оделся, взял сто рублей (из тех денег, которые были отложены ему на костюм), заглянул на кухню, загадочно улыбнулся лучезарно-луноликой и вышел на улицу.

Шагает Татука, шагает широкими шагами, довольный своей сообразительностью и широтой души. И снова произносит он внутренний монолог.

«Вот уже немало лет вместе живем. И хорошо, валлаги, живем. Не хуже других. -В основном дружно.

И даже частично душа в душу. Взаимопонимание. Взаимопо... Ну, да это не так важно. Главное, женщина она хорошая. А если бы такой и не была, огонь бы погас в моем очаге. Вернее, в нашем очаге. А двери моего дома, то есть нашего дома... Э-э... (тут он не мог придумать, что стряслось бы с этими дверьми, и оставил мысль неоконченной). Умная, красивая, хозяйственная женщина. Видно, аллах добрым оком смотрел на меня, когда мы с ней впервые встретились. Теперь я должен уважить ее, порадовать. Кажется, еще Чехов говорил, что мужество джигита определяется его отношением к женщине. Или даже к жене. Валлаги, хорошо и умно говорил. А мы, мужчины, должны из этого делать свои оргвыводы. И что там долго рассусоливать: вот деньги, вот я — куплю хороший подарок».

Татука переложил деньги из кармана брюк в карман пиджака и направился туда, где он очень давно не бывал, — туда, где крупную кунюру можно обменять на маленький прозрачный камешек или на кусочек желтого металла.

«Вот куплю золотое колечко. С красивым камешком. Пусть наденет на свой пальчик и красуется. И каждый раз меня вспоминает».

От этой благородной, как тот металл, идеи настроение Татуки стало еще лучше. Но...

— Уо, салам алейкум, Татука! Куда разогнался в такую несносную жару?

— Видишь ли... Э... Да я просто прогуливаюсь... Скуку развеять... — о своих намерениях Татука почему-то умолчал.

— Ну так пошли, друг дорогой, к речке. А то мы скоро уподобимся двум ошпаренным петухам, которых собираются ощипывать.

Сравнение было причудливым и не совсем приятным. Однако Татука вдруг почувствовал, что на улице и в самом деле жарыща адская. Заметив его замешательство, приятель стал уточнять детали отдыха у реки:

— Окунуться в бодрящую прохладу чистой воды, потом отведать шашлычка и запить его ледяным пивом — в ресторан «Берег» завезли вчера чешское, — встретиться с друзьями, которых сейчас там знаешь сколько, а? Ну, что ты задумался!

Осман — хороший человек. Это он предложил избрать Татуку в местком, и все собрание проголосовало «за».

Очень хороший человек. А обижать такого человека — просто хамство и бескультурье. Вот жарница! Добрый шашлык в кругу добрых друзей...

И тот самый шашлык, и та самая бодрящая прохлада чистой воды, и ледяное чешское пиво, и добродушно-веселые приятели благотворно повлияли на состояние духа Татуки. Естественно, что у него появилось желание сделать уважаемым друзьям и свое уважение тоже. Он обратился к самому младшему из компании:

— Подойди-ка сюда, юноша! Возьми-ка эти бумажки и сбегай туда. И поживей! — куда именно, он не стал указывать, но юноша оказался сообразительным.

Татука еще раз убедился (в который раз!), что с друзьями хорошо сидится. Однако он не забывал, что в непосредственной близости от слова «развлечение» частенько околачивается слово «долг». И свой «долг» он твердо намеревался выполнить еще к середине дня.

Идет он по улице и прямо-таки физически ощущает, что карман его заметно полегчал.

«А зачем ей колечко? И так лучезарно-луноликая. Что толку, если и на без того красивой ручке будет блестеть этот... металл!

Какая-то странная привычка — носить кольца на пальцах... Буржуазный обычай. Мещанский... Лучше куплю дорогие модные туфли. И красиво и практично. Без колец ходить можно. А попробуй без обуви! Где-то тут недалеко обувной магазин... Кажется, возле ресторана «Нальчик». Точно. Иду. В хорошей коробке. И чтоб ленточкой перевязали. Вот деньги, вот я...»

— Ты посмотри на него, только посмотри! Сам Татука, собственной персоной. Такой ясноликий и добрый — ну, прямо солнца луч в ненастную погоду! Постой, дружище, не спеши. Познакомься с нашим дорогим гостем из Москвы. Дорогой человек, золотой человек.

Татука не понял, кому адресованы последние слова — ему или столичному гостю. Да это было и не важно. Познакомились.

— Пошли, дорогой Татука, с нами. Примем по пять капель ради здоровья и благополучия дорогого гостя.

После первой вторая идет легче. Даже если в ней и не пять капель, а третья — сама просится. К тому же хорошо воспитанный Татука отдает себе отчет в том, что гость товарища (а тем более заместителя начальника родного учреждения) — это и его гость. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. Не уважить гостя и вместе с ним и своего старшего брата — это, знаете ли...

Когда «уважение» кончилось, Татука позвал искроглазую девушку в белом переднике и, несмотря на протесты сослуживца, сделал широкий жест.

Тщи деревьев стали уже длиннее, чем сами деревья. Жара заметно спала. Денег осталось совсем немного.

Татука произвел подсчет. Итог оказался безотрадным. Удивительная вещь! Чем больше к тебе внимание друзей, тем больше свободного места в кармане...

«Ну что ж! Лучезарная и так не босая. Это они, женщины, только говорить любят: «Я совсем босая», хотя в прихожей без конца спотыкаешься о целые груды туфель и босоножек. Да и потом это далеко не лучший подарок. Дарить носильные вещи! Какой дурной вкус...

Куплю ей флакон великолепных духов. Женщины без ума от этих духов. Особенно, если на флаконе малопримечательные иностранные надписи. Духи с заморским запахом. Это идея. Вот какой подарок озарит лицо моей лучезарно-луноликой».

С такими вот мудрыми мыслями и отправился Татука на поиски того магазина, где стоят на прилавках стройными рядами хрустальные склянки с чудотворной жидкостью.

— Уо, салам алейкум, любезный родственник! Каким добрым ветром занесло тебя на мою улицу, прямо к углу моего дома! — Это Биногер, который представляется Татуке то его зятем, то братом троюродным, а иногда и дядей.

«С ним, с Биногером, будет посложнее...»

— Валлаги, не отпущу! Твоя свояченица («Ага, теперь мы свояки») как раз утром тебя вспоминала. Кровно обижена, что уже год как не был у нас. И дети по тебе соскучились!

— Сколько их у тебя? — вздохнул Татука.

— Четыре сорванца! — радостно сообщил Биногер. «Четыре коробки конфет».

Дети любят конфеты, а Татука любит детей. Да и Биногер, хотя и разговорчив невероятно, человек приятный, чистосердечный. Его супруга тоже обаятельная женщина. Наверное, и дети на них похожи.

И Татука не ошибся. Хозяйка была искренне радушна, да и вообще хорошая хозяйка: такой айран, такое жормé! И четыре сорванца набросились на Татуку, как на родного и любимого дядю. Вконец растроганный таким вниманием, Татука одарил юных джигитов хрустящими бумажками на мороженое (в дополнение к кондитерским изделиям). Родители, правда, заявляли громкие протесты против антипедагогических действий Татуки, но гость настоял на своем.

Когда Татука выбрался из шумного дома Биногера, деревья стояли на месте, но уже без теней. Над городом сгущались сумерки. В кармане позвякивала мелочь.

«Это не дело. Это совсем не мудро. Дома гости, а я сам по гостям... Смешно и несправедливо. А подарок... Сколько тут у меня? Уо-о... Нет, нет, нет, сколько ни пересыпай монеты из ладони в ладонь, их от этого не станет больше...»

Татука загрустил.

Но вдруг на противоположной стороне улицы он заметил яркие пунцовые розы и старушку при них, которая явно ожидала покупателя.

«Женщины любят цветы. Хороший букет таких чудных роз — разве это не подарок? К чему фальшивый запах парфюмерии? Куда лучше естественный аромат живых цветов!»

Настроение Татуки сразу улучшилось. Но совсем ненадолго. Денег не хватало и на цветы. Лицо стоящего перед старушкой Татуки стало как у того горца, чей единственный ишак свалился в пропасть.

Заметив это, старушка усмехнулась и сказала:

— Бери, сынок. А деньги потом принесешь, если не забудешь. Я тут часто бываю.

Когда Татука пришел домой, веселье было в разгаре. А лучезарно-луноликая прямо-таки расцвела, получив цветы из рук смущенного Татуки. В следующую

минуту она даже слегка прослезилась и сказала нежным, чуть дрожащим голосом:

— Знаете, девушки, ровно десять лет назад этот мужчина подарил мне точно такие же красные розы...

Ровно десять роз. Десять лет... Точно такие же...

Подруги тихонько ахали. У некоторых даже повлажнели глаза.

— Такая любовь...— вздохнула одна из женщин.

— Счастливая! — сказала другая.

Потом все обратили свои восхищенные взоры на Татуку, который смущался, как юноша.

«Удивительный народ эти женщины!»

СЛАДКИЕ ДНИ ДОММАЯ

Доммай Османов сын-мужчина в расцвете сил, уважаемый своими друзьями и знакомыми, никогда не слыл трусом, хотя и считался человеком осмотрительным и осторожным. Не терял он самообладания ни перед начальством, ни перед соседом — скандальным выпивохой, ни перед собственной женой.

Однажды, когда на город обрушился бешеный майский ливень и мощные потоки неслись по улицам, вызывая всеобщую панику и смятение, Доммай лишь глубокомысленно заметил, что ему в жизни не случалось видеть столько мутной воды и что ему интересно, куда она теперь вся денется. А когда, как вы помните, город вздрогнул от землетрясения и в домах закачались люстры и зазвенели бокалы в сервантах, Доммай только сострил: «Наверное, в ухо быка, на чьих рогах держится земля, забралась блоха, а может, и оса». Вот каким был наш Доммай. Да что я о нем все в прошедшем времени? Он не был, а есть и сейчас. Причем он жив и здоров. Правда, с некоторых пор стал еще осмотрительнее.

Дело в том, что хладнокровный и даже не лишенный мужества Доммай все-таки имеет одну слабость: он бо-

ится болезней — любая пустяковая хворь способна перепугать его до полусмерти. Он, разумеется, знает о могуществе современной медицины, но ему известно и то, что иная болезнь заканчивается не тем финалом, который можно быдо бы обсудить с приятелями.

И вот в один из дней, когда в скверике у дома цвела сирень, в прозрачной синеве небес торжественно сияло солнце, а воробьи пытались не чирикать, а петь, Доммай подхватил сильную простуду. Перехватило грудь, закололо поясницу, помутилось в глазах. Сирень ему казалась пошлой бутафорией, солнце — равнодушной ко всему, да к тому же и плохо вычищенной медной сковородкой, а веселый птичий гам он просто не расслышал.

Поскольку жизненные планы Доммая не умещались в рамках нынешнего тысячелетия, он, не медля ни часа, устремился в больницу. Нашел там врача, который, как он знал, был то ли троюродным племянником, то ли двоюродным дядей кого-то из Багырбашевых, приходившихся близкими родственниками Гараевым, а Гараевы — это близкие соседи родителей жены Доммая. Врач не стал разбираться в запутанных ветвях этого громоздкого генеалогического дерева. Хватало у него и других забот, а к Доммаю все равно отнесся внимательно.

Наш большой немного даже воспрянул духом и произнес маленькую, но напыщенную речь:

— Друг мой и благодетель! Судьбе угодно было, чтобы ты позаботился о моем ослабленном теле и выгнал из него губительную хворь. Устрой меня в светлой и уютной палате, да с добрым соседом — тихим, культурным и не храпящим во время сна.

— Будет сделано, — улыбнулся врач. — Как раз сегодня один высокопоставленный товарищ, который лежит у нас в индивидуальной палате, попросил поместить к нему напарника. Заскучал он сильно. А вы, Доммай, я думаю, ему подойдете.

Палата — светлая, уютная. Сосед — лучше не придумаешь. Спокойный, немногословный, на лице — выражение усталой значительности, но с берекетом, с готовностью к дружественному общению. Большой начальник. По ночам не храпит.

С таким человеком и болеть не так страшно, решил Доммай после первых часов знакомства.

Но он еще не предполагал, какие приятные часы ждут его впереди.

У ответственных работников обычно бывает много родственников, а также подчиненных. Сосед Доммая не был исключением. И ему приходилось ежедневно встречать визитеров и принимать обильные подношения в виде всевозможной снеди. Кажется, посетители явно соревновались между собой в этом смешном деле. Смешном потому, что этого потока жиров, белков, углеводов и витаминов хватило бы, пожалуй, на содержание не одного болящего, а на все терапевтическое отделение.

Индейки и куры, хычины и медовая халва, ранние овощи и поздние фрукты — в беспорядочных пропорциях, но в бесчисленных количествах непрерывным конвейером поступали в тихую обитель Ответственного Больного и нашего Доммая.

— Ешь, мой товарищ Доммай, — устало говорил Ответственный. — Не стесняйся. Ешь все, что хочешь и сколько хочешь...

— А сумеем ли мы все это одолеть? — спрашивал Доммай, не отводя расслабленного взора от яств, достойных стола эмира Бухарского. — А нельзя ли попросить, чтобы того... это... сократили рацион?

— Невозможно. Бесполезно. Когда люди стараются выразить уважение, нельзя их одергивать. Обидятся. Неправильно поймут, — все тем же равнодушным тоном проговорил Ответственный и уткнулся в газетный лист.

— Вы, наверное, правы. Уважение — это великое дело. Не уважать уважение — это уже получится... неуважение, — сказал Доммай, принимаясь за баранью лопатку.

Потом он долго молчал, размышлял о том, какое разное бывает уважение: к одному — величиной с целого индюка, а к другому — с куриную ножку, да и то не каждый день. Но скоро он подавил в себе всякие крамольные мысли с помощью той же молодой индейки, размягченной пикантным чесночным соусом.

Так или иначе, но Доммай с легким сердцем общился к ханскому столу своего напарника, заметив,

что после вкусной еды всякие беспокойные сомнения исчезают без следа, как запах от съеденного хычина. Кстати, Доммай не страдал отсутствием аппетита даже при повышенной температуре. Скорее, наоборот. А добрую трапезу он считал одним из лучших изобретений в общем-то не всегда последовательного Создателя. Но речь сейчас не о том.

Через несколько дней то ли искусство врачей, то ли праздник желудка и близко к нему расположенного сердца, а скорее всего совокупность этих факторов изгнали хворь из организма Доммая. И несколько неожиданно прозвучало для него сообщение хакима в белом халате:

— Ну что ж, уважаемый Доммай, дела твои пошли в гору. К концу недели мы тебя выпишем.

Нет, не озарилось радостью лицо Доммая, сообщение исцелителя не расширило его сосуды. Более того: сердце выздоравливающего пациента тревожно забилося, а на лбу выступила холодная испарина. Нет, не планировал наш Доммай столь быстрого возвращения домой и расставания с таким приятным соседом по палате.

— Вы меня полечите еще — сказал он нездоровым голосом. — Есть беспокойство во внутренностях.

Тут он не кривил душой. Ежедневные пиршества все же доставляли кое-какое беспокойство его внутренностям. (Про себя он справедливо рассудил, что резкая перемена диеты могла бы отрицательно повлиять и на его нервную систему.)

Доммая стали лечить дальше. Но хитроумный горец теперь еще больше уделял внимания молодой баранине с неистовым тузлуком и все меньше таблеткам, микстурам и прочим неаппетитным изделиям фармацевтики.

И снова потянулась череда сладких дней, наполненная радостью общения с культурным человеком и... сами уже знаете чем.

Затем в палату приходит отрадная весть о выздоровлении Ответственного. Отрадной была эта весть не для Доммая. Его ясное чело обволокло печалью, как вершина Ак-каи туманом. К этому времени Доммай уже достаточно глубоко запрятал то, что называется угрызениями совести, и найти выход из положения не составляло для него непосильного труда.

— Послушай, тамада, — сказал он. — Не слишком ли врачи спешат избавиться от своих подопечных. Неужели мы им успели надоесть? И еще об одном я давно хотел тебя, то есть вас, спросить, но вот, знаете, стесняюсь даже...

— Ничего, спрашивай, дорогой, — благосклонно позволил Ответственный, протирая стекла очков.

— Почему у вас где-то около полуночи дыхание становится таким прерывистым, как у моего соседа при виде милиции? Извините за глупое сравнение. А кроме того, вы порой начинаете что-то невнятно и испуганно говорить, говорить, говорить и болезненно постанывать. Давно я хотел об этом спросить, да думал, пройдет.

— В самом деле? — встревожился Ответственный Больной и стал протирать очки еще тщательнее, чем обычно.

— Да. И кого-то сильно ругаете... — Доммай смущенно потупился. — Очень крепкими словами.

— С чего бы это?.. — задумался Ответственный. — А сон у меня действительно скверный. Кошмары бывают... — Он извлек зеркальце из бритвенного прибора и стал внимательно разглядывать свой язык.

— Вот я и говорю, не грех бы еще немножко подлечиться.

— Да, ты прав. После больницы я должен в Сочи ехать, в санаторий, а туда нужно ехать здоровым.

— Умно сказано. Недолеченная болезнь — это хуже, чем совсем нелеченная.

— Правильно, дорогой Доммай! В нашей жизни здоровье — это главное. Не стоит спешить. А моя работа... Ну что ж, мой первый зам — молод и энергичен. Пусть учится руководить. Я же не вечный.

Мудро. Очень мудро. Пусть и молодежь покомандует. Иногда. А то иной начальник уже и ходит еле-еле, а в кресле сидит, как приклеенный... Нет, нет, вы не обижайтесь, — спохватился Доммай, — это я не про вас.

— Я не обижаюсь, — вздохнул Ответственный. — Хотя знаю, что кресло и авторитет человека тесно связаны между собой, а уйду вот на пенсию, и многие из тех, что сегодня таскают мне черную икру, апельсины и коньяк, очень скоро забудут мое отчество, потом имя, а попозже — и фамилию. Мой преемник наследует вме-

сте с моим кабинетом и то уважение, которым я сейчас пользуюсь. Но я отношусь к этому спокойно, хотя и не без грусти. Думаю, новый человек будет работать не хуже меня...

«Если не лучше», — чуть не вырвалось у Доммая.

И все же он проникся к Ответственному еще большим уважением. И почему-то ему тоже стало грустно. Так грустно, что у него впервые в жизни пропал аппетит. Теперь Доммай так же вяло, как и Ответственный, ковырялся в еде и задумывался надолго. В некоторые моменты Доммаю становилось страшно. И это был страх не перед болезнью, а перед чем-то иным, чему трудно найти название.

Говорят, на каждом плече у человека сидит по одному ангелу. Один — белый, другой — черный. Белый ангел беспощадно правдив и дает правильные, хотя и не всегда легко исполнимые советы. Черный ангел обычно пытается сбить человека с пути истинного. Надо отдать должное Доммаю: как правило, он больше прислушивается к рекомендациям белого ангела. Так случилось и на этот раз.

«Не стыдно тебе жить в нахлебниках у соседа?» — сурово вопрошает Белый.

«Да что тут особенного? — пожимает плечами Черный. — Разве здесь объедают его детей?»

«Да дело вовсе не в его детях, а в том нехорошем духе, которым несет от подхалимских подношений».

«Но если отказываться, то можно обидеть соседа, а он человек хороший...»

«Вздор! — возмутился Белый. — Зачем лукавить? Зачем лишние дни занимать больничную койку и усыплять и без того обленившуюся совесть? Еще не поздно самому попытаться заслужить... Нет, не ради избытка вкусной жратвы, пропади она пропадом! Ради другого, более возвыш...»

— Хватит! — заорал Доммай. — Я все понял! Милый и добрый сосед! Спасибо тебе за все! За науку...

Окончательно выздоровевший Доммай помчался в ординаторскую, чтобы потребовать немедленной выписки.

БЕЛЫЙ ТЕЛЕФОН

— Слава тому мудрецу, который придумал эту чудомашину, долгих лет ему жизни. А если он умер, пусть рай будет пристанищем его доброй души!— так приговаривал Азнаур Бекболатович, поглаживая, как котенка, новенький телефон с черными цифрами на гладких кружочках.

Белый телефон. Вы только вдумайтесь в это слово: белый!

На службе, где Азнаур Бекболатович, по его же словам, «отвечал за определенное звено управленческого аппарата», у него был телефон. Но ведь то на службе! Другое дело — дома. Владелец домашнего телефона имеет право с презрением смотреть на тех, кто униженно сует двухкопеечные взятки первому встречному уличному автомату и тем не менее частенько уходит ни с чем. Владелец домашнего телефона может говорить с начальником лежа в постели и даже погрозить ему кулаком — так, чтобы видела жена и не видел начальник. Одним словом, возможности телефонладельцев неисчерпаемы, и Азнаур Бекболатович был счастлив, что попал в их число.

Жена не разделяла его восторгов. Она знала, что банда бессовестных соседей устремится звонить, — только успевай подтирать за ними пол. Обязательно найдутся и такие, кто даст своим знакомым номер их телефона: «Позвоните, меня позовут!» Как же, так она и побежит! Наконец, за телефон надо платить, а муж был не такой уж большой начальник, чтобы его жена позволяла себе лишние расходы, но и не такой уж маленький, чтобы его жена работала... Она вздохнула и сказала:

— Дай-ка, я сотру с него пыль.

— Что ты! — испугался хозяин. — Уронишь, сломаешь... Пыль с телефона буду удалять я!

Через месяц Азнаур Бекболатович принес «Список абонентов АТС» и радостно позвал:

— Иди сюда, жена! Смотри! Твой муж попал в литературу.

Напечатанные типографским шрифтом фамилия, инициалы, адрес Азнаура и номер его домашнего телефона — все это выглядело внушительно...

Настало блаженное время. Вечерами счастливый Азнаур, лежа в постели, протягивал руку к изголовью, где стояла тумбочка с аппаратом. Он снимал трубку, слушал ласкающие сердце звуки — «пийк... пийк...» — и осторожно, мизинцем, набирал номер.

— Муса, это ты? Добрый вечер, дорогой. Звоню из дому. Вернее, даже из постели. Как жизнь? Здоровье? Жена? Дети? Что нового на складе?

— Э-э, добрый вечер, Ахмадья! Это я, Азнаур. Звоню из дому. Слава аллаху, теперь есть телефон, можно хоть поговорить с друзьями... Занят: отчеты, сводки... А? Нет, мой дорогой, не могу, служба у меня ответственная... Слушай, Ахмадья, к вам, говорят, поступили красивые ковры... Я так и знал, дорогой, что ты окажешься хорошим зятем...

Однажды среди ночи Азнаур вспомнил, что завтра байрам, и по телефону поздравил своего начальника. Тот сонно промычал «спасибо», но Азнаур был доволен.

Шло время, телефон творил чудеса. Будто по его тонкому шнурочку, в дом поступали ковры и женские чулки, чешские стулья и японские сервизы... Телефон (хитрая бестия!) хорошо знал психологию тех, с кем имел дело его хозяин. Для них человек, который, прощаясь, говорил: «Позвони мне домой», был выше того, кто таких слов сказать не мог. Для них человек, на квартире которого стоял белый телефон, был значительнее того, кто имел телефон иного цвета... А поскольку Азнаур был владельцем телефона, и к тому же белого, он приобрел непререкаемый авторитет у своих друзей и почитателей. Более того, подчиненные Азнаура при встречах кланялись, как ему казалось, почтительнее, а начальство кивало благосклоннее.

Вот что может наделать обыкновенный телефон, если уметь им пользоваться. Азнаур Бекболатович умел. Если у него случались изжога или расстройство желудка, он вызывал «скорую помощь», потому что врачи должны оберегать здоровье его, Азнаура. Если соседи праздновали именины, приезд родственника или рождение ребенка, Азнаур Бекболатович вызывал милицию, потому что милиция должна оберегать покой его, Азнаура...

Он сроднился с телефоном. Больше того — сросся. Когда Азнаур выпускал из рук трубку, ему казалось, что он отрывает ее от кожи. И он старался не отрывать... Телефон заменил ему даже его самого, и на службу Азнаур Бекболатович приходил все реже и реже — больше звонил.

Единственное, о чем жалел Азнаур Бекболатович, так это о том, что телефон не может принимать посетителей. Однако вскоре и эта забота отпала, так как посетители больше не приходили и очереди в приемной, как прежде, не устраивали. Они знали, что в любое время, когда ни зайдешь, секретарша скажет: «Приходите завтра».

Наступила пора полного блаженства. Однажды утром Азнаур ворочался в постели и решал вопрос — вставать или не вставать. Терзался он потому, что было только десять часов. И когда решение уже почти созрело, раздался звонок. Азнаур лениво взял трубку.

— Дэ-дэ... Дэ, это я. Кто? Как фамилия? Не помню... В отделе работаешь? Год? Ишь ты... Ну и чего же ты хочешь? Ничего? А чего же ты зво... Что?!

Заикаясь, испуганный подчиненный сообщил, что из области приехала комиссия проверять работу вверенного ему, Азнауру Бекболатовичу, отдела. Азнаур вскочил с постели, запутался в проводе, рванулся... Аппарат, чудесный белый аппарат, соскользнул с тумбочки и — трах!..

— Ах!.. А что теперь будет со мной?! — выдохнул Азнаур Бекболатович, переступая осколки.

«ВОЛГА», РОДСТВЕННИКИ И Я

Свершилось! Она стояла во дворе — предмет моих радужных мечтаний и причина бессонных ночей. Ослепительная красавица с оленем на носу, стройной антенной на лбу и хрустальными глазами, она принадлежала мне, одному мне и больше никому! О «Волга», о мечта моя, любил ли кто тебя, как я!

Я приготовил ей отличное помещение, такое, о каком и не мечтает никто из дачников, осаждающих летом наш южный город. Не гараж, а дворец: стены — ошабренные доски, крыша — шифер, пол — асфальт, яма — бетон, водопровод — рукой подать.

В моей квартире скопились решительно все книги по автоделу, была даже такая, которую я совершенно не понимал. Она была набита формулами, а я никогда твердо не знал, с какого конца их читать.

Как видите, готовился я основательно. Правила уличного движения знал назубок. Я читал их перед приемом пищи и после, перед сном и после него, в очередях и... где угодно. Сны мне снились красного, желтого и зеленого цвета. Мне снились даже трамваи, которых я не видел никогда в жизни.

Пить я бросил еще тогда, когда начал откладывать деньги, и теперь буквально не переносил запаха спиртного. Словом, я отлично подготовился к тому, чтобы стать идеальным «частником» с девственно чистым талоном.

Начало было хорошее. «Волге» мы прислуживали всей семьей. Братишка берег мотор так, как не берег собственное сердце. Сестра поила красавицу только кипяченой водой, мать мыла стекла туалетным мылом. Отец даже мухам не позволял осквернить бесценные капот и крышу.

Все, я повторяю, было хорошо. Потом раздался первый звонок. Кто-то из родственников поздравил меня с приобретением. Я был растроган до глубины души. Затем последовало второе поздравление, третье... Поздравляли близкие и дальние родственники, звонили такие, о существовании которых я и не подозревал. И все уверяли, что безмерно рады моей радости и счастливы моим счастьем.

Однажды, когда я поглаживал свою красавицу по теплым бокам, кто-то меня окликнул:

— Ну как, Мухаммет, гней на ходу?

У нас, видите ли, в роду все извозчики. Если надо было нажимать на тормоз, я всегда тянул на себя баранку — наследственная привычка.

— На ходу, — отвечаю.

— Понимаешь, племянничек (еще один дядя?!)... нужно привезти внуку Махмута невесту. Не знаешь Мах-

мута? Аи, стыдно! Я тебе объясню... Племянник двоюродного брата твоего отца был женат на внучке тети старшей сестры двоюродной племянницы моей матери...

Я зажмурился, чтобы лучше проследить генеалогическую нить, но в темноте окончательно потерял ее. Когда открыл глаза, дядя уже заканчивал:

— ...А они, Темирбашевы, близкие родственники твоего отца. Теперь ты понял?

— Поехали,— сказал я.

Привезли невесту. Все пили и ели. Я только ел. Но деловитый тамада уличил меня.

— Эй, сын Зулкарнея, я не вижу перед тобой полного бокала!

— Я за рулем,— сказал я и показал ключи на цепочке.

— Ты за столом,— возразил тамада...— Вот сидит Ахмат — парт самосвала — он тебе поможет...

Спасения не было. Меня окружили. Ахмат помог влить в меня первый стакан. Потом второй, третий, четв...

Через две недели женился родной брат тещи моего шурина. Еще через два дня вышла замуж двоюродная племянница родной тетки зятя брата моей матери. Потом я отвозил на вокзал уважаемых гостей моей троюродной тетки...

Потом я стал прятаться. Мания преследования. Вздрагивал при каждом скрипе двери. Подозрительно приглядывался к прохожим: каждый из них мог оказаться моим родственником. Не-на-ви-жу!

Но меня находили.

Находили, поили, сажали за руль, снова поили и вытаскивали из-за руля. Я совершенно потерял способность к сопротивлению. В перерывах между свадьбами я платил за убитых гусей и уток, объяснялся с хозяевами задавленных собак и писал объяснения по службе за прогулы.

С работы меня собираются увольнять. Жизнь дала трещину.

Но я этого так не оставлю. Я выберу самого зловредного родственника и подарю ему «Волгу». Он у меня пляшет!

ПОХВАЛА ДОБРОДЕТЕЛИ

ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ
В ДЕСЯТИ ЧАСТЯХ

Часть I

Вновь и вновь я не устаю утверждать, что лучшей из многочисленных добродетелей человека является его стремление при каждом удобном (а иногда и неудобном) случае оказывать себе подобному добрые услуги. Как это прекрасно, когда сосед хочет сделать приятное соседу, родственник родственнику, начальник подчиненному, а иногда — это ж надо подумать! — и подчиненный начальнику! Да, таково естественное свойство человеческой природы. Сказано же: «Человек — венец природы!»

И вот, когда я сталк... то есть встречаюсь с нашим неповторимым Зулкарнеем Азнауровичем... Пст, пст, у меня слишком мало слов! Слова вообще есть, и неплохие. Ну, например... удивительный. Бесподобный. Редкостный. Неповт... (ах да, это уже я говорил). Умопомрачительный. Все эти слова, однако, слишком неполно характеризуют внушительный облик Зулкарнея Азнауровича, человека невиданного обаяния, неслыханной мудрости и небывалой сердечности.

Все отменные качества нашего начальника управления я за долгие счастливые годы работы с ним испытал на собственной своей... гм... персоне. Эти годы я трудился, обласканный отеческой заботой Зулкарнея Азнауровича, который, прямо скажем, баловал меня своим постоянным вниманием и своей душевной теплотой. Моя трудовая книжка была заполнена благодарностями за хорошую работу, и почти каждая запись кончалась чудными, как самые лучшие стихи, словами: «В размере должностного оклада».

На Доске почета моя фотография всегда виселаверху в центре, висела до тех пор, пока не выгорала под солнечными лучами и не появлялась необходимость заменить ее новой. И тогда я тщательно брился, надевал белую сорочку с темным галстуком и шел в фотоателье.

Порой мне казалось, что будь у Зулкарнея Азнауровича право награждать подчиненных орденами, то на моем пиджаке не осталось бы места даже для пуговиц.

К сожалению, ничто в нашем мире не продолжается вечно. И мой нежно-бирюзовый небосклон вдруг начал затуманиваться. Сначала слегка... однако я не жалел об этом. Ведь с постепенным чередованием атмосферных явлений я все лучше и полнее познавал то явление, которое называется Зулкарнеем Азнауровичем.

Но что это я до сих пор в своем рассказе ходил вокруг да около; пора, наконец, и перейти ближе к делу. А дело началось с тех пор, как наше управление стали преследовать неудачи. В адрес вышестоящего учреждения уже не поступало от нас победных реляций об успехах и достижениях. Кривая нашего роста напоминала кардиограмму больного стенокардией в опасной форме. В тихом ропоте моих сослуживцев я улавливал довольно обоснованные упреки в адрес руководства. Сперва я не верил, потом стал сомневаться, а затем пришло убеждение в правоте инженеров и техников, резко критиковавших (в кулуарах, правда) работу руководителей управления.

И вот я решил сказать свое веское слово. Я решил выступить на общем собрании и сказать... Сказать то, что не могли бы позволить себе в своих выступлениях другие работники, которые не пользовались у начальства таким авторитетом и уважением, каким пользовался я.

Часть II

Собрание проходило в строгой и даже чуть торжественной обстановке, хотя торжествовать, в общем-то, было не из-за чего. Пора было прибегнуть к самому главному средству, дабы помочь руководству разобраться в своих ошибках и спасти положение. Да, настало время применить то средство, которое необходимо в подобных случаях, говоря словами Маяковского, «как человеку кислород, как чистый воздух комнате». Настал момент, когда нужно было открыть огонь беспощадной, принципиальной, смелой и — какой там еще? — ах, да, объективной КРИТИКИ.

И я начал критиковать беспощадно, принципиально, смело и, разумеется, объективно. Я не только вскрывал

все язвы на теле нашего учреждения, но и указывал те места, на которых должны были вот-вот появиться новые. Я перечислил все факты бюрократизма, косности, показухи, неорганизованности и головоутиательства. Под конец я вспомнил о лимонном дереве. Когда мы внедряли эстетику в производство, то поставили это дерево в вестибюле, пригласили фотографа, и тот запечатлел нас, гордых и довольных, вокруг нежного цитрусового растения. Потом дерево засохло. Мы как-то упустили из виду, что его надо было поливать.

У меня пересохло в горле. Я посмотрел на стакан с водой, через который было видно расплывающееся в улыбке лицо Зулкарнея Азнауровича. Убрав стакан в сторону, я заметил, что мой уважаемый начальник и в самом деле улыбается. Хорошей такой, открытой улыбкой. А еще он одобрительно кивает головой и даже аплодирует. Я воспрянул духом и закончил свое выступление на высокой ноте. Успех был неожиданный. Мне чуть ли не овалцию устроили, чуть ли не на руках пронесли через весь зал.

После меня выступали другие. Осмелели. Правда, более сдержанно, более мягко, с оглядкой, но говорили примерно о том же, о чем так неистово вещал с трибуны и я. Конечно, и аплодисменты в их адрес были не такими бурными и продолжительными...

В перерыве я стоял среди тех, кто вдохновил меня на потрясающее выступление, и выслушивал комплименты. И тут к нам величаво подплыл сам Зулкарней Азнаурович. Сотрудники расходились в стороны от главы управления, как волны от носа океанского лайнера.

Я почувствовал, что кровеносные сосуды под кожей моего лица сузились и их содержимое куда-то исчезло. Но Зулкарней Азнаурович погладил своей большой мягкой ладонью мою холодеющую руку и сказал негромко, но внушительно:

— Молодец, Акылбашев, молодец! Правильно говорил. Невзирая, так сказать, на лица. Вернее, на лицо. Молодец.

— Да я Азы... Зулка-арней Азнаур...

— Все правильно, друг дорогой! Работать надо по-повому. А критика — дело тоже нужное. Оно не музыка, конечно, не симфония, я бы сказал... но...

Мне почему-то стало мучительно стыдно и неловко.

Часть III

Шло время. Наступил конец квартала. Подвели итоги. Дела управления чуточку улучшились. Зато мои дела...

В списке отмеченных благодарностями я себя не нашел, хотя читал список очень внимательно.

С Доски почета куда-то исчезла моя фамилия. Я стоял у доски и предавался грустным размышлениям. Вдруг чья-то мягкая большая ладонь опустилась на мое плечо. Я обернулся и увидел Зулкарней Азнауровича.

— Ничего,— сказал он.— Пусть и молодежь тоже красуется на видном месте.

— Да,— ответил я.— Пусть молодежь тоже...

— Мы ведь с тобой не ради славы работаем,— продолжал начальник проникновенным голосом.— По своей высокой сознательности работаем. А слава, популярность — это дым...

— Да,— согласился я.— И премии — тоже... дым.

— Верно. Верно, Акылбашев! За что вот я тебя уважаю и люблю, так это за то, что всегда говоришь правильные вещи. А поощрения придуманы для тех товарищей, которые нуждаются в каких-то стимулах, в каком-то вдохновении. Мы же с тобой не нуждаемся в этом. По душевной потребности мы работаем, а не за премию. Тут я с тобой согласен целиком и полностью...

Зулкарней Азнаурович крепко пожал мою руку и скрылся в своем кабинете. А я, немного смущенный, остался в коридоре. Что это со мной, а? Чуть было не вздумал обижаться... Как мне только не стыдно?! Ведь я едва не выставил напоказ свои мелкие тщеславные чувства и — страшно даже подумать! — едва не обнаружил свою жалкую эгоистичную меркантильность!

Шло время. И шло быстро. В середине квартала Зулкарней Азнаурович вызвал меня к себе. С трудом отворив массивную, обитую кожей дверь, я вошел к начальнику. Увидев меня, Зулкарней Азнаурович встал из-за огромного Т-образного стола, похожего по размерам и очертаниям на аэродромный посадочный знак, и двинулся с протянутой рукой мне навстречу по длинной и широкой, как взлетная полоса, ковровой дорожке. Встреча состоялась в центре кабинета. Бесподобный Зулкар-

ней Азнаурович обнял меня, подвел к дивану и усадил на упругие подушки. Сам сел рядом и стал участливо расспрашивать:

— Ну, как поживаем, как нам работается?

Эти слова звучали, словно обращение заботливого врача к больному. Я даже ожидал вопроса: «Ну-с, как мы себя чувствуем, как наше горлышко, как желудочек?»

А Зулкарней Азнаурович сказал:

— Вот что, мой друг. Мы решили, вернее подготовили приказ о твоём назначении начальником нового объекта в известном тебе районе. Очень важный объект. Только тебе и можно его доверить. Правда, зарплата поменьше, но разве в зарплате дело? Главное — это сдать объект в срок. Уверен, что ты справишься. Иначе бы не назначили...

— Я, конечно, благодарю, хотя...

— Признаться, я тебе даже завидую немного. Знаю, будет трудно. Но я тебя знаю. Справишься.

Часть IV

Зулкарней Азнаурович оказался прав. И зарплата была поменьше, и трудно было, и справлялся я. Объект сдали в срок.

Шло время. И вот следующее свидание с руководителем управления...

Тот же кабинет, та же взлетная полоса, такое же сердечное рукопожатие, тот же диван.

— Ну, как нам работается?

— Спасибо за внимание, Зулкарней Азнаурович. Объект сдан с оценкой «хорошо».

— Вот и отлично, что «хорошо». А теперь мы снова решили обратиться к тебе за помощью. Дело в том, что на другом объекте, по соседству от твоего, очень слабый начальник. Есть мнение: послать тебя к нему заместителем. Надо вырвать объект из прорыва. Лучше тебя никто не сможет это сделать. Помогите. Одна надежда на тебя. Не знаю, что бы я делал без такого работника! Горжусь тобой. Дерзай.

И я дерзал. Ибо мной гордился сам Зулкарней Азнаурович. И это меня вдохновляло больше, чем зарплата, которая стала еще меньше. Ведь не в зарплате дело...

Ни в дождь, ни в зной не покидал я строительную площадку. Требовал, доставал, проталкивал, организовывал. Моя энергия зажигала прораба, мастеров, бригадиров, рабочих. Объект был сдан досрочно. О наших успехах писали в газетах и говорили по радио.

Часть V

Шло время...

— Ну, как нам работается?.. Молодец, молодец, Акылбашев. Никому я так не доверяю, никого я так не уважаю... Надеюсь, проявишь ты себя и в качестве прораба. Понимаешь, есть у нас один объект... И ты личным примером, своим талантом... Завидую тебе! Свежий воздух, живое дело, сознание того, что ты своими собственными руками... Успехов тебе! Счастья в жизни! Иди!

Часть VI

Шло время... Гордился мной Зулкарней Азнаурович и когда я работал бригадиром...

Часть VII

Шло время... Я уже работал... Нет, мне не хочется говорить, кем...

Часть VIII

Шло время...

Часть IX

Шло время...

Часть X

Шло время...

ШАЙТАН-АРБА

А теперь я вам расскажу еще одну историю. Есть у нас в селении Мурадин — парень веселый, добрый, инженер и, кстати, мой друг. Парень, я говорю, отличный, только вспыльчивый и нервный. Такой нервный, что никто не поверит, какой он спокойный раньше был. Ну вот... Бывают в жизни всякие неприятные штучки. Одни всю жизнь о чем-то мечтают, добьются — и счастливы. А вот у Мурадина получилось наоборот...

А мечтал он, друзья мои, о мотоцикле. Если мальчишке сон снится, — он обязательно на коне скачет, или водопад переплывает, или пятерых лупит, или другое какое геройство выкидывает. А Мурадин этот — нет... Он во сне мчался на мотоцикле; и ветер свистел у него в ушах, и соседская девчонка на заднем сиденье крепко держалась за его плечи! Вот какие сны видел наш Мурадин...

Про мотоцикл все ребята знали, а про девчонку — только я. Так и росли мы вместе: девчонка, Мурадин, его мечта и я.

Что тут много рассказывать... Однажды (Мурадин уже стал инженером) я зашел к нему во двор и увидел там северное сияние. Лак и никель мотоцикла, глаза Мурадина — все так отчаянно блестело, что я зажмурился.

Мой приятель ползал на коленях вокруг этой вонючей канистры и сдувал с нее пылинки. Меня он не заметил. Я понял: теперь Мурадин вспомнит обо мне только тогда, когда ему потребуются свинцовые примочки.

Ждать пришлось недолго. Через два дня Мурадин перелетел через мотоцикл. Еще через день мотоцикл перелетел через Мурадина. Но поскольку потери были плевые (ссадина на локте, царапина на лбу и выбитая фара); они носились вдвоем по-прежнему.

А потом Мурадин пропахал носом клумбу, вывихнул руку и ушиб соседскую девушку, которая доверчиво уселась за его спиной. Только после этого мой приятель заподозрил, что эта «шайтан-арба» (так мать Мурадина прозвала мотоцикл) может доставить ему кучу неприят-

ностей. Он даже запер мотоцикл в сарай на целых три дня — до тех пор, когда девушка снова стала здороваться... Мурадин расцвел и опять стал носиться как угорелый. Я его честно предупреждал, но он отмахивался:

— Э, дорогой, на Востоке так говорят: «Не повезет — и на верблюде собака укусит». Мне просто не повезло...

Осенью у Мурадина случился инцидент с грузовиком. Кто-то кого-то не понял — и Мурадин лежал по одну сторону шоссе, а мотоцикл по другую. Причем дьявольская машина чихала, выла, редела и работала колесами на полную катушку. Как новая. Живучая была bestия!

После этого Мурадин твердо решил покончить со своим рысаком. Второе твердое решение возникло, когда он вышел из больницы, где ему срачивали сломанную голень. Третье окончательное решение Мурадин принял, когда милиция отобрала у него права, потому что талон был как решето, и проколы делать было уже негде.

— Все, — сказал мне Мурадин, — жалкий пес буду я, если не отделаюсь от этой шайтан-арбы. Продам ее!

Но ему не везло. Никто не стал покупать буйную машину ни за полцены, ни за четверть. Слишком плохая была у нее репутация. Любой человек пал бы духом, но друг мой был не таков. Он взял мотоцикл за рога, повел в соседнее селение и подарил двоюродному брату. Гора с плеч!

Через две недели мотоцикл снова стоял у него во дворе, потому что брат уезжал в армию и вернул машину: не стоять же ей без дела три года!

Мурадин ужасно расстроился и пришел ко мне разделить свое горе. Я его долго успокаивал, и он сказал:

— Вот что. Пусть...

— Знаю, — перебил я его. — Пусть ты будешь жалким псом, если не отделаешься от этой шайтан-арбы. Но скажи, куда ты ее денешь.

— Аллах не обидел меня родственниками, — ответил Мурадин.

Утром он отвел мотоцикл своему дяде, а вечером дядя привез машину обратно и стал извиняться:

— Жена сказала, что в доме должен оставаться кто-то один: или она, или шайтан-арба. Поверишь — целый день думал! Прости меня, Мурадин, я решил: жена лучше...

Вы не знаете, сколько мы с Мурадином перетерпели

из-за этой проклятой машины! Мы ее отдавали, дарили, забывали на дороге, но мотоцикл неизменно оказывался дома и смотрел на нас своим единственным нахальным глазом. Этот стеклянный глаз был подбит и заклеен пластырем, и мотоцикл был похож на старого пирата.

Наконец нас осенило. Мы отдали мотоцикл ребятам из школьного технического кружка. Они пришли в восторг и тут же разобрали его на предмет изучения. Даже беглого взгляда было достаточно, чтобы понять: шайтан-арба никогда больше не примет свой прежний вид. Мы радовались, как дети.

Через месяц Мурадин почти успокоился и даже не вздрагивал во сне..

Как-то под вечер я шел мимо его дома и вдруг услышал вопль моего друга, стереофонично усиленный эхом ущелий:

— Проклятье! Дьявольщина! Я схожу с ума-а-а!..

Я бросился в дом... Мой вдруг стоял посреди комнаты и, потрясая кулаками, проклинал аллаха. У ног Мурадина валялась газета, а рядом с ней смятый лотерейный билет.

Вы понимаете?..

ЗНАКОМСТВО С ИНОСТРАНКОЙ

То, что я вам сейчас расскажу, случилось со мной несколько лет назад. И все это сушая правда. От первого до последнего слова. Да и какой смысл вас обманывать, если есть один свидетель, который всегда может уличить меня во лжи.

Приехала однажды в наш город делегация иностранных студентов — молодые американцы и американки, англичане и англичанки. Для нас это, конечно, было событием! Город-то наш, сами знаете, не портовый. Да

и вообще не из самых крупных. А если сказать откровенно, то и просто маленький. Когда на географических картах Москва или Лондон обозначаются кружочком величиной с куриный глаз, Нальчик отмечают всего-навсего точечкой. Ну и, естественно, иностранцы у нас бывают не каждый день. И даже не каждый месяц.

Стоит ли говорить, что мы блеснули горским гостеприимством, давно воспетым поэтами. Пусть знают ангосаксы, кто такие кабардино-балкарцы.

Мы, то есть любопытные гости и отзывчивые (впрочем, и не менее любопытные) хозяйева, встретились в светлой и просторной «читалке» городской библиотеки.

Наши университетские таланты читали стихи и пели песни на русском, кабардинском и балкарском языках. Тронутые хорошим приемом, гости в порядке благодарности тоже решили спеть. Шумно-добродушные янки и чопорно-сдержанные британцы пели не так чтобы очень здорово, но, в общем, сносно, и мы аплодировали весьма старательно.

Надо сказать, многие из гостей довольно-таки внятно говорили по-русски. Некоторые из хозяев в свою очередь сносно изъяснялись на языке Шекспира и Лонгфелло. Ну а главным фактором взаимопонимания была, конечно, молодость и... жестикуляция.

Когда мы вышли в фойе, мое внимание вдруг привлекла одна хорошенькая иностранка, рассматривающая стенд с новинками литературы. Ее стройная фигурка была обтянута белым, спортивным свитером, и еще она была в голубеньких брючках. К ее темно-каштановым волосам природа удачно подобрала большие карие глаза... Словом, я решил, что для меня будет полезным конкретное знакомство с одним из членов иностранной делегации. Все-таки общение такого рода и кругозор расширяет и... Ну... короче говоря, оно, это общение, в общем, полезно...

— Ду ю спик рашен? — обратился я к ней, мучительно вспоминая еще какие-нибудь английские слова, которые могут через минуту понадобиться.

— Лэтс спик рашен — давайте говорить по-русски, — ответила мне она.

Разговорились.

Очаровательная дочь Альбиона одинаково хорошо

знала русский (как я обнаружил) и английский (как я предполагал). Почему-то девушку приятно удивило, что ее собеседник тоже прилично знает русский. Я ей сказал, что язык Пушкина и Чехова — для меня почти родной.

Говорили о спорте, об искусстве, о цветах, об Эльбрусе, о Лондоне, о космических кораблях, о Диккенсе и даже о погоде. Будь у нас побольше времени, мы исчерпали бы, наверное, весь энциклопедический словарь среднего объема.

Во многом у нас сошлись вкусы: любимый композитор — и мой и ее — Чайковский, любимый художник — Врубель. Иностранка очень обрадовалась, когда я заявил, что перечитал всего Маяковского, очень люблю Драйзера, Роберта Бернса. Мне тоже было приятно убедиться в том, что милая гостья отлично осведомлена о достижениях советской литературы. Правда, сам я, к немалому своему стыду, не мог назвать и полдюжины современных английских поэтов.

Потом мы спорили о жизненных проблемах зарубежной молодежи, об освоении Луны и Венеры, о знаменитых кинозвездах. Наконец, после того как девушка поделилась опытом изучения иностранных языков, мы подошли к открытому окну.

Она молча смотрела на черный бархат южного неба, усыпанный мелкими и крупными алмазами, на озаренные неоновым светом дома, на густую листву каштанов. Повернувшись ко мне, она спросила:

— Не правда ли, Нальчик — прекрасный город?

— О, да! Нальчик — город-сад, город-мечта.

И я с вдохновением стал читать стихи Кайсына:

Мой город Нальчик, горы в синем дыме,
Мое гнездо...

— Что такое? — испуганно перебила меня иностранка. — Чье, вы говорите, гнездо?

— Мое, — ответил я, недоумевая. И неуверенно пояснил: — Ай вос бон зе Нальчик, я тут родился.

— Постойте! Стоп токинг! — высоким голосом вскрикнула иностранка. — Кто вы такой? Ваша национальность? Вот е нэйшн?

— Я... я балкарец. Местный то есть... И был рожден, то есть вос бон, в Нальчике...

Выражение лица моей собеседницы стало, как у пассажира, который всего на несколько секунд опоздал на поезд. Ее подрагивающий ротик теперь напоминал полумесяц, повернутый рожками вниз.

— А я кабардинка,— жалобно проговорила она,— меня зовут Фати-и-ма...

У меня вдруг началась зубная боль. Вечер встречи с иностранной делегацией близился к концу.

* * *

Все рассказанное — сущая правда. От первого до последнего слова. Да и какой смысл вас обманывать, если один свидетель (это друг мой Фатима) всегда может уличить меня во лжи?..

ПЕЧАЛЬНЫЙ ЭНДШПИЛЬ

В тихом учреждении, где несет свою службу Махмут Акылбашев, работает всего около двадцати мужчин. И почти все они играют в шахматы. Почти потому, что сам Махмут этой игры терпеть не может...

Вот и сейчас, в обеденный перерыв, на черно-белой доске создается очередная напряженнейшая ситуация. Застыли друг против друга, словно изваяния, две сгорбленные человеческие фигуры, и впились две пары немигающих глаз в неподвижные фигуры шахматные... А вокруг стоят в страдальческом молчании (подсказывать строго запрещено) болельщики. Они не говорят ни слова, не издают ни звука, но в душе каждого бушует ураган страстей: как можно играть так бездарно! Как можно не замечать таких блестящих возможностей! Скоро противники окажутся в роли зрителей и станут столь же ясновидящими и прозорливыми, как занявшие их место молчаливо-страстные критики.

А Махмут хладнокровно пройдет мимо, бросит равнодушный взгляд на этих пелепых фанатиков и... через де-

сять минут с аппетитом закусит в кафе бараниной «почабански».

После обеда остается еще полчаса на моцион в городском парке. И, когда Махмут степенно шествует по тенистым аллеям, его рассеяннo-задумчивое лицо озаряется спокойной, мудрой усмешкой...

К концу рабочего дня коллеги Махмута нетерпеливо поглядывают на часы. Ровно в семнадцать ноль-ноль они с грохотом вскакивают из-за столов, чтобы тут же усестыся снова и начать, вернее продолжить, бескровные, но ожесточенные баталии. Они будут играть до конца своих... сил. Окна тихого учреждения будут светиться до ночи: недаром многие думают, что здесь работа двухсменная.

И какая же волшебная сила кроется в этих маленьких деревянных игрушках!

Известно, что большая часть мужского населения планеты играет в шахматы. Известно также, что меньшая часть шахматистов играет вполне прилично. Причем остальные считают себя вполне способными игроками. Неизвестно, однако, к какой категории относить теперь Махмута Акылбашева. Ведь он был еще не так давно самым заядлым, да что там заядлым, самым одержимым шахматистом в своем учреждении! А сейчас вот, смотрите, не успели его сослуживцы и фигуры расставить на досках, как он уже исчез. Ушел наш Махмут. Ушел гордый, независимый и... свободный!

* * *

А ведь играл мужчина! Да еще как играл! Сидел вот так, как эти... и играл. Росла гора окурков в пепельнице и возле нее расплывались в сизом дыму лица противников, и вся вселенная свободно умещалась на шестидесяти четырех полированных клетках...

Теперь с этим покончено. Махмут чуть было не получил двойное расстройство: нервное — из-за частых и острых конфликтов с супругой и желудочное — из-за нарушения режима питания. В конце концов он решил, что здоровье и жена дороже.

Правда, решение это пришло не после очередного скандала и не после очередного визита к врачу. Семейные сцены к тому времени уже давно прекратились.

Жена вдруг стала кроткой и покладистой. Махмуту было даже не по себе в непривычной обстановке безмятежного домашнего благополучия. Однако затишье длилось долго, и Махмут успокоился.

Зато невозмутимая с виду Назифа не успокаивалась: она думала, она искала радикальное средство против шахматной болезни супруга. Наконец она поделилась своим горем с хитроумной Кермахан, удивительно изобретательной старухой.

— Прямо не знаю, что и делать,— плакалась Назифа.— Иногда хочется все бросить и уехать в родной Бабугент. Вдова я несчастная при живом муже! Все с друзьями в эти шахматы проклятые играет. Раньше десяти вечера домой и не жди...

Кермахан внимательно выслушала соседку, затем с хитрым видом спросила:

— Слушай, ты ему жена?

— Вроде жена,— неуверенно ответила Назифа.

— Ну, так плохая ты жена, если твой Махмут играет в этот сатраш на стороне.

— А где же ему играть?

— Дома, дочка, дома! Пускай с тобой играет. Тогда и не будет болтаться где-то до поздней ночи,

* * *

Назифа ушла от Кермахан в глубокой задумчивости. А может, старуха и в самом деле права? Ведь она, Назифа, лет десять назад играла в шахматы. Еще в школе тогда училась. Но Махмут, как говорят о нем друзья, старый шахматный волк. Где уж с ним тягаться!

И все же трудности не испугали эту настойчивую женщину. Тайком от мужа она занялась теорией шахматной игры. В школе, где работала Назифа, был кружок любителей шахмат. Учительница стала его завсегдатаем. Сначала ее же ученики-шестиклассники без зазрения совести «громили» Назифу Юсуповну. Но время, помноженное на завидное упорство начинающей шахматистки, сделало свое дело. Бывшие победители вставали из-за стола с красными от смущения ушами. А еще через пару месяцев плачущим голосом сказал «сдаюсь» и чемпион школы — девятиклассник Витя Морозов.

Играть с Махмутом Назифа еще не отваживалась...

Одновременно с зубрежкой теории она теперь немало убивала времени на решение шахматных этюдов и задач. А вот время, которое раньше шло на домашнее хозяйство, катастрофически сокращалось.

Возвратившись с работы, Назифа подолгу играла сама с собой, с увлечением разбирала партии великих гроссмейстеров,

* * *

Махмут пришел домой поздно вечером и уселся за стол, где, как всегда, было что-то накрыто салфеткой. Сдернув ее, он увидел не ужин, а шахматную доску с расставленными фигурами.

— Это еще что такое?

— Прошу вас,— улыбаясь, сказала жена — Белыми или черными?

— Брось глупости! Дай пожевать что-нибудь. Голодный как волк.

— Ужин надо заработать,— ответила Назифа.— Выиграешь — получишь. А нет — ляжешь спать голодным.

— Ты это всерьез? Ха! Забавно. Ну что ж, уважаемая, берите себе белые.

Назифа двинула пешку на e4. Махмут, почти не глядя на доску, ответил e7—e5. Далее со стороны белых последовал ход конем с королевского фланга. Махмут подкрепил свою королевскую пешку ферзевой. Назифа вывела белопольного слона, затем второго коня. Противник связал своим слоном коня на f3.

— Поздравляю!— обрадовалась Назифа и неожиданно взяла связанным конем пешку e7.

— Зеваете, ферзя, милейшая,— с деланным сочувствием заявил Махмут.

— Назад ходов не берем,— ответила Назифа.

— Тем хуже для вас. Вы остались без ферзя. Может быть, сдадитесь?

— Зачем же? Шах!

(Это слон, подкрепленный конем, взял пешку под самым носом у черного короля.)

— Ах, черт! Ну, ничего. Обойдемся без рокировки.

— Шах!

(Это конь с королевского фланга сделал скачок в центр доски.)

— Поймай! Что такое? Не может быть,— пробормотал Махмут.

— Маг Легалья,— небрежно объявила Назифа,— он уже известен две сотни лет...

* * *

Теперь с этим покончено. Махмут ненавидит шахматы. После работы он сразу же покидает стены своего учреждения.

Что же касается дальнейших событий, то из хорошо информированных кругов исходят на этот счет лишь неясные слухи. По одной версии, Назифа заразила своей новой страстью нескольких подруг и теперь допоздна засиживается с ними за шахматной доской. И бедный Махмут вынужден бежать после работы в магазин, а потом готовить дома еду, чтобы дети не остались без ужина. По другой версии, бывший шахматный волк каждый вечер спешит в парк, где «забывает козла» с городскими пенсионерами.

ТОЧЬ-В-ТОЧЬ, КАК В ЖИЗНИ

И все-таки вы не представляете себе, что это значит, когда по-настоящему повезет. Нет, не представляете!

А вот уважаемому Хаджимусе повезло. Очень повезло! И вы думаете, только потому, что он получил новую квартиру? Нет! Хотя квартира была прекрасная, новенькая, с иголки. И в ее двух прекрасных комнатах старый Хаджимуса не находил себе места от радости. И снова я повторяю — не только из-за квартиры. Хотя в ней были все удобства: газ, мусоропровод и это самое... и без всяких совмещений, заметьте, хотя одинокому пенсионеру это несколько не помешало бы, а гостей он не ждал. Но главное удобство... Нет, все равно не угадаете, я лучше сам скажу. Главное удобство — это соседи. Вот почему так радовался Хаджимуса. Он все-

гда говорил так: «Лучше иметь хороших соседей и плохую квартиру, чем хорошую квартиру и плохих соседей». А тут все сразу: прекрасная квартира и прекрасные соседи. Не какие-нибудь соседи, а настоящие артисты. Из театра. И не один, а два: муж и жена.

Да, это было сказочное везение... Вот старый Хасанби — бывший командир красных партизан, — а кто в соседи ему достался? Смешно сказать — инженер сейс...мейс... в общем, что-то такое по землетрясениям. А что получилось у Асланби? С одной стороны у него поселился министр, с другой — детский врач. Нет, если подумать, то и это кое-что. Не богато, но все-таки... Но, подумайте, о чем они будут говорить с такими соседями? О стихийных бедствиях? О выговорах? Об этих, извините, поносиках? Или о коклюше в лучшем случае?

Другое дело — Хаджимуса. Встретит как-нибудь Асланби или Хасанби и скажет как бы между прочим: «Вчера опять сосед пригласил в шахматы поиграть... Посидели вечерок, поговорили об искусстве... Все спорили — был Шекспир или его не было. Сосед мне про авансцену, я ему — про мизансцену. Очень, знаете, интересно».

Вот почему так радовался уважаемый Хаджимуса.

А соседи действительно оказались очень милыми людьми. Они были вежливы, приветливы и очень веселы. Хаджимуса с огромным удовольствием играл с соседом в шахматы, а соседку приветствовал еще издали и всегда спрашивал о здоровье, о творческих успехах. Он, я повторяю, очень уважал своих соседей, и даже к тому, что свое новоселье они с друзьями праздновали почти два месяца, тоже относился с уважением. Правда, ему мешал спать звон бокалов и смех за стеной — ведь Хаджимуса и без того страдал бессонницей. Но он понимал, что соседи — люди творческие, и этот звон, и этот смех за полночь тоже, несомненно, носили творческий характер.

Но однажды вечером старик услышал, что за стеною происходит что-то не совсем обычное. Конечно же, Хаджимуса не прислушивался нарочно, он бы никогда себе такого не позволил, за это я ручаюсь. Но стены были тоньше, чем деликатность Хаджимусы, и тут он уже ничего не мог поделать.

Итак, Хаджимуса услышал, что его сосед обвиняет

свою милую супругу не больше не меньше как в измене. «Ай-ай,— подумал Хаджимуса,— никогда бы не поверил...» Но верить надо было, потому что соседка и не думала оправдываться. Она только плакала и умоляла мужа простить ее. И вы думаете, мужа это смягчило? Нисколько! Он все больше приходил в ярость и кричал, что убьет ее, растопчет, растерзает в клочья!

Хаджимуса не находил себе места от беспокойства. С одной стороны, как мужчина он понимал своего соседа. Но с другой стороны, ему было жаль молодую женщину. «Вот ведь глупенькая,— с огорчением думал Хаджимуса.— Не дай аллах, ударит ее сгоряча, ай, как нехорошо...» Но вмешиваться он стеснялся, потому что в семейный скандал, сами понимаете, человек деликатный вмешиваться не может. И вдруг старик услышал, как сосед закричал с новой яростью:

— Убью тебя, коварная блудница!!

И тут Хаджимуса не выдержал. Он почти вломился к соседям и бросился к бледному, дрожащему от гнева мужу.

— Да что вы, да разве можно, да подумайте!..— успокаивал он соседа, а у того тряслись руки и глаза были такие страшные, как у Ивана Грозного на картине художника Репина. А жена его тоже вся тряслась, и плакала, и обнимала его колени, и просила, просила...

— Ну успокойтесь вы, ради аллаха,— умолял Хаджимуса супругов.— Пожалуйста, успокойтесь!

И знаете, они успокоились. И даже начали улыбаться. И у старика тоже отлегло от души.

— Вот так-то лучше,— вздохнул он и пошел было к двери, но артист вдруг сказал:

— Ну, как вам, понравилось?

— Дорогой мой,— с упреком сказал Хаджимуса,— кому же может понравиться такой скандал...

Но артистка засмеялась:

— Это же была репетиция, наш милый, наш дорогой сосед! Нет, вы скажите, хорошо получилось? Правдиво?

— Репетиция?!

— Ну да! Я готовлю сейчас неверную супругу, а он — оскорбленного мужа... И вы сами знаете, как нам дорого ваше мнение.

— Вы наш первый зритель и критик,— добавил сосед.

И Хаджимуса не ответил. Молча вышел он из комнаты, не зная, куда девать глаза от стыда. Он долго ходил по двум своим комнатам и бормотал: «Ах, старый ты дурак! Ах, невежа! Ох, как опозорился... Ну как ты мог такое подумать! Как ты мог забыть, что твои соседи — творческие люди?!»

Шло время, и Хаджимуса, наконец, успокоился. Снова возобновились шахматные баталии с соседом. И артист, и его жена были настолько чутки, настолько тактичны, что ни словом, ни взглядом не напоминали старику о его недавнем позоре. Тот страшный вечер был окончательно забыт.

И однажды снова услышал Хаджимуса, что за стеной началась репетиция. Он понял это сразу, как только раздался звон разбитого стекла. Потом что-то загрохотало — было похоже, что упал шифоньер.

Старик изнемогал от любопытства. Ему не терпелось узнать, какую сцену репетируют на этот раз... Он, правда, боялся помешать, но потом вспомнил, что его называли первым критиком. Люди-то свои в конце концов!

А у соседских дверей уже собрались любопытные. Хаджимуса даже почувствовал нечто вроде укола самолюбия — ему было досадно, что он будет смотреть не один. И потому Хаджимуса смело прошел в комнату, осторожно взял опрокинутый стул и уселся у стены. Это случилось как раз в тот момент, когда муж схватил жену за волосы и попытался оскальпировать ее на манер ирокеза, но та ловко вывернулась и ударом пятки в живот послала своего партнера в дальний угол комнаты.

Хаджимуса смотрел зачарованный. Соседка швырнула в мужа подушку, вазу и пепельницу. Тот увернулся от подушки и вазы, но пепельница угодила ему точно в темя, и артист схватился за голову. Рядом охнул кто-то из зрителей, и Хаджимуса сердито обернулся:

— Тсс... Не мешайте...

— Но ведь пепельницей!

— Это они входят в образ,— объяснил Хаджимуса.— Так надо. Чтобы была, значит, правда жизни.

— Так ведь по голове!

— В искусстве всегда так. И по голове, и куда угодно. Ведь искусство жертв требует, вы разве не знаете?

Хаджимуса был очень доволен, что на этот раз не опростоволосился и даже сумел объяснить непосвященным тайны творческой жизни. И когда артистка наконец обернулась, тяжело дыша и поправляя разорванную кофточку, Хаджимуса подошел к ней и взволнованно сказал:

— Очень, очень хорошо провели вы эту репетицию. Ну точь-в-точь, как в жизни бывает!

ЗАСТЕНЧИВАЯ АСЛИЖАН

Весна. Курорт. Садовая скамейка. И сколько угодно свободного времени, чтобы перекинуться словом с приятелем.

Один из собеседников, с седыми бровями, в белом костюме, снял с головы капроновую шляпу, вытер носовым платком вспотевшую лысину и обратился к соседу:

— Тебе сколько дней осталось?

— Еще много. Две недели. А время тянется, как арба с поломанным колесом.

— Вот уж нет. Кажется, глазом не успел моргнуть, и уезжать пора. Я бы не прочь еще недельку побыть. Оллахи, санаторий, что надо.

— Оставайся. Купи курсовку — и пожалуйста. Чего дома сидеть, если здесь лучше?

— Если бы врачи не настояли, совсем бы не смог приехать. Когда бы все женщины, которые носят платок, так ревновали, как моя половина...

— А моя сама меня отравила, — с видимым удовольствием ответил сосед белому костюму, подкручивая седые усы. — Поезжай, говорит, повидай людей, здоровье поправь. Правду сказать, соскучился я по ней. Полвека, считай, вместе живем, а вот соскучился...

— М-м-да,— многозначительно отозвался белый костюм.

— Годы у нее, конечно, немалые,— продолжал владелец седых усов,— женщины, они, оллахи, слабые все-таки.

— М-м-да,— повторял обладатель белого костюма. При желании это можно было перевести примерно следующим образом: «Попал ты, брат, под каблук своей слабой женушки и маешься без вины...»

— Жизнь наша без них была бы мрачной, как осеннее небо,— не сдавались усы.

— Разве не хватает стихов, что и ты принялся медовые слова говорить? Только то и знают наши поэты, что небесными ангелами их называть, да всякие сладкие песни петь... Оллахи, не отбивай хлеб у тех, кто понапрасну марает бумагу.

— Э, брат, отсталый ты человек,— седые усы дрогнули и воинственно приподнялись вверх.— И жесткий, как засохший чурек. Да посмеешь ли ты отрицать, что при одном появлении этих хрупких созданий лица наши озаряются радостью?

— Ну, уж нет! — седые брови сошлись на переносице и в этом хмуром положении остановились. — Может, насчет озарения я не в курсе, но хрупкими их назвать не могу. Если на то пошло, расскажу тебе про одну такую хрупкую да слабую...

— Рассказывай. Посмотрим, с чего это ты так невзлюбил женщин.

Белый костюм приосанился и начал:

— Давно это было. В одном из дальних аулов Баксанского ущелья жила, как о ней говорили, луноликая Аслижан. Косы черные, блестящие, как два звонких ручья, лицо белое, как снег на вершинах. А как выросла она до девичьих лет, стали дольше обычного задерживаться на ней горячие взгляды храбрых джигитов ущелья...

Однажды, когда собран был богатый урожай нар-туха, а сено сложили в скирды, во двор к отцу Аслижан нагрянули сваты. Хозяин, как водится, пригласил их в саклю. Гости вошли и церемонно расселись вокруг низенького столика, на котором в свое время был принесен в жертву не один круторогий баран, выпита не одна чаша бузы. Однако об этом успеется...

Так вот... Пока сидели в доме сваты, говорили о том, о сем, только не о деле, черноокая Аслижан не меньше дюжины раз появлялась с айраном. А когда крутой холмик из ароматных маслянистых хычинов осел почти до основания, гости переглянулись. Пора, мол, приступить и к главному разговору.

Один из сватов снял с гвоздя тяжелую баранью папаху. Молча дождался, пока луноликая молодая хозяйка пройдет поблизости, чтобы убрать со столика пустую посуду, и что есть силы огрел, извиняюсь, ее этой самой мохнатой шапкой.

Сами знаете, был у горцев такой старый обычай, аллах его ведает, кем и когда придуманный: если упадет будущая невеста от удара шапкой, еще год подождать надо. Чтобы, значит, укрепились как следует. А устоит на ногах — в самый раз выходить замуж.

Итак, махнул он ее шапкой. Аслижан слегка покачулась, однако упасть — не упала. Потом подошла к гостю поближе, улыбнулась ему самой обворожительной улыбкой из тех, что у горянок на такие случаи всегда заранее заготовлены, и ... тут раздался звук, похожий на ружейный выстрел. Да такой гулкий, что все соседи сбежались. А незадачливый сват на веки вечные остался туговат на левое ухо. Аслижан с неделю перебирала просо одной рукой. На том сватовство и закончилось.

Рассказчик ухмыльнулся и покачал головой. Опять снял капроновую шляпу и обстоятельно вытер лысину.

— Ну, а что дальше было?

— Да что... Все ее вздыхатели вскоре разбежались кто куда. Даже поговорка появилась: «Смотри, не завернул бы я тебе по шее, как та самая Аслижан».

— Может, она и замуж не вышла?

Владелец белого костюма снова улыбнулся.

— Да нет, вышла. Очень даже неплохо судьба у нее сложилась. Сначала история со сватом облетела одно ущелье, потом — все остальные. Наконец, из Хулама появился черноусый джигит. Парень, как парень, ничем не лучше и не хуже других: узкобедрый, широкоплечий, с орлиным взором.

Подала Аслижан гостю чашу с айраном, а сама стоит рядом, глаз не поднимает.

— Не сочти за дерзость, милая девушка,— говорит молодец,— уж не ты ли та Аслижан, о которой молва по всем аулам идет?

— Я,— робко отвечает Аслижан.

Покачал хуламец головой, вернул чашу, но ничего не сказал. А сам удивляется про себя: «Я-то, мол, думал, роста она огромного, могуча, как богатырь из племени партов. На поверку вышло — тоненькая, хрупкая, стан стройный, румянец во всю щеку. Что и говорить — необыкновенная девушка».

— Скажи, лунолика, — спросил он, наконец, — верно ли люди говорят, что в руке твоей сила неженская?

— Говорить все можно, — застенчиво улыбается Аслижан. — Однако, если ты из Хулама приехал, чтобы только это узнать, не назовут ли тебя люди бездельником?

— Не гневайся, Аслижан, — говорит джигит, — слышал я не только о силе твоей, но и о мудрости, а вот красоту твою, солнцу подобную, своими глазами увидел. И не жалею, что пустился в столь неблизкий путь.

— Что ж, посмотрим, так ли ты проворен в деле, как в ловких речах. Приготовь свой нож и поймай индюка во дворе. Пока я положу его вариться в котел, наруби дров и снеси к очагу.

Так сказала Аслижан и проводила гостя во двор.

Не пожалел хуламец ни сил, ни споровки — рубил чинаровые кряжи, как тонкие хворостинки, только щепы летела. Надо сказать, был он не из хилых и крепость в руках имел немалую. Ударить лицом в грязь перед девушкой не хотел.

Оценила прекрасная Аслижан старания парня.

С тех пор и зачастил он в село. А однажды увез луноликую Аслижан в свой Хулам.

Закончив, рассказчик вопросительно посмотрел на соседа. Ну, как, мол?

— Да-а-а... За такой и я пошел бы хоть на край света. Где же теперь найдешь, чтобы и сила, и мудрость, и красота — все в одной. Однако хуламец тоже, видать, не простак был?

— Да уж видно.

— А жива ли теперь Аслижан?

— Жива и здорова. Восемь сыновей и трех дочерей

вырастили. А внуков — не счесть. Никто не помнит, сколько их у нее.

— Повидать бы ее...

— Приезжай к нам в Герпегеж — увидишь. Только осторожно здоровайся, а то как бы ненароком ладонь твою не помяла,— седые брови дрогнули, видно было, что хозяин их вот-вот рассмеется.— Не раз уж я на себе испытал эту руку, когда возвращался домой не совсем уверенной походкой...

— Пстой, так ты?.. Так, значит, Аслижан?..

— Значит,— белый костюм опять приосанился.— Аслижан — моя жена, а я — тот самый хуламец. Так вот и живем. Приезжай непременно. Нет ей равных по части айрэна, хычинов и нежнейшего рассыпчатого сыра, а насчет гм... хрупкости и слабости... этого, уж прости, не имеем...

ЗДРАВСТВУЙ, НЕСРАВНЕННАЯ!

С Ее приходом жизнь Махмута изменилась так, будто ее, эту жизнь, вывернули наизнапку. Да что там жизнь — Махмут порой не узнавал себя, настолько он изменился и сам.

С Ее приходом наступил конец его взмалмошной жизни. Он уже не мог позволить себе ежедневных встреч с друзьями, не мог бывать в гостях или принимать гостей у себя за дружным застольем. Не мог он теперь ходить с коллегами в турпоходы или подолгу задерживаться в конструкторском бюро, где самые светлые идеи обычно появляются в нерабочее время.

Не то чтобы Она не пускала. Это сам он не хотел Ее покидать. Даже на день, на час, на минутку даже. Он думал о Ней всегда — «и во сне и наяву». Тот отрезок жизни, который прошел без Нее, теперь казался несчастно-жалким и пустопорожним периодом его биографии. Его новая жизнь, полная смысла и содержания, его новая эра началась с того дня, когда он увидел Ее,

свою принцессу, к которой стремился столько лет, путь к которой был так долог, но он привел-таки его к своей Мечте.

Уже немало прошло дней с того чудного мгновения желаемой встречи. А теперь Она принадлежала ему, он принадлежал Ей. И не было на свете никакой силы, способной разлучить эти влюбленные сердца.

Ее беспрекословная покорность и фанатичная верность еще больше разжигали в нем эту почти безрассудную и безотчетную любовь. Он теперь готов был ползать у Ее ног, как безропотный раб у ног солнцеликой госпожи.

А Она долгими часами ждала его возвращения с работы. Ждала в своем замке, специально для Нее выстроенном.

Он ничего для Нее не жалел; он хотел, чтобы Она, верная его подруга, была самой красивой, самой роскошной и лучистым блеском своим ослепляла завистливых подруг как постарше, так и помоложе.

...Шло ответственное профсоюзное собрание. Рассматривался жизненно важный для предприятия вопрос. Выступали коллеги Махмута, спорили, шумели... А он сидел, посматривая на часы, которые шли невыносимо медленно. Он пару раз подносил их к уху — не остановились ли? Но они шли, шли в том же темпе, что и раньше.

Люди выходили на трибуну, что-то говорили, в президиуме о чем-то перешептывались. И все это проходило перед взором Махмута в зыбком тумане. А стоило ему прикрыть веки, как являлась Она.словно сказочная фея плыла Она, излучая тысячи ярких звезд, и звала: «Приходи, приходи...»

Да, сильно переменилась жизнь Махмута с Ее появлением. Вместе они путешествовали и весело проводили безмятежные дни и часы. А счастью не было конца. Он обожал Ее, ласкал Ее, говорил самые нежные слова. Он боготворил свою единственную, очаровательную избранницу.

Сам того не заметил Махмут, как весь мир постепенно стал исчезать из его поля зрения. Он видел только Ее, Ей были посвящены все его помыслы, перед Ее лучезарным блеском меркли все цветы и все цвета, которые всегда доставляли ему радость. Ее хрустально

звонкий голос был для него лучшей из лучших мелодий подлунного мира.

Возвращаясь с работы, он выбирал самые безлюдные переулки, дабы бывшие знакомые не останавливали его и не донимали стереотипными вопросами по поводу его здоровья и здоровья его родственников...

Собрание, наконец, закончилось, и Махмут стремглав бросился к выходу. На ходу надевая плащ и шляпу, он шел домой, к Ней. К единственной своей, несравненной подруге.

Наконец пришел, открыл замок. Другой замок тоже открыл. И третий... В нос ударил родной аромат. Она встретила его знакомым фейерверком лучей, отраженных от ее полированных боков.

— Здравствуй, родная, восьмидесятисильная, цвета белой ночи, моя «Ладушка»!

СОБАКА ДЛЯ ЗАУРБЕКА

Не будь старый Заурбек владельцем лучшего в селении сада — на редкость обширного и урожайного — то не было бы и нашего сегодняшнего разговора.

Дело тут, однако, вовсе и не в саду. И речь пойдет даже не о том, что обильные плоды трудов своих неустанных почтенный аксакал сдает куда надо, а часть вырученных денег посылает сыну, который в Москве учится, в Академии. Будет скоро первым в селе академиком по части коровьих стад и овечьих отар. И тогда друзьям-приятелям Заурбека ничего не останется, как только тихо, но мучительно завидовать счастливому отцу.

Зато сам Заурбек начисто освобожден от этого довольно распространенного свойства души человеческой. Никому не завидует. Ни Алисолтану, гордому родителю видного партийного работника, ни Биаслану, дочь которого закончила университет и в его же стенах теперь работает, учит будущих учителей. Не завидует наш ак-

сакал и Зеке, у которого нет сыновей, зато имеется собственный двухэтажный дом с железным петухом на крыше.

У Заурбека лишь одна печаль, чем щедрее плодоношение вишневых, яблоневых и грушевых деревьев, тем пристальнее внимание юных жителей села к его саду. Стремительные полчища этих искроглазых джигитов совершают дерзкие набеги на знаменитый сад, оставляя после себя впечатляющие следы преступлений в виде обломанных веток, помятых грядок с чесноком и поваленных звеньев плетня. А хуже всего то, что босоногие абреки объедаются не только зрелыми, но и совсем еще зелеными фруктами, после чего страдают расстройствами пищеварения.

Жаль сада, но еще больше жалость вызывают молодые прожорливые желудки по-браконьерски неразборчивых злоумышленников.

Когда в очередной раз приехал на каникулы будущий академик, Заурбек поделился с ним своими заботами. Так, мол, и так, нет покоя от неудержимых садовых джигитов.

Умный сын крепко, но ненадолго задумался. Выход из положения, как защитить отчий сад от назойливых дармоедов, какой поставить заслон перед их наглыми вылазками, московский студент нашел быстро:

— Нужно, отец,— сказал он тоном ученого знатока и спасителя,— собаку держать. И не простую, а специальную. Чтоб один ее вид отбивал намерение повалить плетень, пройти по грядкам, чтоб один ее взгляд лишал аппетита к вегетарианской пище. Собака — это радикальное решение проблемы. Хороший и злой пес — не только друг человека, но и надежный страж его имущества.

— А вдруг она покусает ребятишек? — озабоченно спросил Заурбек.

— Так им и надо! — твердо сказал «академик» с видом профессора, ставящего студенту «неуд». — Больше не полезут.

— Да вроде как-то неудобно... — замылся старик.

— Не волнуйся, отец. Моральная сторона этого дела пусть тебя не тревожит. Будем говорить по существу. Есть у меня в Нальчике знакомый, который разво-

дит породистых собак — у него их целая свора. Я выберу самую подходящую и привезу. Завтра же.

— Ну что ж... — неохотно поддался уговорим старый садовод. — Только хорошо бы, она не очень злая была...

Утром следующего дня Заурбеков сын поехал в город, а к вечеру возвратился вместе с собакой.

— Посмотри, отец, на морду этого зверя! Его научное название — бульдог. Располагает мертвой хваткой. Англичане держат таких псов для охраны своих жилищ. Один его вид приводит в трепет. Ну и взгляд. Будто высматривает, кого бы слопать.

— Да, вид у него, прямо скажем... неблагоприятный. И глаза какие-то пьяные. Ему и лаять необязательно. Достаточно только повернуть морду в нужную сторону. А чем его кормить? Наверное, за этим чудовищем и уход требуется особый?

— Мне, отец, все подробно растолковали. Лопать всякую всячину, как какая-нибудь блохастая дворняга, он не станет. Одно из его любимых блюд — вареная говядина, только не очень жирная. Лучше в виде котлет. Можно давать свежую баранину, но не часто, а то у бульдога из-за нее случаются нарушения деятельности желудочно-кишечного тракта. Этот заморский зверь только с виду ужасный, а на самом деле — существо нежное, деликатное. Поэтому сухой хлеб, не смоченный в молоке, давать ему нельзя. Зато иногда он с удовольствием грызет бублики. Чтобы его организм был обеспечен витаминами, бульдог регулярно должен получать рыбий жир и сметану. Воду ему надо давать слегка подогретую, иначе он застудит горло.

— А не лучше ли повязать ему шею теплым шарфом? — серьезно спросил Заурбек.

Просвещенный сын не заметил иронии.

— А что? Это тоже может оказаться не лишним. Кстати, такую собаку нельзя держать в холодной конуре. Ее место в хорошей, чистой и теплой комнате. Да, чуть не забыл! Купать бульдога надо не реже одного раза в неделю, используя при этом детское мыло или шампунь. Вытирать насухо негрубым полотенцем, а затем...

— Достаточно, сын мой! — Заурбек прервал увлекшегося студента. — Мне все ясно.

Наш почтенный аксакал внимательно, очень внимательно посмотрел на диковинного пса. Брови старика сурово сошлись над переносицей. Казалось, и бульдог помрачнел и насупился. В глазах у четвероногого гостя появилось терпеливо-равнодушное выражение, как у заезжего лектора, ожидающего вопросов не по его теме.

— Такой страх мне не нужен,— решительно заявил мудрый садовод.

— Почему, отец?

— Дело в том, что к сметане с витаминами и хорошему ржаному хлебу с молоком я тоже отношусь неплохо. Люблю и нежирную говядину. Пусть даже в виде котлет. Добротный шашлык из упитанного барашка тоже, слава аллаху, не оскорбляет мой, как это ты сказал? — желудочно-кишечный. Купания в теплой воде мне полезны ничуть не меньше, чем твоему зверю. При этом я могу пользоваться обыкновенным мылом и грубым полотенцем. Сидеть в теплой комнате и смотреть по телевизору передачу «В мире животных» мне и самому приятно. Я не знаю, как там в Инглизе, а все то, что ты перечислил, у нас больше подходит для человека, нежели для дворового пса. Ведь если твой бульдог будет вести такую жизнь, то и хозяином дома и сада нужно быть ему, а не мне. Иначе неудобно как-то... Уж личше я сам присмотрю за садом, не хочу быть сторожем на службе у собаки, да еще с мертвой хваткой. Так что вези ее обратно.

— А яблоки, плетень? — растерянно пробормотал сын.

— Да что там яблоки, что плетень? Пусть забавляются босоногие джигиты. Плетень уж как-нибудь зала-таю. Без всякой мертвой хватки... Не нужна мне эта хватка.

Так сказал Заурбек и, бросив насмешливый взгляд на высокомерно-самодовольного бульдога, который так и не понял, о чем тут шла речь, не спеша направился к поваленному плетню.

Бульдог ничего не понял. Зато понял студент. На то он и будущий академик.

ПИСЬМО ЗЕКЕРЬИ СЫНУ-СОЛДАТУ

Но сначала было письмо от сына, из армии. Мать и сестры ждали его, первого письма, от любимого сыночка и обожаемого братика, как не ждут послания от самого пророка.

— Не волнуйтесь, напишет, — успокаивал их рассудительный Зекерья, чей ум и своеобразный нрав был известен не только в родном селе, но даже в соседнем. — Вашему Айтеку, наверное, некогда. Боевой подготовкой занят. А письмо будет попозже. Солдат на все найдет время — и пуговицу к штанам пришить, и оружие почистить, и письмо домой написать.

И вот пришло оно, долгожданное. И в нем — что ни слово, то жалоба.

«Разве это жизнь? — хнычет Айтек. — Еще ни разу не подали на обед индюшатины, а к чаю — медовой халвы. О нежных хычинах или жорме здесь даже и не слыхали. На ногах — тяжеленные сапоги, которые заставляют еще и чистить до блеска. А что самое невыносимое — так ни разу и не дали выспаться. К утру обычно видишь во сне своих родных, дом, где так чудесно жилось, но тут раздается чугунный бас дежурного — и попробуй не вскочить, как ошпаренный, и не одеться в одну минуту!..»

Когда дочитали до этого места, старшая сестра вытерла мокрые щеки, средняя зашмыгала носом, а младшая вынула платок в ожидании слез. Мать со стоном заломила руки.

Зекерья сидел поодаль и мотал головой, пощипывая пышный ус. Он сейчас вспоминал о том времени, когда самой его большой мечтой было иметь сына. А в семье рождались одни дочери. Вслед за первой — вторая, вслед за второй — третья. Потом долго никто не рождался. Шли годы, девочки подрастали и постепенно превращались в этаких луноликих красавиц. Зекерья любил их и даже гордился ими. Молча гордился. Однако продолжал мечтать и о сыне,

И вот, когда младшая из луноликих почти достигла совершеннолетия, дом почтенного горца огласился требовательными воплями мальчишки — тулпара¹. Такого, о каком всю свою женатую жизнь тосковал Зекерья. Молча тосковал.

Счастлива была мать, прыгали от восторга сестры. А Зекерья лишь покачивал головой да поглаживал ус. И только. Держался с таким видом, будто он просто ничего не имел против того, чтобы вдобавок к трем дочерям в доме появился еще и сын. Нет, не стал мудрый Зекерья бурно выражать радость, переполнявшую его сердце. Несдержанность чувств — не в обычае горцев.

С первых дней изливались на новорожденного джигита водопады любви и ласки. И мать и сестры не отходили от своего «ягненка» ни на шаг, лелеяли горластого «козлика», предупреждали каждое желание «сладенького котеночка».

Отец не обижался, что его как главу семьи перестали замечать. Его беспокоило совсем другое: как бы не избаловали, не испортили мальчишку — вот о чем тревожился умный горец. Попробуй, однако, переубедить четырех сплоченных общими интересами женщин! Рта не дадут раскрыть. Каждая вылазка Зекерьи встречала такую решительную контратаку, что ему приходилось в панике отступать, ломая собственные боевые порядки.

«...и постоянно меня ругает прапорщик, — пишет бедняжка Айтек. — Медведем неповоротливым обозвал...»

Старый Зекерья усмехнулся, услышав, как запричитали женщины. Да... Это тебе, парень, не школьные годы, когда тебя провожали, встречали, таскали твой портфель. Стал постарше — носил только французские костюмы, туфли из Англии (не кирзовые сапоги, а?), рубашки из... шайтан знает, откуда! Нравилось тебе, ох, и нравилось, аллах свидетель, такое обхождение, когда обряжают, будто сынка княжеского, лакомыми кусочками пичкают с утра до вечера, в карманы потихоньку от отца хрустящие бумажки суют. Считалось, что все это красит юного джигита, на мужчину его по-

¹ Ту л п а р — здесь: здоровяк, крепыш.

хожим делает. Не то что всякие там алгебры да сочинения, которые у Айтека лишь зевоту вызывали.

Зекерья возмущался. Как правило, молча возмущался. Иначе жена и дочери кидались на него, как разъяренные квочки.

— И не стыдно тебе, шалопай, носить золотые часы, когда ты, бездельник, и рубля в своей жизни не заработал?!— не выдержал однажды Зекерья.— Все лето на турбазах пропадаешь, а твои сверстники работают на колхозном поле, старшим помогают. Немедленно ступай в сенокосную бригаду и чтоб не возвращался домой без мозолей на руках!

Что тут было!

— Да как ты мог такое сказать!— возопили женщины.— Пока мы живы, не позволим, чтобы Айтек надрывался раньше времени, руки пачкал!

— Успеет еще, наработается!

— Вся жизнь впереди! Не позволим!

— Не дадим оскорбить его ранимое сердечко.

— Скорее мы из дому уйдем!

— Давно пора,— ответил Зекерья дочерям — А то засиделись в девках из-за этого дармоеда!

А что было дальше!.. Страшно вспомнить.

Потом мудрый горец поутих. Ладно. Еще не все потеряно. Вот жизнь хлестнет парня два-три раза по шее, по спине и... пониже,— может, тогда одумается, человеком станет. И еще одну затаенную надежду носил в душе Зекерья: скорей бы подошел возраст Айтека к тому рубежу, когда молодых людей призывают в армию. Тут уж не отвертится. Ни мать, ни сестры, ни пророк Магомет его не спасут. На военной службе живо отучат мальчишку шеголять в костюмах из Парижа и туфлях из Инглиза. И нежной баранинкой не станут баловать. Узнает он вкус той простой каши. Посмотрим, что тогда запоешь, собачий сын. Поскорей бы настал этот день.

«...А еще заведен здесь дурацкий обычай — заставлять нас бегать, как будто мы лошади, а не люди. Бежим так, что глаза на лоб вылезают, а расстояние — как от Кашкатау до Аушигера. Самое же главное издевательство — после всего этого прапорщик петь заставляет. Тут рыдать хочется, а он командует «запевай!». Не выполнить команду нельзя. Приходится петь...»

Женщины прервали чтение, чтобы перечислить все невзгоды, которые они хотели бы обрушить на голову безжалостного прапорщика-мучителя. Зекерья помалкивал и раздраженно дергал себя за ус. Вот что он запел, неженка! Недаром так неохотно ехал на сборный пункт, когда настал день, которого с нетерпением, но с затаенной надеждой ждал Зекерья.

Три сестры и мать, с непросыхающими ни на минуту глазами, готовили погрустневшего Айтека в дальний путь. Чуял избалованный недоросль «ранимым своим сердечком», что жизнь делает крутой поворот. Да разве сможешь делу! Это знали даже опечаленная мать и зареванные сестры. Попробуй в пасмурную осеннюю пору изменить по своей прихоти цвет неба, сделать его снова по-июльски голубым и ласковым!

Зекерья прятал в усах довольную ухмылку и думал: «Ревите, ревите, а жить ему теперь не под вашими крылышками, а в солдатской казарме!» Женщины пытались разжалобить твердокаменного отца.

— А ты-то хорош! Не мог походатайствовать, чтоб мальчику отсрочку дали... Стоишь и молчишь, словно бедненький наш Айтек — не сын твой родной! — это сказала мать.

— Кто ему будет стирать рубашки! — это воскликнула старшая сестра.

— Чем там будут кормить бедного братика! — причитала сестра средняя.

— А вдруг он заболит! — надрывалась младшая.

«Ничего,— думал отец,— мужчиной там сделают вашего оболтуса. Только достался бы ему командир построже».

Проводили Айтека. Высокого румяного увальня с такими слезами проводили, будто и не в армию он отправился, а... Шайтан его знает куда.

«...Я спросил, где наша демократия, где наши гуманитарные заботы о человеке? А тот самый прапорщик сунул мне в руки книжечку с названием «Боевой устав пехоты», зверски сверкнул глазами и изрек: «Вот какую демократию ты должен прежде всего усвоить, лентяй ты эдакий!» Так я и живу, дорогая мама, дорогие сестренки. Нелегко мне тут, и очень я по вас скучаю».

Последние слова младшая сестра (это она читала вслух) еле выговаривала прерывистым дрожащим го-

лосом, с трудом удерживаясь от рыданий, готовых в любой момент прорваться наружу.

А Зекерья в это время вспоминал далекое прошлое. Как раз в возрасте Айтека он, тогда еще совсем молоденький новобранец, форсировал Днепр. Установили на плоту два пулемета и ротный миномет и поплыли под огнем врага. Никто и не знал, что юный горец не умел плавать. И когда Одер форсировали, тоже никто об этом не узнал. Даже когда Зекерья получил свою Красную Звезду, он и в это время никому не признался, что плавает не лучше подковы. Всякого пришлось натерпеться. А домой писал: «Жив, здоров, воюю. Ждите с победой».

Когда сели писать ответ Айтеку, женщины вопросительно посмотрели на Зекерью.

— Скажи, как написать ребенку, чтобы хоть немного утешить его?— спросила мать.

— Чтоб озарить его грустное лицо... рассеять тоску... печаль,— скулили сестры солдата.

Густые с проседью брови отца вдруг гневно сдвинулись:

— «Утешить, озарить, рассеять»! — передразнил он домочадцев. — А писать надо вот что... — Он подошел к младшей, которая уже раскрыла чистую тетрадь и взяла ручку. — Я буду говорить, а ты пиши. Поняла?

Таким решительным и строгим Зекерью никогда еще не видели. На несколько минут в доме воцарилась напряженная тишина. После короткого раздумья почтенный горец начал диктовать:

«Собачий ты сын, испоганивший бумагу столь позорным посланием! Благодарю аллаха, что не я твой командир! А начальству своему передай такую мою просьбу: пусть гоняют тебя, как ожиревшего жеребца, пока ты не износишь дюжину пар сапог и пока две дюжины солдатских рубашек не истлеют на тебе от соленого пота. И чтоб одной черной кашей тебя кормили. А то привык у себя в доме к одному сплошному празднику и ничему не выучился, кроме как плясать в лакированных туфлях с девчонками из турбазы! Другие отцы-матери получают благодарности за хорошую службу сыновей! И еще я хочу тебе сказать, чтоб ты без значков и звания сержанта домой не возвращался. Отправлю обратно».

Зекерья обвел победным взглядом испуганных и ошеломленных женщин и миролюбиво закончил:

«У нас все живы и здоровы. Отцу твоему памятную медаль вручили. Как бывшему гвардейцу-пулеметчику ударного батальона. Желали, чтобы сын, по крайней мере, пошел в отца. Вот пока все».

— А вы,— Зекерья снова обратил свой суровый взор на женщин,— чего сидите, отвесив челюсти, как на представлении дагестанских канатоходцев? Сварите мне сегодня же кашу из самой черной гречки. Без масла. Боевую молодость хочу вспомнить.

— Да где ее найти?.. — робко пролепетала старшая дочь.

— Немедленно отыскать, доставить, сварить и глупых вопросов не задавать!— гаркнул Зекерья. — Приступайте к выполнению задания!— Он круто повернулся направо и вышел из комнаты, по-уставному печатая шаг,

Рассказы

МОСТ ГЕРЮГОВА

Герюгов помнил, что от станции до шоссе не очень далеко. А больше ничего не помнил.

Через перрон он прошел торопливо. Станция была незнакомой. Герюгов заставлял себя узнать ее, но не узнавал. У скверика он посмотрел на часы. Около десяти. Можно не торопиться.

Герюгов с детским восторгом вдруг обнаруживал знакомые дома и с недетской печалью отмечал, как они постарели. Они будто ушли в глубь улиц. Немного их сохранилось с давней поры его юности. Новые многоэтажные, стооконные, молодые дома, с широкими лоджиями, обрамленными плющом и виноградом, уже заслоняли их.

Раньше это был неприметный поселок, станцию которого не всякий поезд удостаивал остановкой. Сейчас это был нарядный новенький городок, выросший без него, без Герюгова.

Герюгов вышел к широкой трассе, поставил потертый чемоданчик, бросил на него плащ, вытащил из кармана гребенку и стал причесывать негустые поседевшие волосы.

Машины летели по липковатому гудрону. Герюгов провожал их глазами, не торопясь «голосовать». Он торопился и не торопился. Множество лет прошло с той поры, когда он покинул эти места. Что же лучше — торопиться или не торопиться?

Беленький с синими боками «Москвичок» вдруг остановился перед ним сам, без просьбы.

Герюгов смущенно проговорил:

— До Темир-Калы.

— О-о, это и в самом деле по пути, — сказал молодой шофер, будто обрадовался. — Нам, правда, дальше, но до Темир-Калы мигом доставим!

Молодая девушка, сидевшая рядом с ним, улыбнулась, когда Герюгов усаживался на заднем сиденье.

— Извините, папаша, из командировки или с курорта?— начал приглашать к беседе откровенно-компанейский шофер.

— Из Алма-Аты,— сказал Герюгов, глядя на чрезмерно длинные, но аккуратно зачесанные волосы парня.

Парень глянул на него через плечо и вновь устался на дорогу:

— Ну, и как там?

Герюгов не ответил. В Алма-Ате у него когда-то родился сын,— пожалуй, сын теперь уже постарше этого. Но парень не ждал ответа.

— Зов предков, папаша!— беспечно заявил парень.— Все правильно!

— Темир-Кала — это райский уголок — заговорила девушка.— Но там хорошо больше бабушкам и дедушкам.

— Моя мама тоже там живет,— рассмеялся шофер.— Уж сколько уговаривал переселиться к нам в город, не желает. Скучно, говорит, мне в городе. Смешно!

— Это, может быть, и верно,— примирительно сказал Герюгов.— Старость ищет покоя. А где же его найдешь? Кроме как на природе — нигде.

— А вы балкарец?— спросила девушка.

— А ты что, не видишь?— сказал парень и на миг обернулся к Герюгову.— Извините, у Нади есть такая привычка — неожиданно вопросы задавать. Женщины есть женщины...

Герюгов молчал. Много изменилось на этой земле. Но уходящая вдаль волна рыжих колосьев и глубокое без единого облачка синее небо — не изменились.

Упругая лента черной асфальтовой дороги тянулась за горизонт, к Кубани. Там, за бугром, должен быть мост. Что они знают об этом мосте, веселые молодые люди, беззаботно переезжавшие через него множество раз!

— Остановите, пожалуйста,— сказал Герюгов, когда «Москвич» подлетел к мосту.

Парень притормозил, обернулся — не обижен ли старик?

— Мне бы хотелось постоять здесь,— смутился Герюгов.— А дальше — пешком. Недалеко ведь...

— А чего тут стоять?— пожал плечом парень.— Жара и ветер...

— Спасибо, молодые люди,— улыбнулся Герюгов.— Я тут пешком.

Синебокий «Москвич» загудел и умчался.

Лучи жаркого солнца полоскались в прохладных водах Кубани.

Мост врос в каменистые берега реки, будто не человеческая рука его сотворила, а сама мать-природа.

Герюгов погладил ладонью горячий металл и посмотрел вниз на вздрагивающую тень. Река проплывала под мостом осторожно и осторожно уходила дальше, как бы стараясь не шуметь.

...Изрядно потрепанный полк отступал через этот мост. Два грузовика, несколько зеленых подвод с ранеными. Тяжело ступают, опустив головы, усталые солдаты, потому что горечь отступления тяжким камнем давит на их плечи. Они выходят на мост, не замедляя и не ускоряя шага, и не замечают, что уже на мосту.

— Герюгов! К командиру батальона!

Кто это крикнул? Да, да, это крикнул тогда еще, давно, черноусый связной.

— Я строил этот мост,— сказал Герюгов. Сказал тогда — давно-давно, когда еще не было синебокого «Москвича» с этим веселым юношей. Он сказал это давно, когда еще был жив комбат.

Дым от сгоревшей пшеницы повис в воздухе. Земля и небо погрузились в зловещую тишину, будто тихо готовясь к новому сражению. Лишь всплескивала Кубань-река под нечаянным ветром. Это было давно. С той поры осталась только река.

Комбат подошел к бойцам, укладывавшим минные пакеты:

— Не грусти, Герюгов. Наступит и наш черед...

— Есть не грустить,— ответил Герюгов, не поднимаясь перед командиром потому, что был занят делом, которым лучше бы не заниматься никогда.

— Подними голову, джигит,— сказал еще живой комбат.— Вернемся — лучший построим!

Герюгов поднял голову:

— Жалко. Слышите — гудит. Будто чувствует свой последний час.

— Это не мост гудит,— сказал еще живой комбат.— Это танки гудят. Торопись, Герюгов...

Очень давно он тянул взрывной провод к окопу. Герюгов тянул провод, а пушки и пулеметы повернули стволы в сторону дремлющего пустого моста. Бойцы перешли через мост, обернулись и ждали, пока Герюгов протянет свой бесконечный провод.

Герюгов сидел в окопе, придавив головой руку, лежавшую на рукоятке взрывателя. Это он помнит. Но это было потом, когда еще был жив комбат. А еще до того, как комбат был жив, еще до того, как пушки установились на мост, девушки, смеясь, бросали полевые цветы с моста вниз. У них были молодые крепкие ноги. Это было еще до всего: до пушек, до раненых, до взрывного провода, это было до всего, что было потом. Это было, когда грузовики везли хлеб через мост...

— Это не мост гудит,— сказал еще живой комбат,— это танки гудят! Не прозеван, Герюгов!

Он не прозевал.

Танки подошли к мосту, а он ждал, пока они решатся ступить на пустой мост. Он поднял голову и ждал.

И танки решились и ступили на железное тело моста. Герюгов, стиснув зубы, дернул рукоять взрывателя. Загремела и зашаталась земля. Это он тоже помнит. А потом рассеялся дым. Мост — в воде, а железные перила разорваны как нитки. И еще он помнит, что мост стонал, умирая.

Он помнит это хорошо.

Это было, когда комбат еще был жив.

И миновало время. И Герюгов снова услышал:

— Герюгов! К командиру батальона!

Это сказал черноусый связной, который был жив всегда.

— После бомбардировки и артобстрела расположения врага — немедленно обеспечить переправу! — приказал Герюгову комбат.

— Я взрывал этот мост,— сказал Герюгов, потому что это был другой комбат, который не знал, что Герюгов взрывал этот мост, и не знал, что еще раньше он его строил.

— Молодец! — похвалил этот другой комбат. — Хорошо взорвал! Торопись, Герюгов!

Это было давно, после пушек и раненых, но еще до

того синенького автомобильчика с красивой девушкой на переднем сиденье.

Но это было после тяжкого отступления. Это было по пути туда — в Германию...

Герюгов посмотрел в бинокль на останки своего моста. Мост еще больше осел, словно пытаюсь захоронить себя в синих волнах Кубани.

— Торопись, Герюгов,— крикнул новый комбат.

Это было давно.

После бомбардировки и артиллерийского обстрела расположения войск противника Герюгов начал наводить переправу. Он не дождался конца бомбардировки, это он помнит. Он не дождался конца артобстрела, это он тоже помнит. На той стороне реки еще рвались свои снаряды, когда Герюгов начал работу. Но какой получилась переправа — он не помнил. Она была как все переправы, сделанные на ходу. На них некогда было смотреть и некогда было их запоминать.

— Торопись, Герюгов!— приказал комбат.

Какой же была эта переправа?..

...Старик стоял у нового моста, стараясь припомнить, как же она выглядела, эта переправа, построенная им вместо моста, который он взорвал и еще раньше — строил.

Он не мог вспомнить.

Новый мост мешал ему. Новый мост, построенный без него, на месте его переправы, врос в берега Кубани, стянув их своей сталью.

Герюгов гладил его теплый металл, стараясь проникнуть в годы, ставшие десятилетиями.

Синебокий «Москвичок» завизжал тормозами.

— Вы еще здесь?— крикнул веселый парень.

Герюгов не понял, посмотрел на него, потом узнал и молча улыбнулся.

— А мы уже успели смотаться!— продолжал парень. Девушка наклонилась к нему и что-то шепнула.

— Мы бы вас отвезли,— сказал парень, мягко отодвинув девушку плечом,— мы бы вас отвезли, но мы очень торопимся.

— Ничего,— сказал Герюгов,— спасибо... Я — пешком.

И снова умчался «Москвичок», а Герюгов ступил на мост и пошел по нему... Девушки бросали цветы в Ку-

бань, машины везли хлеб, комбат торопил Герюгова взрывать и другой комбат торопил наводить переправу, а он шел и шел по пустому мосту, и все, что было с ним в жизни, умещалось в трех пролетах этого моста...

ГАРМОНИСТКА МАРЗИЯТ

Звуки этой чудесной гармоники я слышу по сей день. А ведь столько лет прошло с того времени! Но мог ли я забыть эту светлую и радостную, словно первые лучи утреннего солнца, и чистую, как горный родник, мелодию гармоники? Она была торжественно-радостной, эта гармоника, и была она еще загадочно-грустной. Но была она всегда прекрасной.

Красивые, умные пальцы гармонистки бегали и оставались, и я видел, как они разговаривали с гармоникой, и видел я, как гармоника слушала эти пальцы.

Гармонистка Марзият играла на этой гармонике. Так и говорили «гармонистка Марзият», а не просто «Марзият», потому что она была одна. И мне казалось, что, когда произносилось это имя, лица людей светлели, а слова звучали как приветствие.

Не случалось на селе свадьбы без гармонистки Марзият.

Мы с приятелем были в том ечастливом возрасте, когда любовь мужчины таинственна и бескорытна, мы были в том возрасте, когда мужчина чувствует, что самое главное — это носить и стеречь гармонику прекрасной Марзият. Родители не угнетали нас нравоучениями, и нам случалось до утра пробыть возле нашей Марзият, до утра оставаться счастливыми пленниками то ли ее гармошки, то ли ее самой...

Нарядно одетая молодежь не знала усталости, как не знал усталости крылатый исламей нашей повелительницы.

А радость, извлекаемая пальцами Марзият из знаменитой ее гармоники, не вмещалась на широком дво-

ре жениха, она разливалась волнами на всю округу, погруженную в летнюю лунную ночь. И ночь становилась еще светлей...

Однажды мы заметили незнакомого парня, который чаще, чем нам хотелось, поглядывал на Марзият. Он был, в общем-то, красив, этот пришелец. У него были небольшие черные усы, ровный нос и внимательные, даже добрые глаза. Он хорошо танцевал. Быть может, поэтому девушки, танцевавшие с ним, с тайной надеждой ждали, когда он снова позовет их на танец. Парни нашего села, конечно, завидовали ему. Но он был гостем. И это обязывало всех наших парней относиться к нему с почтением, что было нелегко.

Итак, он слишком часто смотрел на гармонистку Марзият. Это видели девушки, танцевавшие с ним, и парни, сдержанно терпевшие гостя, и мы с приятелем.

Красивого с добрыми глазами пришельца мы возненавидели сразу. Какая-то непонятная тревога охватила нас, мы хотели, чтобы свадьба эта закончилась поскорей, чтобы Марзият ушла, потому что были в том возрасте, когда чужие усы и чужие взгляды уже раздрают сердце когтями ревности.

Мы возненавидели этого парня за то, что он был джигитом, а мы всего-навсего — юнцами, которых Марзият жаловала, как жалуют старшие сестры своих младших братишек.

Наконец, с желтым рассветом, закончился свадебный той. Марзият встала и поставила гармонику на стул. Подруги и восторженные хозяйки окружили гармонистку Марзият. А тот парень подошел и взял гармонику. Марзият заметила это и встретилась глазами с тем парнем. Встретилась и, ничего не говоря, вновь повернулась к подругам. А мы ожидали ее неодобрительного взгляда, потому что не хотели, чтобы он трогал гармонику.

Но этого взгляда не последовало, и мы встретили утро печалью.

После той ночи парень зачастил в наше село. Этот немногословный, но весьма настойчивый гость являлся к нам из Верхнего поселка всякий раз, когда случались свадьбы или привозили новые фильмы в клуб. Но мы понимали, что он ездит не кино смотреть.

В общем был он парень неплохой. Тем более Мар-

зият при его появлении радовалась и не скрывала этого. И мы сами стали смотреть на гостя глазами нашей Марзият, постепенно привыкая к нему и прощая ему усы.

Парень этот оценил нашу благосклонность. Он доверял нам свои записки. От билетов в кино, которые он нам при этом покупал, и от конфет мы тоже не отказывались. Сначала мы, конечно, подумали, что он нас пытается подкупить, и даже возмутились. Правда, не на весь поселок, а между собою. Но Марзият сказала, что ничего в этом плохого нет. И мы стали покладистей. Чувствовали, что ей приятны конфеты, которые мы получали от того парня.

Став друзьями, иногда вчетвером спускались к речке. Мы с приятелем и Марзият с гостем. Садились на теплые камни, а он говорил не столько с Марзият, сколько с нами. Но мы с приятелем иногда оставляли их, а сами уходили подальше — тоже понимали, что к чему.

А в селе, конечно, заметили, что парень из Верхнего поселка влюблен в гармонистку Марзият. Значит, быть скоро свадьбе. У людей одно на уме — свадьба и свадьба. Тем более свадьба гармонистки Марзият!

Но время шло, а свадьба не намечалась. Наш общий друг что-то все реже и реже навещал нас.

— Где он? — спросили мы Марзият, потому что соскучились.

Марзият не сразу ответила. Она погрустнела и пожала плечами:

— Занят, наверно... Дела, наверно, мешают.

— А раньше что, совсем дел не было? — спросили мы напрямик.

— Он не любит тебя, — сказал мой приятель, — или совсем мало любит.

Она погладила его по голове, а он дернулся и фыркнул:

— Я не маленький!

— Да, ты не маленький, — тихо улыбнулась Марзият.

Мы проводили ее домой, больше ни о чем не спрашивая. Как-то раньше она сама по какому-то поводу сказала, что не надо задавать вопросы, когда человеку плохо. Мы помнили это.

Летние дни сменились дождливыми осенними. Они стали короче. Ближние холмы порыжели, а голубые вершины гор стали пасмурно-белесыми.

Мы теперь с утра до вечера сидели в школе или готовили домашние уроки. Мы и сами теперь не часто встречались с Марзият, хоть и жили по соседству.

В один из таких дней, а точнее — перед октябрьскими праздниками, нас пригласили в гости ребята из школы в Верхнем поселке. Это всегда так было — то мы их приглашали, то они нас.

Мы, конечно, поехали и до вечера веселились у них, пели, танцевали. А вечером отправились было домой. Но возле школы я увидел того парня. Он разговаривал с незнакомой нам девушкой. Мы подошли к ним, хотя и знали, что не очень вежливо отвлекать двух беседующих взрослых.

Он узнал нас сразу. И вроде бы обрадовался. По крайней мере, так нам показалось. Как-никак мы были старые друзья. Он спросил, как мы живем, как учимся и понравилось ли нам в Верхнем поселке. А мы ожидали, что он спросит о Марзият. Но он даже и не вспомнил о ней. А девушка слушала наш разговор и улыбалась нам как маленьким. Она тоже была, и то и говорить, красивая. И то, что она была красивая, обидело меня и разозлило.

— Почему ты не спрашиваешь о Марзият?— спросил я.

Парню стало не по себе. Девушка посмотрела на него и веселее, чем надо, сказала, что ее ждут кружковцы. Она лгала, я это понял. Просто ей не хотелось видеть его таким, и она убежала.

— Потому не спрашивает, что уже не любит,— заявил мой прямолинейный приятель.

— С ней что-нибудь случилось?— испуганно и тихо спросил тот парень.

— Нет, не случилось!..— сказал я громко и даже гордо.— А ты нехороший человек! Ты обманывал нас. Столько времени!

Я считал, что Марзият и мы — одно и то же.

— Не спешите, ребята, с обвинениями,— быстро заговорил тот парень.— Это не так просто, как вам может показаться. Что с того, что вы будете мне грубить? Как вам это объяснить?

— Чего там объяснять,— презрительно сказал мой приятель.

— Не спешите, юные джигиты,— уговаривал нас тот

парень.— Попробуйте понять меня. Не так все просто. Может, я ошибся... Может, потом придется каяться. Кто знает... Вы меня поймете... когда вырастаете...

Он достал сигарету и поспешно закурил.

Мы молчали. Кто их, этих взрослых, поймет?

...Противные дождливые и ветреные дни кончились. Пришла долгожданная зима.

Мы катались на санках, бегали на лыжах — вообще зимою человеку живется веселее, чем в слякоть.

А Марзият мы видели редко. Она училась заочно в институте и часто выезжала в город.

Но мы все равно знали, что Марзият любит того парня из Верхнего поселка.

И вот случилось событие, которое, наверное, никогда не забудем ни мы, ни Марзият. Из Верхнего поселка приехали девушки и позвали гармонистку Марзият на свадьбу. Я сразу понял, что это за свадьба. И приятель мой понял. И Марзият тоже поняла. Но она была гармонисткой и поэтому поехала.

И тогда мы решили ехать с нею вместе.

Удивительно, что родители наши готовы были пустить нас с гармонисткой Марзият хоть на край земли.

— Не вздумайте наделать глупости,— печально предупредила нас Марзият.

— Это подлость!— возмутился мой прямолинейный приятель.

Но Марзият улыбнулась:

— Успокойся. «Гость поклайдистей ягненка», запомни это правило.

— Они решили над нами посмеяться!— заявил я.

— Не вздумай раскрывать рта, мальчик,— вздохнула Марзият.— Это — свадьба, а мы — гости...

Она погладила ладонью планки своей прекрасной стозвучной гармоники.

Не часто, наверно, со дня сотворения мира гармонистки играли на свадьбе своего бывшего жениха. Но так или иначе, шумная горская свадьба началась.

Мы, как всегда, заняли свои места возле Марзият. Вот она провела своими длинными пальцами по планкам, и торжественная мелодия разлилась, как река в весеннюю пору. Вот озарилось бледное лицо гармонистки, как будто солнце взошло над горами, и появилась знакомая улыбка Марзият. Она умела улыбаться так,

как будто до нее никто никогда не улыбался, ожидая, когда улыбнется она. Но все-таки это была какая-то другая улыбка...

Девушки плыли перед нею, как лебеди, молодые джигиты пронеслись перед нею, как джейрапы. А гармонистка Марзият не видела их. Она слушала свою гармошку. Она слушала ее, тихо разговаривала с ней своими легкими пальцами, уговаривая ее не грустить.

«Этот торжественный свет, озаряющий счастливые лица, не озарит моего сердца, гармоника! Он не развеет мое горе,— говорили пальцы Марзият.— Но ты, гармоника, не грусти, не выдавай меня. Мы гости с тобою, мы только гости, а гости должны веселиться. Мы еще поплачем, гармоника, но не здесь. Мы поплачем дома наедине друг с другом, среди своих стен, которые так помогают плакать. Заслони печаль мою, гармоника, заслони ее весельем чужой свадьбы...»

Вот что говорили пальцы Марзият.

А гармоника внимательно слушала и заслоняла печаль гармонистки звонким щитом веселья, и радостный исламей покорял молодые сердца тащущих.

А мы сидели рядом, и сердца наши сжимались от того, что так хорошо никогда не играла еще гармонистка Марзият.

К полуночи пригласили на танец невесту. Из другой комнаты вышла тоненькая, чернокобая, луноликая красавица и прошла, одарив гармонистку Марзият благодарным взглядом. И с новой силой заиграла гармоника. Потому что танцевала сама невеста.

Мы, конечно, узнали ее. Мы не чувствовали к ней зла, а чувствовали жалость. Она танцевала, а пальцы гармонистки Марзият заговорили с пуговками гармоники.

«Не грусти, моя гармоника,— говорили пальцы Марзият.— Ее коса не гуще моей, лоб ее не белее моего, а щеки не румянее. Но невеста — она. А мы с тобою — гости на ее свадьбе. И мы должны радоваться ее счастью. Не грусти, гармоника!».

...После этого мы не бывали с Марзият на свадьбах. Она уехала от нас навсегда, и люди говорили, что она счастлива, потому что давно уже хотели ее счастья.

Много лет прошло с тех пор. Новые гармонистки появлялись в нашем селе. Но только про самых лучших

говорили: хорошо играла, почти как гармонистка Марзият. Так и говорили — почти...

Потому что так, как она, играла только она, и навсегда в сердце моем звучит веселящий душу и зажигающий кровь исламей гармонистки Марзият, а память глаз моих хранит ее улыбку, лучшую улыбку в мире.

РАССКАЗ ПРО СТАРОГО ОСЛА

- Бей его! Бей!
- Так его, эх-хе-хе!
- Бей лопухого!

Камни, куски глины, острые обломки битого кирпича летели в него отовсюду. Попадали по спине, по ногам.

Его били и гнали. И прежний хозяин, которому он стал не нужен, и безусые юнцы, и женщины, идущие по воду.

Он убегал.

Не так резво, как в молодости, но убегал, гонимый камнями и проклятиями, гонимый смертной обидой, горькой и безысходной, терзающей его старое ослиное сердце.

Один из камней попал ему в голову. Он чуть не упал. В глазах потемнело. Только ноги, как заводные, по привычке несли его все дальше и дальше, за околицу, где рос спасительный густой кустарник, в котором можно было укрыться от побоев и оскорблений.

Старый осел давно уже не доставлял хлопот своему хозяину. С того самого дня, как прогнали его за ворота родной усадьбы, исхлестав хворостиной. Иногда он по забывчивости возвращался домой, но прежний владелец все больше зверел, хватаясь за что попало.

И ослабевшее доброе животное научилось понимать, что, вопреки законам божеским и человеческим, приходит сюда вавсе не следует.

Куда же деваться? Где укрыться от палящих солнечных лучей в летнюю полдневную пору, от студеного ночного ветра зимой, насквозь продувающего ущелье?

Не было ответа на этот вопрос.

Тяжко было осенью, когда над долиной повисала свинцовая хмарь и ливень сплошной стеной накрывал и аул, и кусты за околицей, и свалку, где находил себе приют бездомный осел.

Тугие струи дождя бередили незажившие раны, понижывали болью и холодом. А когда дождь утихал и свалывшаяся шерсть высыхала, еще долго ныли ссадины и ушибы, слезились глаза.

Но все это еще можно было терпеть. Самым страшным оставалось горькое сознание того, что больше он никому не нужен.

Почему так случилось, он понять не мог.

Но чувствовал, что в нем есть еще силы, чтобы возить дрова из лесу, увесистые и душистые копны сена, катать на спине шумливую детвору, как бывало в давние славные времена.

Он с младенчества был приучен к работе, к сельскому труду, такому разному и нужному людям. И теперь тосковал по нелегкому, но всегда необходимому делу.

Нрава он был спокойного и покладистого. Никто не помнил, чтобы он лягнул или сбросил кого-то со своей широкой надежной спины.

Сейчас его гнали от любых ворот. Лишь в колючем терновнике, рядом со свалкой, никто не трогал и не обижал осла. Здесь же находил он скудную пищу, копаясь в отбросах.

Труднее всего было зимой. Когда выпадал снег и первые морозы схватывали серебристым ледком траву и ветви деревьев, он, скользя копытами, поднимался по крутой каменистой тропе до заброшенного коша и там коротал длинные зимние дни и ночи под прохудившейся кровлей, пожеывая лежалую прелую солому.

И ему хотелось навсегда уйти из жизни, тусклой и тягостной, как та почерневшая солома.

Но он не знал, как это сделать. Не знал — и все тут, хотя жизнь вконец ему опостылела.

Как-то утром старый осел заметил, что небо над долиной стало синим, потеплел воздух, побежали с гор

ручейки талой воды, а под застрехой вдруг поселились скворцы.

Пришла весна. Яркая, долгожданная.

Осел заторопился вниз, в аул, к людям, забыв о побоях и издевательствах, подгоняемый жаждой вновь увидеть весеннюю суету, услышать знакомые голоса, почувствовать запах дыма.

Жизнь становилась желаннее, потому что была весна.

Но прошлогодняя история повторилась. Снова в него швыряли камнями и грязью, снова осыпали незаслуженными оскорблениями.

Не успел он появиться на полянке возле сельмага, как подвыпившая компания молодежи, стоявшая там, мигом растеряла все свое добродушие и веселость.

Здоровенный парень в расстегнутой куртке, увидев осла, подбежал к грузовику, открыл дверцу кабины, сел и завел мотор. Вот теперь-то он на славу позабавит дружков. Грузовик дрогнул и двинулся на осла.

Спрятаться негде на открытом месте. По обеим сторонам улицы — длинные ряды каменных, кирпичных и железных оград. А бежать — разве убежишь от машины?

Громяющее чудище каждую секунду угрожало сбить с ног, смять, раздавить... Оно подъезжало вплотную, ударяло в бок перепуганного задыхающегося осла и откатывалось, чтобы тут же опять напасть.

Приятели пьяного шофера давились от смеха.

А старый осел, которого покидали последние силы, ждал либо смерти, либо конца этого ужасного представления.

Теперь только извечный инстинкт самосохранения заставлял его передвигать налитые тяжестью ноги.

С тех пор он больше не появлялся в центре аула. Изредка подходил к дому, где жил бывший его владелец, останавливался, стараясь не привлекать к себе внимания, и с наслаждением вдыхал знакомые запахи. Потом возвращался в терновник.

Однажды в сумерки хозяин увидел осла сквозь решетчатую ограду.

— Чтоб тебя, проклятого, волки задрали! — с досадой прошептал старик и побежал в дом.

Осел понял, что в этом злобном шепоте таится уг-

роза, и бросился прочь. Когда хозяин вышел с ружьем, на улице уже никого не было.

Дни тянулись монотонно и нудно, безрадостные и пустые, словно нехотя сменяя друг друга. Старый осел испытывал все ту же давящую тоску одиночества, тяжесть безделья и собственной бесполезности. Он часто выходил из кустарника и подолгу стоял у тропинки, ведущей к мосту. Здесь проходили люди, потому что по другую сторону реки раскинулся курорт с красивыми большими домами и парком.

Веселые, нарядно одетые люди не спеша прогуливались по тропе, останавливались у перил и смотрели на бегущую внизу реку, где на каменистом берегу резвилась детвора. Загорелые мальчишки прыгали в воду, потом лежали, распластавшись на нагретых солнцем плоских валунах.

И взрослые, и малые веселились и отдыхали. Они были счастливы, эти люди.

Тем большее было старому горемыке-ослу, всеми забытому, никому не нужному.

Он неподвижно стоял в полудреме, и в голове его проносились смутные картины прошлого, похожие на сон, на волшебную сказку.

Мало, очень мало было тогда автомобилей, сияющих крашеными блестящими боками, и люди с уважением относились к терпеливым работающим животным. Без них они не представляли себе жизни.

Ослик был маленьким и смешным. Тонконогий, с мохнатыми оттопыренными ушами и огромными, как черные сливы, выпуклыми глазами, беззаботно семенил возле своей матери, припадая к ее теплому боку в ожидании ласки.

И его ласкали. И старики, и несмышленные дети. Всех восхищали его выразительные большущие глаза, полные любопытства, его упругие лохматые уши.

Когда хозяин отправлялся в лес за дровами, ослик задорно топтал рядом, забегал вперед и, отставая, бегал вокруг повозки, смешно подрагивая нетвердыми ножками.

Щедрое солнце просвечивало сквозь кроны чинар, трезвонили птицы, было легко и свободно.

Понемногу его начали приучать к работе. Правда, ему не очень понравились седло и тяжелые вьюки — от

них побаливали спина и шея,— но зато как приятно было потом отдохнуть, гордо сознавая, что дело сделано, и он вел себя молодцом.

Вырос он сильным и крепким, работа приносила ему больше удовлетворения и радости, чем усталости.

Хозяин не обижал его. Не бил. Кормил свежим духовитым сеном, иногда поглаживал мозолистой рукой его теплую сильную шею и нашептывал на ухо слова ласки и благодарности. Он понимал эти слова. Еще бы! Разве можно не понять добро и ласку?! Может, потому и зимняя стужа не казалась в ту пору такой лютой, а летняя жара — такой знойной...

А сейчас старый больной осел стоял у тропинки, бегущей к мосту, потускневшим взглядом смотрел на людей и вспоминал прошлое, далекое, призрачное, как сон, как волшебная сказка...

Вдруг кто-то из пестрой толпы отдыхающих обратил на него внимание. Несколько человек остановились и, перекинувшись взглядами, пошли к нему.

Он не побежал.

Люди не кричали и не швырялись камнями. Наоборот,— он не поверил своим ушам — они произносили ласковые слова, которых он не слышал давным-давно.

Загорелый юноша в клетчатой рубашке подозвал одного из мальчишек, лежавших на берегу, и что-то сказал ему. Мальчик постоял в нерешительности, потом приблизился к ослу. Тот безропотно позволил ребенку взобраться на свою спину и тихонько побрел к мосту, прядая ушами.

Загорелый юноша щелкнул фотоаппаратом. Через минуту уже вся компания, весело смеясь и переговариваясь, окружила животное. Кто трепал его за уши, кто гладил отросшую гриву.

Люди суетились, шутили, становясь в разные позы, один балагур даже обнял осла за шею. Фотоаппарат щелкал, не переставая, а старый осел стоял и думал, как, в сущности, мало ему нужно от жизни.

Люди радовались, радовался и он.

Вдоволь повеселившись, компания собралась уходить. А юноша в клетчатой рубашке вынул из кармана металлический рубль и протянул его мальчику.

— Угости своего гнедого. Он славный парень.

Мальчуган взял, несколько раз подбросил на ладони

монету, блеснувшую серебром на солнце, и с любопытством поглядел вслед удалявшемуся ослу.

Он не знал, что тот уходил в свой терновник, довольный и счастливый, может быть, впервые за весь этот тягостный год.

Мальчик догнал осла и почесал ему шею.

— Ну, что, старик? Ты здорово заработал сегодня. Только что же мне делать с этими деньгами? — он еще раз подбросил монету на ладони перед самой ослиной мордой. — Пожалуй, я тебя искупаю, — решил мальчишка и повел осла к реке. — Меняй, старик, профессию, — рассудительно приговаривал мальчик, выдирая репы из хвоста у послушно стоявшего осла. — Как транспорт ты устарел. Куда тебе тягаться с машинами? Лучше забавляй публику, — и спокойнее, и выгоднее. Да и работа нужная.

Так старому ослу еще раз улыбнулась жизнь.

Мальчик упросил родителей оставить его во дворе их домика, стоявшего неподалеку от моста. Там был удобный навес из жердей и плетня.

Было время каникул, и новый хозяин, садясь по утрам на осла и слегка прищпоривая его босыми пятками, уезжал в парк, где его тотчас же окружали отдыхающие.

Как и в прошлый раз, люди эти были добрые и веселые. Похоже, что многие из них вообще впервые видели живого осла. Уж они гладили, ласкали его, громко восхищались его великолепными ушами, сохранившими и теперь свою подвижность и гибкость.

Такого внимания он еще никогда не испытывал.

А мальчику дарили за удовольствие то конфеты, то яблоки, но чаще... деньги.

Очень скоро один из курортных фотографов заинтересовался популярностью длинноухого. Без особого труда он склонил мальчика к сотрудничеству, и работа закипела. Ежедневный гонорар юного владельца осла составлял уже не один блестящий рубль, а несколько хрустящих бумажек. Оба были довольны — и фотограф, и мальчик.

Только ослу постепенно приелась его новая работа. Он стоял под седлом в парке. Чтобы сняться на память рядом с ним или даже верхом, многие ждали, соглашались взобраться ему на спину, а неутомимый глаз

фотоаппарата, черный и большой, как его собственный, преследовал его даже во сне.

И занятие это уже не приносило удовлетворения. Может быть, потому, что люди платили за свою радость деньги, а не дарили подарки, как раньше. Впрочем, старый осел не понимал, в чем тут дело.

Он все чаще мысленно возвращался к тем далеким дням, когда приходилось ездить в лес за хворостом, который источал свежий аромат древесины и молодой коры, совсем не похожий на то множество запахов, которые исходили от людей, взбиравшихся в седло на его спине.

Однообразно тягучую жизнь эту нарушил случай.

В конце лета выдался особенно хлопотливый день. От желающих сниматься не было отбоя. Фотограф едва успевал перезаряжать аппарат.

И тогда появился старик, которого осел сразу узнал. Прежний его хозяин.

— Это же мой осел! — сказал он.

— Нет, он мой! — сказал мальчик, крепче сжимая уздечку в руках.

— Ах ты маленький негодник! — закричал старик. — Зарабатываешь на моем осле!

— Он не ваш. Он ничей. Он свободный и живет у нас дома.

— Хватит болтать, — заявил хозяин и сильно дернул за узду.

И тут случилось то, что когда-нибудь должно было случиться.

Собрав все свои силы, всю свою обиду, старый осел повернулся и... лягнул бывшего хозяина. Впервые в жизни обидел он человека, причинив ему боль.

Старик застонал и присел на траву, обхватив колено. К нему подбежали, хотели перевязать ссадину на ноге. Но он вскочил с неожиданной легкостью и бросился к лежавшему под деревом большому замшелому камню. Его вовремя удержали.

На следующий день осел и мальчик опять появились на прежнем месте. Фотограф чуть не подпрыгнул от радости.

И снова был теплый солнечный день, подходили отдыхающие, и осел шевелил ушами, а фотограф все нацеливал черный блестящий зрачок аппарата.

Тоска не отпускала длинноухого. Потускнел его взгляд, безвольно опустились плечи. А левый глаз стал слезиться. Слеза катилась и катилась из него, оставляя влажную борозду.

Это заметила одна пышная говорливая женщина перед тем, как сниматься.

— Поверните вашего ишака другим боком!

— Зачем?

— У него левый глаз плачет, и на карточке морда выйдет кислая.

Второй глаз не слезился, но морда не была веселее.

Мальчик повиновался и потянул за уздечку. Осел стал нехотя поворачиваться и попал передней ногой в яму, скрытую дерном. Женщина, сидевшая в седле, нагнулась, пытаясь удержаться и... сползла на траву. Мальчик резко дернул узду и больно ударил осла по голове свободной рукой.

Когда погасли в доме огни, старый осел покинул свой навес, подошел к воротам. Они были заперты, и он побрел в сад, откуда без труда выбрался, перешагнув через подгнивший плетень.

Оставив позади поселок, освещенный бледным светом луны, он повернул на тропу, ведущую в лес. Давно знакома была ему эта тропа. Сотни раз ходил он по ней маленьким несмышленым осликом и уже взрослым выносливым работягой.

И опять, как прежде, обступили его знакомые запахи леса, и опять вспомнил он такого доброго тогда хозяина, который кормил, поил и ласкал его, вспомнил и голос мальчика, помывшего и почистившего его у реки.

Сейчас ему хотелось вспоминать только хорошее.

Лунный свет уже скрадывали могучие кроны чинар, на тропе стало темнее. Но он все шел, не спеша и не останавливаясь, хотя порядочно устал за день.

Вдали, в густой чаще послышался волчий вой.

Эхо прокатилось между стволами и погасло где-то сзади.

Вой раздался снова.

Лунный свет мелькнул между ветвей в последний раз, и стало совсем темно.

А старый осел все шел...

СЛАВНЫЙ ВОИН — СЫН СКАЛЫ

Там, где каменная тропинка круто сворачивает к широкой тропе, идущей в сторону перевала, в тени высокой сосны стоит гранитный обелиск. У подножия красноватого камня лежат полевые цветы.

Имя юноши, похороненного здесь, известно. Но альпинисты, часто бывающие в этих краях, называют этот красный гранит «камнем скалолаза».

Это был известный и мужественный скалолаз. Многие ночи довелось ему ночевать в горах, прижавшись к холодному телу крутых скал. И не одну группу гостей — альпинистов проводил он, минуя камнепады, к высокому безмолвью белых великанов. Молодой горец, который у порога дома мог чувствовать дыхание родных гор, хорошо знал их суровый нрав. Но любовь его к белоснежным вершинам была такой же высокой, как и эти вершины.

В числе первых юношей отправился на фронт и Скалолаз. Но скоро его вернули назад, в тыл, в родное ущелье. Вернули для выполнения особого задания. А задание это было, как нередко бывает в военное время, секретным.

Иные аульчане смотрели в спину Скалолаза недобрым взглядом. Почему, дескать, при добром здравии, воин вернулся обратно. А другие-то сыновья сражаются.

И грустно становилось Скалолазу от этих недобрых взглядов. Но не объяснишь же им, что не по своей воле вернулся он в родное ущелье. Не расскажешь же им, что он остается солдатом и здесь.

Позже эти недобрые взгляды стали вопросительными. Куда же водит Скалолаз вновь прибывших молодых людей. А еще позже все стало известно.

Один старик пастух увидел, как молодые люди при полном боевом снаряжении учились подниматься на скалы.

Враг наступал.

Горячие сражения шли уже в предгорьях Кавказа.

Спешат вражьи силы поскорей добраться до перевалов и проложить дорогу в Закавказье, к бакинской нефти и еще дальше. Впереди идут фашистские альпинисты дивизии «Эдельвейс». Что и говорить, бывалые вояки и опытные альпинисты.

К тому же, надо заметить, весьма самоуверенные и, как любой фашист, жестокие. Они покорили Крит, норвежские фьорды, в Югославии воевали. Считают себя непобедимыми. Оттого они так хвастливы, оттого они так самоуверенны.

Только защитники Кавказа не намерены их пропустить через перевалы. Более того, советский солдат горит желанием остановить и разгромить чванливых эдельвейсовцев, очистить родную землю от ненавистных захватчиков.

Опытный Ганс Дёринг не впервые на Кавказе. Он приезжал в эти края до войны, в штормовке альпиниста. А точнее — в овечьей шкуре с волчьим сердцем. А сейчас у него прекрасное настроение. Он хозяйским глазом оглядывает недалекие гряды гор и уверен, что война вот-вот кончится, а он будет в этих краях владыкой.

Да только поспешил он. Вернее — ошибся. Жестоко ошибся...

В тот же вечер группа советских солдат отправилась на перевал, чтобы укрепиться там да подготовиться к достойной встрече незваных гостей. Остался только Скалолаз.

«Я их задержу здесь, — сказал он. — На много ли, мало ли, но остановлю эдельвейсовцев, чтобы вы хорошо укрепились. Я неплохо стреляю», — похвастался Скалолаз впервые в жизни.

Жаль командирам оставлять молодого воина. Но настоял Скалолаз. Обещал догнать друзей. «А если придется умереть, — сказал Скалолаз, — то потребую у врага достойную цену».

Остался молодой воин, друзья пошли дальше к перевалу. Выбрал Скалолаз удобное место над замшелой скалой. А сам хорошо замаскирован. Вокруг камни, которые должны его защищать от вражеских пуль.

Тиха осенняя ночь. Даже ветры быстрые с гор в это время будто промчались стороной. Лишь всплески волн легкоструйной горной речки доносятся сюда словно из-

под земли. Слушает Скалолаз эту тишину и эти всплески. Видит, как лунный свет лег на окрестные скалы, словно желтовато-прозрачный шарф.

Положил Скалолаз гранаты на плоский камень возле себя. Он почему-то напоминали такие пышные румяные локумы, которые умела готовить только его мать. Воин протянул руку к узлу и достал кусок чурека и рассыпчатый солоноватый сыр. Поел, слушая ту таинственно-тревожную тишину.

С рассветом раздался не свойственный для горного ущелья гул. Скоро появились вражеские мотоциклисты. А за тремя мотоциклами и тяжело гудящая машина с двумя десятками эдельвейсовцев.

Скалолаз прицелился в офицера, сидящего в люльке мотоцикла. Выстрел — и пезадачливый завоеватель вскрикнул, схватившись обеими руками за голову и сник. Все вокруг заговорило, зашумело. Фашисты остановились и стали стрелять во все стороны. Молчавшее доселе ущелье громко стало вторить эхом. Но к выстрелам прибавился и грохот камнепада. Нет, не зря выбрал Скалолаз это место. Вместе с каменным градом на головы врагов полетели и те гранаты-локумы. Одна из них угодила в самый кузов машины, в самую гущу эдельвейсовцев. Вместо сраженного фашистского офицера команду принял Ганс Дёринг. Он дает команду, прижавшись к холодной скале. Наконец он обнаружил гнездовье Скалолаза. Не прижимали его к скале ни на Крите, ни в норвежских фьордах. Оттого и возмутился Ганс Дёринг... Он сам решил расправиться со снайпером. Тигриным прыжком он оказался под мшистой скалой. Но знает, что так в лоб снайпера не взять. А потому решил подойти со стороны острого гребня, за которым пуля Скалолаза, как он полагал, его не достигнет. Ловко взбирается вражеский альпинист. Слово всю жизнь рос в этих чужих горах. А солдаты его залегли за камнями и наблюдают. Ловко взбирается Ганс Дёринг, словно желает показать другим, как надо карабкаться по почти отвесному склону. Да допустил маленькую ошибку, роковую ошибку. На мгновение блеснул жестяной значок альпийской фиалки на его егерской шапке и в это же мгновение раздался выстрел. Крик вражеского альпиниста смешался с эхом от выстрела Скалолаза. Покатился Ганс Дёринг вниз и упал

перед своими солдатами. А кровь уже залила жестяной значок белого цвета.

Крит завоевал, фьорды покорил, в Югославии воевал Ганс Дёринг. А здесь кончился путь чванливого завоевателя.

Обозлены вражеские солдаты. Видят, ни винтовкой, ни автоматом не взять снайпера. Решили они тогда убить его миной от горного миномета.

А на перевале между тем укрепившиеся советские воины с тайной надеждой ждали храброго воина — сына скалы.

МАТЬ СОЛДАТА — АСЛИЖАН

Вот уж год как мать солдата Аслижан проводила на фронт единственного сына. Столько уже прошло времени, а никакой весточки от солдата.

Тягостно и мучительно Аслижан.

Ведь получают же другие матери те бесценные треугольнички. Но сколько бы ни ожидала Аслижан девушку-почтальона, нет вестей ни радостных, ни печальных.

Много повидала горянка на своем веку. Много было радостных дней, озарявших ее доброе, красивое лицо, немало было и дней печали. Но вот уже год, как лицо ее, уподобившееся осеннему небу, ни разу не осветила даже малая улыбка.

В один из дней в село пришла колонна отступающих наших солдат. Грустны лица изможденных красноармейцев. Грустны и жители села, окружившие раненых бойцов. Аслижан подошла к тяжело раненному, совсем молодому парню, который лежал в подводе и тихо стонал. Он заметил горянку и горячие губы солдата прошептали «мама». Аслижан тяжело вздохнула, погладив его холодный лоб.

Вдруг она резко повернулась и пошла искать командира. Нашла и, волнуясь, сказала:

— Оставьте мне вон того, несчастного. Он не выдержит долгого пути. Плохо ему. Я выхожу солдата.

— Это невозможно, мать. Сюда не сегодня-завтра могут прийти фашисты.

— Я спрячу его. Я вылечу, поставлю на ноги несчастного парня. В дороге он пропадет. Уже холодно. А горная дорога и без того тяжелая. Пропадет он. А я его буду лечить. Беречь буду как сына. Оставь его, командир, мне. Спрячу его. Никто не найдет. Поверь мне. Прошу тебя.

Не сразу согласился командир. Посоветовался с другими офицерами. И, наконец, сказал:

— Спасибо, мать. Ты очень добрая. Но знаешь что будет, если в твоём доме враги найдут красноармейца?

— Знаю. Хорошо знаю. Только вы поскорей возвращайтесь. А за парня не беспокойтесь. Верну вам его. Поверьте мне.

Ушли бойцы. А раненого товарища оставили матери солдата Аслижан.

Ни днем, ни ночью покоя не ведая, лечит Аслижан бойца, повязки меняет, лекарства кладет, теплым молоком поит да рассыпчатым сыром кормит. Балкарским чуреком потчует и айраном шипящим. Тепло солдату в свитере, связанном горянкой, да в носках и рукавицах, что сделали материнские руки.

Но скоро враг вступил в село. Но и теперь не растерялась мать-горянка. Надежно укрыла бойца.

Нескоро прошли опасные и трудные дни и ночи под вражьи сапогом. Но прошли. А солдат к тому времени уже окреп, сил набрался и друзей своих ждёт. А последнее лекарство его окончательно вылечило. Это была весть о победе наших войск под Сталинградом. Хорошее лекарство.

Не обманул и командир. Вернулся, как говорил. Рада очень Аслижан, что погнали красноармейцы злых врагов. Рада и счастлива Аслижан. Рада, но грустная эта радость. Привыкла она к синеглазому парню в рыжих кудрях. Привыкла к нему и тягостно теперь расставаться. Да что поделаешь. Война-то ведь еще не кончилась. Бойцы нужны армии.

Не показала слез Аслижан, когда названный сын, попрощавшись, ушел догонять друзей-бойцов. Только

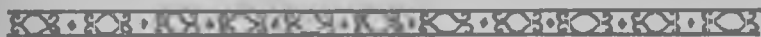
долго стояла еще она, когда сын исчез за первым поворотом горной дороги. Нет, не плакала Аслижан.

Горят фашисты в огне священной мести. Храбро сражается рыжекудрый боец. Много у него ратных забот. Но находит он время и для того, чтобы отправить весточку матери-горянке, матери солдата — Аслижан. Так, мол, пишет, и так. Сражаемся и приближаем тот день, до которого, быть может, доживем не все. Но ты, мать, не грусти.

Настал и тот день долгожданной Победы. Ликует страна, веселится. Не было такого праздника, такого веселья, как в День Победы. Но после того златокрылого дня начались дни ожиданий.

Ждут матери сыновей. Ждет Аслижан своих сыновей. Но дождалась только одного. Зашел он в дом не стучась. Обнял он солдатскую мать Аслижан. А та, счастливая и растерянная, долго смотрела на уже сидящего офицера с множеством боевых наград на груди. Да, постарел сын. Поредели те волнистые рыжие кудри. Но остались такими же ясными, как близкое летнее небо гор, глаза сына.

— Вот и я дождалась,— сказала мать, не отрывая взгляда от сына. Будет Аслижан ждать и другого сына. Но откуда ей знать, что это будет вечное ожидание...

ОГНИ ДОЛИНЫ ВЕТРОВ

Азрет даже приблизительно не мог сказать, когда полюбил море. Море, которого он никогда не видел, но почему-то был знаком с ним очень давно. Может быть, потому, что на море погиб отец. А может быть, потому, что море было далеким, но не как сказки, а как действительность, до которой стоит только добраться и — увидишь...

Старый Бисолтан был для него и дедом, и отцом, и другом. Старик был малограмотным, хотя любил рассказывать, как в далекие годы в ликбезе он слыл самым

прилежным учеником. Читал он не очень бегло и делал много ошибок в письме. Зато старый Бисолтан много видел и много умел. Он мог за день смастерить люльку для новорожденного, да еще с веселыми узорами. Мог косить траву на отвесном склоне.

Только вот моря он не видел тоже.

Так и умер старый Бисолтан, не увидев моря.

В родных горах было огромно синее небо, по ночам усеянное близкими, крупными звездами. Были там грохочущие водопады, были там бурные реки.

Но моря не было.

С давних времен в горах ходили легенды об удивительных странствиях и морских приключениях Синдбада-морехода. Это были древние арабские китабы. Старый Бисолтан помнил эти китабы так, как будто был свидетелем всего, о чем они повествовали. В долгие зимние ночи у теплого очага старик тихим и таинственным голосом рассказывал о веселых и страшных злоключениях непоседливого неугомонного Синдбада. А Азрет слушал, пока глаза сами не начинали смыкаться.

В маленьком зеленом узбекском поселке сверкал на солнце пруд. Там ловили рыбу и купались. Там была даже одна дырявая лодка. Если заткнуть в этой лодке пробоину соломой, можно было успеть проплыть на ней поперек пруда. Пруд имел бы сходство с морем, если бы все вокруг него было в сто или в тысячу раз меньше, чем было на самом деле.

Был в поселке еще один человек, который знал, чего не хватает пруду, чтобы стать морем. Звали этого человека Равиль, а происходил он из большой директорской семьи.

— Пруд маленький потому, что лодка большая,— сказал Равиль, и Азрет увидел, что это так и есть.

Поэтому Азрет и Равиль сделали маленький парусник и спустили его в пруд. Теперь пруд стал значительно больше, чем был. И волны его, которых не боялись даже куры, вдруг превратились в могучие волны, взмывавшие к небу корабль.

Для маленького парусника пруд был морем.

...Парусник немного покачался в нерешительности у берега, но когда кто-то из рыбаков подтолкнул его длинным удилищем, тихонько тронулся, и голубоватые

его паруса надулись. Утята, плававшие недалеко, недоуменно поглядели на странную птицу и предусмотрительно отплыли подальше. А рыбаки, забыв о своих поплавках, смотрели на корабль, который постепенно набирал ход. Прохожие останавливались и смотрели, а Азрет и Равиль сидели на берегу затаив дыхание и чувствовали, что это они — Азрет и Равиль — плывут на паруснике и на них, на Азрета и Равиля, смотрят с берега удивленные люди.

Вдруг, когда славный корабль достиг почти середины пруда, который он превратил в море, — рядом шлепнулся камешек, прилетевший со стороны плотины. Это был обстрел. Второй снаряд пролетел над парусами, третий попал в переднюю мачту. Корабль покачнулся, но, не останавливаясь, продолжал свой путь. Снаряды летели один за другим и ничего не могли поделать с гордым кораблем.

Из-за плотины выскочил парень со злым лицом и, натынув рогатку, выпустил новый снаряд.

— Зачем ты? — окликнул его какой-то рыбоволов.

Парень не ответил. Корабль, который не удается топить, злил его. Он схватил большой камень и уже без рогатки, рукою бросил его — этот камень — вдогонку кораблю. Камень плюхнулся в воду, брызги смочили паруса. Корабль немного накренился, но снова выпрямился и продолжал свой путь.

Рыбоволов поднялся и пошел к злому парню.

— Пусть бросает! — кричал Равиль. — Все равно ему не попасть!

— Прекрати! — крикнул злому парню рыбоволов. — Зачем ты это делаешь?

— Хочу! — с натугой ответил злой парень и швырнул камень. — Пусть утонет!

— Не утонет, — крикнул Равиль.

— Не утонет, — кричали на берегу.

И корабль, как и полагается кораблю, под обстрелом врага, шел к берегу, преодолевая свою опасную дорожку.

Сопровождаемый восторженными криками, корабль издевался над глупым, злым парнем, упрямо шел вперед, достиг берега и мягко уткнулся в желтую глину...

...Азрета наградили в школе портретом великого русского адмирала Ушакова. Морской бой на пруде, по

мнению директора школы, имел воспитательное значение, поскольку оказался событием, в результате которого строители корабля снискали уважение поселка, а парню с рогаткой были надраны уши не то отцом, не то матерью.

Равиля справедливый директор не наградил. Равиль был его сыном, а награждать своих сыновей перед лицом народа директор школы не мог.

В пору летних каникул сельские ребята собирали ягоды шелковицы и сдавали колхозу. Колхозные заготовители сообразили, что, если платить за эту шелковицу, ребята станут собирать ее аккуратнее и немало принесут на склад.

На приемном пункте Азрету и Равилю дали несколько бумажек, стимулировав таким образом их дальнейшую деятельность на поприще сбора тутовых ягод. Ребята оказались хорошими сборщиками. За несколько часов работы им удавалось собрать и отсортировать по два-три ведерка этого добра.

— Нам нужны будут деньги,— сказал Азрет Равилю.

— Ясное дело,— согласился Равиль.

— Ты меня не понял,— испытующе глянул на него Азрет.— Много денег, понимаешь?

— Зачем?

— Затем! — крикнул Азрет и побежал домой.

Они работали еще целую неделю.

— Зачем нам столько денег?—допытывался Равиль.

— Пока это тайна,— отвечал Азрет.— Ты мне друг или не друг?

— Друг,— растерянно отвечал Равиль.

— Тогда терпи...

Однажды, когда отчим сидел в ожидании обеда, который подавала мать, Азрет как бы невзначай вытащил из кармана бумажки:

— Вот. На хозяйство...

Он слышал, что мужчины, принося получку, говорят это самое «на хозяйство».

— Откуда? — спросил отчим.

— Это за ягоды,— небрежно ответил Азрет.— Возьмите.

Азрет-старший с серьезным видом пересчитал деньги и так же серьезно заметил:

— Спасибо. Вот эту бумажку мы немедленно потратим в магазине, а остальное оставь себе. Ты уже взрослый и не должен просить денег, если умеешь их зарабатывать.

— Зачем мне это? — замялся Азрет, несмотря на то, что прекрасно знал, зачем ему деньги. Они ему были сейчас нужны позарез.

— Ты уже смысленный мужчина. Оставь их себе. Пригодятся.

— Он правильно говорит, мальчик, — торопливо поддержала отчима мать. — Оставь у себя. Ты же уже не маленький.

Азрет лениво, как бы делая им одолжение, положил деньги в пенал, где лежала свернутая в трубку карта-схема, срисованная с крупномасштабной карты Средней Азии. На этой карте жирная красная линия тянулась до Ташкента, а оттуда, круто поворачивая на запад, шла до самого Каспийского моря. Два цвета были главными на этой карте: красный — путь к морю, и ярко-синий — само море.

Он был весьма доволен собою. Деньги, как он и предполагал, играют странную роль в жизни человека. Когда их просишь — это стыдно, когда их зарабатываешь — тебя уважают. Деньги сделали свое дело. Родители сами сказали, что он теперь — взрослый. Ну, а если он взрослый, то, следовательно, он уже не маленький. Азрет очень был доволен собою.

— Ты друг мне или не друг? — спросил он Равиля, улыбаясь, как взрослый, приготовивший подарок малышу.

— Ну, что ты опять заладил! — не вытерпел Равиль. — Говори, что надо делать!

— Тогда слушай, — Азрет достал из кармана свою самодельную карту-схему, деньги и положил перед Равилем. — Вот это — карта, а это деньги. Понимаешь?

— Деньги и схему понимаю. А о чем ты хочешь сказать — не понимаю.

— Ну ладно. Так вот, если ты мне друг, едем к морю. Увидим море и вернемся.

— Ты что, с ума сошел! — воскликнул Равиль и даже привстал с места. — Да кто нас пустит?!

— Ты послушай меня внимательно,— втолковывал Азрет.— Поедем поездом. Увидим море, посидим на берегу денек и сразу обратно. Что тут страшного?

— Не отпустят родители,— более спокойно и задумчиво ответил Равиль.— А так, вообще-то было бы интересно... Но не отпустят.

— Я знаю, что не отпустят.

— Так к чему же тогда эта затея?

— Мы уедем без разрешения,— твердо сказал Азрет и внимательно посмотрел в глаза Равилю,— мы уже взрослые. •

— Скажешь тоже,— неуверенно ответил Равиль.

— Уедем не спрашивая. Оставим записки, чтобы не волновались. Так, мол, и так. Не беспокойтесь. Мы уехали вдвоем, скоро вернемся. Увидим море и вернемся.

— Не обижайся, Азрет,— печально сказал Равиль,— но я не смогу поехать с тобой... Ты же знаешь — отец из дому выгонит.

— Ты трус, Равиль! Твой отец? Директор школы? Мугалим? Это же не пе-да-го-ги-чно! Ни за что не выгонит! Он тебя даже не ударит! Он же воспитатель!

— Нет, Азрет, я не трус,— покачал головой Равиль.— Я тебе это как хочешь докажу. И мне хоть одним глазом хочется посмотреть на море. Очень хочется. Но что поделаться... Не обижайся.

— Ну, ладно, Равиль,— холодно ответил Азрет.— Я на тебя не обижаюсь. Поеду сам. Ты не можешь себе представить, как хочется увидеть это море. С настоящими кораблями, штормом, волнами... Мои ведь тоже меня по головке не погладят. Но я уже решил. Завтра утром уеду. Записку оставлю и уеду.

Равиль молчал. Конечно, отец, как директор школы, не тронет. Но мать, конечно, врежет, в этом он не сомневался... А, может быть, решиться?..

Ранним утром следующего дня Азрет вскочил, надел ботинки, недавно купленные отчимом, новую плотную рубашку и пиджак, хотя в это время года никто и не носил пиджаков. Заранее написанная записка гласила: «Я поехал посмотреть море. Через несколько дней вернусь. Я не маленький, вы сами сказали. Поэтому прошу не беспокоиться. Азрет».

Из внутренней комнаты раздавался размеренный храп Азрета-старшего. Этот храп прежде раздражал Азрета, но сейчас он пожалел отчима. Странное чувство жалости и испуга наполняло Азрета. Наверно, впервые в жизни он поднялся раньше мамы. И тишина в доме была какая-то непривычная и неудобная. Он тихо положил записку на стол, разгладил ее ладонью и поставил на угол железную кружку, чтобы записку не сдуло утренним ветерком из окна. И, еще раз посмотрев на двери внутренней комнаты, тихонько вышел из дома.

Солнце еще не взошло. На розовой, предрассветной улице было безлюдно, если не считать торговки кислым молоком с огромными кастрюлями на головах. Они спешили на станцию, на утренний базар.

Азрет торопился, чтобы попасть к поезду и не попасть на глаза кому-нибудь знакомому.

Но знакомый сам ждал Азрета. Он стоял у переезда с котомкой в руках и смотрел на длинный товарняк, конца которого не было видно. Это был Равиль.

— Что ты здесь делаешь? — хлопнул его по плечу Азрет.

— Я еду, — холодно и даже высокомерно ответил Равиль.

— А куда же так рано? — спросил Азрет нелюбопытным взрослым голосом.

— К морю, — так же спокойно ответил Равиль. — А ты куда так рано?

— Туда же! — как бы нехотя ответил Азрет.

— Ну, поедем тогда вместе, веселей будет, — предложил Равиль, как предлагают неинтересное, но неизбежное дело.

— Как же ты решился? — спросил Азрет.

Равиль насупился:

— Вчера возвращаюсь домой. «Где ты болтаешься так поздно?» — спросил отец. «С Азретом был, — говорю, — Разве нельзя?» Он говорит: «Ну это другое дело. Хороший малый. С таким хоть на край света...» Ну, вот наутро я и оставил записку, где написал: «Еду с Азретом, только не на край света, а к морю. Вернемся скоро. Не беспокойтесь».

— Ну и дела, — покачал головой Азрет. — И чем это я ему так понравился?

— Не знаю. Надоело. Чуть что — «Смотри, какой твой друг Азрет!». Как будто я хуже тебя.

— Педагог, — пояснил Азрет, — учит на примере. Радуйся, что он так сказал. Может, не влетит?

— Влететь-то все равно влетит. Но не так все же.

— А может, и вовсе не влетит? За смекалку!

— Ладно, — махнул рукой Равиль. — Там видно будет. Скорее всего, мать поколотит меня, как старый ковер, когда из него выбивают пыль.

На станции тянулся длиннющий товарняк, набитый досками и бревнами. Паровоза при нем не было.

Небольшого роста мужчина в черной замасленной и потому казавшейся кожаной одежде молоточком с длинной ручкой постукивал по колесам вагона. Его лицо, давно небритое, было злым и недовольным. Вдали, на выходе, слабо дымил паровоз, принимая воду из гигантской колонки.

— Как бы не пришлось долго ждать, — сказал Равиль.

— Не бойся. Нам сгодится любой поезд до Ташкента. А дальше, конечно же, пустыки. И денег хватит!

— У меня тоже кое-что есть, — сказал Равиль и вдруг дернул Азрета за руку, — смотри!

— Что ты там увидел?

— А ну-ка, пошли, — решительно крикнул Равиль и вмиг подбежал к товарняку. Азрет помчался за ним. — Прочитай это!

На облупленном борту платформы было написано мелом: «Ашхабад».

Азрет просиял:

— Да, кажется, эшелон едет в Ашхабад... А ведь неплохо для начала! Просто здорово! Теперь бы найти начальника поезда и поговорить с ним.

— Зачем? — удивился Равиль.

— Как — зачем? Мы же хотим ехать...

— Ну и поехали, если хотим! Так тебя и пустит начальник поезда в товарный вагон!

— Нет, — покачал головой Азрет, — мы должны спросить...

Равиль оглядел его с таким пренебрежением, что Азрет даже отвернулся.

— Иди, спрашивай, — сказал Равиль, — он тебе раз-

решит... Вернуться домой. К мамочке! Она еще не проснулась. Ты как раз успеешь!

Азрет засопел и понял, что на такое оскорбление мужчина должен энергично среагировать. Но пока он это понимал, паровоз успел прицепиться, товарняк вздрогнул, лягнул буферами и тихонько тронулся с места.

— Прыгай! — вдруг испуганно крикнул Равиль и вскочил на подножку.

Некоторое время они ехали молча, не глядя друг на друга. А товарняк набирал скорость, словно пытаясь выйти из-под длинного черного паровозного дыма, который его закрывал.

— Плохи наши дела! — сказал Азрет.

— Почему? — спросил Равиль.

— На первой же остановке могут схватить и поди докажи, что ты не жулик или какой-нибудь бродяга.

— Ты опять начинаешь? — возмутился Равиль. — Может, он до самого Ашхабада — без остановки?

Товарняк мчался мимо бескрайнего хлопкового поля. Коробочки только едва начали раскрываться. Вдали белели пышно-белые облака, прижатые к дальним горам. Колеса стучали по рельсам, товарняк отбивал железную дробь на разъездах, не сбавляя хода. Но вот протяжно завыл паровоз, поезд немного убавил свой бег, с лязгом ударили друг в друга круглые щитки буферов. Показались редкие деревца полустанка.

— Все, — сказал Азрет.

— Что «все»?

— Кончилось наше путешествие.

— Ну и чудной ты, Азрет! Уж очень ты чудной, а по правде сказать — трусоватый! Лучше пригнись, чтоб не заметили.

— Что толку?

— А то, что вагонов в этом эшелоне не меньше сорока! Кому придет в голову проверять каждый вагон?

— А если заметят?

— Заметят — прогонят! Прогонят — на другой переедем! Здесь теперь все дороги ведут в Ашхабад!

Но товарняк снова набирал скорость, не остановившись.

Надо сказать, Равиль смелел с каждым километром. Он оказался отчаянным малым, вовсе не похожим на

того тихоню, которого Азрет уговаривал еще вчера.

— Если так будем ехать, за сутки доедем до Ашхабада! — крикнул Равиль.

А поезд мчался, обгоняя ветер, оставляя за собой большие и маленькие селения, сады и степи, малые речки и озерца. Близился вечер. Рядом с поездом неслась его длинная тень. Железные части открытого тамбура раскалились за день, как плита, — не притронешься. Горячий запах смолы от досок и бревен несся над вагоном — спокойный домовитый запах.

Мальчики, прислонившись спинами друг к другу, стали засыпать под размеренный стук колес, вздрагивая от нечастых гудков паровоза, который, должно быть, и сам гудел, чтобы не уснуть...

Грозный окрик разбудил ребят, и это кричал отнюдь не паровоз. Первым пришел в себя Равиль. Он соскочил с места и попытался было удрать. Но Азрет успел схватить его за рукав.

— Где вы сели, кто такие, куда едете? — скороговоркой произнес недобрый коренастый человек, и видно было по всему, что он не из тех, кто любит часто шутить. В одной руке он держал фонарь, а в другой молоток с длинной ручкой. Он поочередно смотрел на ребят, словно выбирая, кого первым огреть этим молотком.

Он, конечно, не дождался ответа.

— Чего я тут с вами разговариваю, словно дел других нет, — сказал он. — Ну-ка быстро!

На станции, кроме малоосвещенного перрончика и небольшого одноэтажного домика, ничего не было.

Ребята молча шли впереди этого злого человека, подгонявшего их обидными словами, среди которых не самым обидным было слово «хулиганы».

— Мы не хулиганы, — наконец сказал Азрет.

— А кто же вы такие есть? Бродяги, да?

— Мы едем в Ашхабад, — сказал Равиль, — там живет наша тетьа, может, знаете...

— Тетьа? Я вам сейчас покажу тетьу! — пообещал злой человек.

Навстречу вышел круглолицый мужчина с заспанными глазами. Лицо его было кислым, как будто он все время хотел сказать: «И ночью нет покоя, что за жизнь?»

Но вместо этих слов он сказал «Садитесь» и кивнул на грязную деревянную скамейку. При этом он так продолжительно зевнул, что на узких глазах его проступили сладкие слезы.

— У нас нет времени сидеть, — заявил злой человек (мальчики были уверены, что именно он хозяин поезда), — этих бродяг оставь при себе и утром сдашь милиции. А я спешу, эшелон через десять минут должен отправиться.

Но Равиль недаром рос в семье хорошего педагога. Равиль начал говорить, и трудно было разобрать, где он говорил правду, а где — неправду, так хорошо он умел говорить.

— Мы школьники, — сказал Равиль. — Мы не хулиганы и не бродяги. В Ашхабаде живет наша тетя. Не скрою — двоюродная, но все же тетя, и мы решили во время каникул ее проведать! Разве это плохо? Она такая старенькая и такая больная!

Теперь слезы появились на честных глазах Равиля.

— А-а, голова болит от таких легенд, — сказал хозяин поезда, отворачиваясь, чтоб не видеть слез. — Почему все одно и то же твердят — «тетя больная». Неужели нельзя придумать дядю, бабушку! Э! Неинтересно! Кстати, почему вы не поехали пассажирским поездом, а решили именно в тамбуре товарного?

Азрет вместо ответа гордо выпрямился, вытащил из кармана деньги и протянул их злому человеку:

— Возьмите! Мы не успели купить билет на пассажирский! Здесь как раз сколько надо!

— Возьмите, — кивнул Равиль. — Мы это честно заработали!

Хозяин поезда не спеша взял деньги и поочередно посмотрел на мальчиков.

— «Честно» — говорите?

— Послушай, дорогой, — заговорил наконец заспанный мужчина, — ни днем, ни ночью покоя нет. Что за жизнь? По всему видно, что ребята неплохие. Вези-ка ты их до Ашхабада и пусть передадут от меня привет своей тете.

И снова зевнул, но на этот раз без слез.

— Тебе-то что! Тебе бы только избавиться от них, — сказал хозяин поезда. — А у меня и так забот по горло! Тетя! У всех тетя! Один я — сирота!

— Слушай, — сказал заспанный, — милицию звать, протокол писать, телеграмму давать!.. Э? Зачем ерундой заниматься? Ты не приводил, я не видел...

— Шайтан вас всех заберит! — проворчал хозяин поезда, вышел и ребята поняли, что надо идти за ним. — Зовут меня Эрмек, — сказал он, остановившись возле небольшого вагончика, — впрочем, какое это имеет значение! Садитесь побыстрее!

Ребята переглянулись и быстро вскочили в полуоткрытую дверь вагончика, откуда шел запах свежескошенного сена. Внутри было тепло и тихо. На противоположной двери висел фонарь, а под высоким маленьким окошком виднелась постель, прикрытая серым байковым одеялом.

— Вот, значит, такие дела, — сказал дядя Эрмек, почесывая за ухом. — Мало было у меня забот! А теперь вот аллах послал еще вас. Но раз такое дело — вы тоже должны поработать.

— Мы согласны, — оживился Равиль.

— Что мы должны делать? — с готовностью спросил Азрет.

— Состав сторожить! Смотреть, чтобы никто на остановке не сел! До Ашхабада шесть остановок! Так вот сразу же выпрыгивайте с обеих сторон и сторожите состав!

— Это мы сможем, — сказал Равиль, присаживаясь на угол постели.

— Чуть что — свистите! А я со своим ружьишком буду пугать всяких там умников, которые к тете торопятся! Все ясно?

— Ясно! Что там говорить! Мухе не позволим сесты! — бойко ответил Равиль, моргнув Азрету.

— А теперь, рассаживайтесь, — сказал хозяин поезда. — Чай будем пить. Подайте мне тот узелок...

Когда человек едет без билета на товарняке, путешествие не может доставить ему удовольствия, потому что он ничего не видит в пути. Он думает не о том, чтобы увидеть, а о том, чтобы его самого не увидели. Он сидит тихо, забившись в угол между бревнами, и страшится высунуть нос. Ему кажется, что каждую минуту его могут поймать, и в этом он недалек от истины.

Но судьба играет не только в скверные игры. Иногда она оборачивается так, что человек из ловимого становится ловцом и тогда уж он наверстывает упущенное. Он уже ничего не боится и никого не боится, а совсем наоборот. Стоит ему свистнуть, как прибежит дядя Эрмек и скрутит любого, кто смеет ехать без билета да еще на товарном поезде, везущем государственный груз! За это по головке не гладят! И чем больше боялся человек сам, тем больше страху он нагонит на того, кого судьба не сделала ловцом.

Жизнь становится прекрасной. Злющий хозяин поезда превращается в заботливого дядю Эрмека, теплушка становится родным домом, появляется беспечная возможность глядеть по сторонам, творя себе великое удовольствие от путешествия.

Азрет и Равиль сидели в открытой двери, свесив ноги, как солдаты, возвращающиеся с войны. Им было все можно.

Вдали по ходу поезда возникали лазурные блики, как паруса, и пустыня перестала быть однообразной. Как будто появился на ней легкий невесомый корабль.

— Наверно, мираж, — предположил ученый Равиль, и Азрет обрадовался, что увидит одну из тайн пустыни.

— Это не мираж, — сказал дядя Эрмек, — это — правда.

Поезд приближался к какому-то селению. За большим барханом лежали, как забытые кем-то, глинобитные кибитки, а между ними торчали тополя, упираясь острыми верхушками в синее небо. Но синее синего неба высился над всем лазоревый купол и переливался под лучами жгучего солнца пустыни.

Поезд замедлил ход, уважительно приближаясь к нему. Легкие стрелы минаретов сторожили этот купол, его узоры зеленого и голубого цвета и каменные письмены, хранящие в себе древнюю мудрость. Безжалостное время разрушило углы, отбило пластинки мозаики, оставляя мертвый след пустынных бурь. Ребра купола треснули. Но всем ветрам назло и наперекор солнцу, вопреки времени стоял этот великолепный корабль бескрайней пустыни, стоял и, не ощущая ран своих, снисходительно поглядывал на дымную гриву суетливого состава со строительным лесом.

— Кто его построил? — тихо спросил Азрет.

— Э! — сказал дядя Эрмек. — Люди! Люди строят, люди разрушают... Разве вспомнишь — кто?

Образованный Равиль сказал:

— Эмиры привозили великих мастеров и заставляли их строить. А потом — убивали.

— Зачем? — удивился Азрет.

— А чтобы они в другом месте еще лучше не построили. Мне отец рассказывал.

Азрет повернулся к дяде Эрмеку. Неужели правда?

— Убивали, — кивнул дядя Эрмек, — чтобы у них было, а у других не было.

— Зачем же они тогда строили? Они же знали, что их убьют! — сказал Азрет.

Дядя Эрмек не ответил. Кто может сказать, станет ли строить строитель, даже если знает, что его убьют за это.

— Мы здесь можем немало простоять, — сказал дядя Эрмек. — Поэтому приказываю быть внимательными! Чтобы ни одна доска... Даст бог, завтра утром должны быть в Ашхабаде...

Вообще-то дядя Эрмек говорил мало.

Со стороны могло показаться, что он терпит своих пассажиров потому, что взял с них деньги. Но тогда зачем он их кормит и поит чаем и уступил им свою постель, как будто они ему родственники? Станный человек был этот хозяин поезда — и злой и добрый, и жадный и щедрый. Вот он сидит в углу вагона и вполголоса мычит однообразную и грустную песню. И ребята почему-то жалеют его.

Вечер наступил почти внезапно. Небо вдруг из бледно-голубого стало розовым, красным и скоро наступил мрак, бескрайний и глубокий, похожий на пустыню, которой нет конца...

— Дядя Эрмек, — сказал Азрет, — вы бы отдохнули... А то из-за нас всю ночь без сна и покоя...

— Зачем мне теперь отдых и покой? — спросил дядя Эрмек. — Это, может быть, мне даже вредно. Ложитесь и спите...

Действительно, непонятно было, когда он спал.

Утром дядя Эрмек разбудил их:

— Вставайте, ребята, Ашхабад...

Товарняк шел медленно, будто боялся зацепиться за вагоны и платформы, стоявшие с двух сторон. Брев-

на, ящики, короба, цистерны битком набили станцию, и непонятно было, что за ними — город или все та же пустыня.

— Ашхабад, — грустно сказал дядя Эрмек, — эшелоны, эшелоны...

И покачал головою. Он не радовался, дядя Эрмек.

— Вы разве не ашхабадский? — спросил Азрет.

— Ашхабадский... Почему спрашиваешь?

Азрет замялся:

— Как будто вы не рады, что приехали...

— Э! — вздохнул дядя Эрмек. — Раньше радовался... Теперь не радуюсь...

— А почему не радуетесь теперь? — спросил Азрет. — Нам было неудобно об этом спрашивать... но вы все время грустите.

— Грущу, говорите... — дядя Эрмек посмотрел на плывущие за вагонной дверью платформы и вздохнул: — Когда здесь случилась беда, я был в очередной поездке. Дома оставались жена и сын. Когда я вернулся, город был в развалинах. Землетрясение... Живые разгребали обломки, чтобы спасти погребенных... Но не всех удалось спасти... Этого горя хватит на всю жизнь.

— Простите, что напомнил об этом несчастье, — грустно сказал Азрет.

— Вы ничего не напомнили, — погладил его по голове дядя Эрмек. — Это перед моими глазами. Я и не забывал ничего. И даже во сне не могу избавиться... Вот так, мальчишки... Теперь доски вожу... Цемент, кирпичи... Город-то, конечно, будет... Людей не вернуть.

Лязгнули стальные буфера, и поезд остановился.

— Подождите, ребята, — сказал дядя Эрмек. — Возьмите свои деньги...

— Нет, не надо, — почему-то покраснел Азрет. — Мы как-нибудь.

— Возьмите, — сказал дядя Эрмек. — Я их взял, чтобы вы не убежали. А теперь берите. Да будет ваша дорога счастливой!

Кто может сказать, когда радость сменяется грустью?

Ребята молча пробирались через бесчисленные эшелоны, ныряя под вагоны, пока не добрались до самой станции.

— Ну что, теперь до моря пешком? — спросил Равиль.

— Вот что, Равиль, — сказал Азрет. — Мы успеем увидеть наше море... Пойдем в город... Дома все равно влетит теперь. Так что три дня или неделя — все равно...

— Равиль! Равиль! Я вижу море! Настоящее море, — Азрет, падая и вставая, бежал вперед. Там в лучах солнца играла яркая серебристая полоса.

Они бежали долго. Или так показалось, что долго. Ноги вязли во влажном и мягком песке.

Море! Громадное, до самого неба — море! Оно глухо дышало, подкатывая небольшие волны к ногам ребят, и волны эти уходили в песок, оставляя на нем нежную, быстро гаснущую пену. Солнце серебрило его, как будто оно было металлическим, оно даже позванивало еле слышно.

— Азрет! — тихо сказал Равиль. — Ведь это море! Самое настоящее море!

Азрет молчал. Он вспомнил старого Бисолтана, который первый рассказал ему о море. Сам-то он умер, так и не увидев моря. Умер. Азрет знал уже, что это означает.

— Равиль, — сказал Азрет, — что там за морем, знаешь?

— Знаю, — кивнул ученый Равиль. — Там Кавказ... Там Долина ветров.

— Верно, Кавказ...

Азрет присел и набрал в ладони воды вместе с песком:

— Эти капли не раз побывали там... И сейчас отправятся туда...

— Ясное дело! — не возражал Равиль. — Если подняться высоко, можно увидеть Кавказ и огни Долины ветров...

Сказал и осекся. Глаза его друга были так спокойны и так грустны, что Равилю стало почему-то совестно.

— Азрет, — тихо сказал Равиль. — Я читал стихи такие... Когда человек о чем-нибудь мечтает и сильно хочет, чтобы мечта сбылась, она обязательно сбывается..

— Наверное, так, — вздохнул Азрет и, сев на песок, обнял колени.

Он сидел и смотрел на море, и Равиль чувствовал, что надо его чем-то утешить, а чем — не знал.

— Смотри, — крикнул Равиль, — пароход! Он похож на плавающий дом!

Равиль как будто развлекал маленького, которому нужно сунуть игрушку, чтобы не заревел.

— Смотри! — бодрился Равиль, — трактор пашет волны!..

— Это не трактор, — тихо сказал Азрет. — Обыкновенный катер.

Катер, вспарывая воду и назойливо тарахтя, приближался к берегу. Равиль от восторга начал прыгать как островитянин, которого приехали спасать.

Катер, внезапно погасив скорость, уткнулся носом в песок. Двое загорелых военных ловко спрыгнули с катера. У одного на шее висел большой черный бинокль. У другого из-за плеча, как тяжелое крыло, торчало ложе автомата. Солдат с биноклем был, наверное, главным, потому что имел на погонах по три красных полоски. Он был черен и с черными усиками. На груди его сверкали две медали. Автоматчик был юн и белобрыс. Волосы его напоминали спелую пшеницу, а глаза синели, как небо над морем.

— Что вы, ребята, здесь делаете? — спросил старший.

— Мы? — Равиль растерялся и посмотрел на Азрета.

— Да, вы! Других я здесь не вижу, — сказал старший недобрым голосом.

— Товарищ начальник, мы совсем не знали, что здесь нельзя, — заговорил Равиль жалобно и торопливо.

«Расскажи ему про тетю», — усмехнулся про себя Азрет, который вдруг почувствовал какую-то необычную смелость, смелость, похожую на безразличие. Он даже не поднялся с места — а, все равно!

— Документы! — железно сказал старший.

Но Равиль не стал рассказывать про тетю.

— Мы приехали, чтобы увидеть море, — сказал Равиль. — Издалека приехали... Из Киргизии. Чтобы только увидеть море.

Военные переглянулись. Тот, у которого волосы, как

пшеница, пожал плечами. А старший попеременно оглядел Равиля и Азрета.

— А что тут смотреть? — спросил он и сам посмотрел на море.

— Мы его никогда не видели, — уговаривал Равиль.

— Мало ли чего вы не видели... Документы...

И тогда Азрет встал и твердо посмотрел в глаза пограничнику.

— Мы приехали, чтобы увидеть море и вернуться, — сказал он. — Мы не знали, что для этого нужны документы... Мой отец погиб на море...

Старший отвел глаза:

— Где погиб? Здесь?

— В Севастополе...

— А не врешь?

— Товарищ сержант, — тихо сказал белобрысый, — не врет... Сейчас заревет...

— Я не зареву! — возразил Азрет, чувствуя, что действительно не заревет.

— Это хорошо, что не заревешь, — сказал старший и неопределенно мотнув головою в сторону моря, спросил: — Вы оттуда?

Азрет молча кивнул.

— Если начальство налетит, — сказал старший, — попадет. Так что — посмотрели и хватит...

Он глянул на море так, как будто видел его в первый раз.

— Действительно... Красиво...

— Красиво, товарищ сержант, — подтвердил белобрысый, — вроде как бы луг, только без травы... Это что же вы, ребята, из самой Киргизии пиляли? У нас тоже был один в деревне — сядет, бывало, на пенек и смотрит кругом, как дурной... Любил природу...

Старший снова насупился:

— Разговорчики! Поехали...

— Пока! — кивнул белобрысый и побежал к катеру вслед за своим начальником.

Катер взревел и умчался, ударяясь о тугую морскую воду.

— Вот видишь, — сказал Равиль, — ничего они нам не сделали... Люди — добрые, они только бывают злыми... Иногда... А вообще — они добрые...

Белый пароход, залитый лучами предвечернего солн-

на, шел на запад. Он шел на Кавказ. Он уже уходил к горизонту. За которым — Долина ветров.

Катер круто срезал волну, снова приблизился к берегу, покачался, раздумывая — но вдруг лихо развернулся и полетел в открытое море...

— Пойдем, — сказал Азрет.

— Ты что — не рад? — спросил Равиль.

— Почему... Рад... Я очень рад, — кивнул Азрет.

Как он мог объяснить, что человек, мечтающий увидеть море, и человек, увидевший его, — разные люди. Один думает, как до моря добраться, а добравшись, становится другим и думает, как это море пересечь...

Теперь он шел и думал, а Равиль не мешал ему думать, потому что был настоящим другом.

Они молча добрались до станции.

Поезд на Ташкент отправлялся через два часа...

СОДЕРЖАНИЕ

Автобиоэссе

8

ЗНАТОК ИЗ ГЕРПЕГЕЖА.

Юмористические рассказы

Вот так и живем. Перевод М. Эльберда	7
Тот роковой вопрос. Перевод М. Эльберда	13
Злой попутчик. Перевод М. Эльберда	19
Год медовый. Перевод М. Эльберда	23
Цена топора. Перевод Ю. Егина	28
А пока — терпение! Перевод М. Эльберда	31
Медаль Бисолтана. Перевод М. Эльберда	35
В гостях у ангелов. Перевод Ю. Егина	40
День рождения. Перевод М. Эльберда	45
Знарок из Герпегежа. Перевод В. Кузьмина	49
Первая роль. Перевод Л. Лиходеева	55
Без позвоночника. Перевод Л. Лиходеева	59
Такой умный мальчик. Перевод Л. Лиходеева	63
Домалая и Зеке. Перевод Л. Лиходеева	67
«Как сердце подскажет...» Перевод М. Эльберда	72
Проводы. Перевод М. Эльберда	79
О пользе шайтан-су. Перевод В. Кузьмина	83
Хабиль и доктор. Перевод Л. Лиходеева	89
Приключения Хаджи-Абрека. Перевод М. Эльберда	95
Брак по-герпегежски. Перевод В. Кузьмина	104
Поединок. Перевод М. Эльберда	110
Не бойтесь роботов! Перевод Ю. Егина	114
Вирус инкогнитус. Перевод М. Эльберда	117
Дар бесценный Татуки. Перевод М. Эльберда	120
Сладкие дни Доммая. Перевод М. Эльберда	126
Белый телефон. Перевод Ю. Егина	132
«Волга», родственники и я. Перевод Ю. Егина	134
Похвала добродетели. Перевод М. Эльберда	137

Шайтан-арба. Перевод Ю. Егина	143
Знакомство с иностранкой. Перевод М. Эльберда	145
Печальный эндшпиль. Перевод М. Эльберда	148
Точь-в-точь, как в жизни. Перевод М. Эльберда	152
Застенчивая Аслижан. Перевод автора	156
Здравствуй, Несравненная! Перевод автора	160
Собака для Заурбека. Перевод М. Эльберда	162
Письмо Зекерья сыну-солдату. Перевод М. Эльберда	166

СЛАВНЫЙ ВОИН — СЫН СКАЛЫ.

Р а с с к а з ы

Мост Герюгова. Перевод Л. Лиходеева	175
Гармонистка Марзият. Перевод Л. Лиходеева	180
Рассказ про старого осла. Перевод В. Кузьмина	186
Славный воин — сын скалы. Перевод автора	194
Мать солдата — Аслижан. Перевод автора	197
Огни Долины ветров. Перевод Л. Лиходеева	199

Гуртуев Э. Б.

Г95 Точь-в-точь, как в жизни! Рассказы. Пер. с балк./Худож. А. И. Ременник.— М.: Сов. Россия, 1980.— 224 с., ил.

Сборник рассказов, в котором автор с доброй улыбкой рассказывает о сегодняшних днях, о наших современниках, а также об истории одного из возрожденных Советской властью народов Кавказа.

Г 70303—051 148—80 4702110000
М-105(03)80

С(Кав)2

Эльдар Бертович Гуртуев

ТОЧЬ-В-ТОЧЬ, КАК В ЖИЗНИ

Редактор *Т. И. Петелина*
Художественный редактор *Е. Ф. Николаева*
Технический редактор *М. У. Шиц*
Корректор *Г. М. Ульянова*

ИБ № 1864

Сдано в набор 08.01.80. Подп. в печать 30.05.80.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 3. Гар-
нитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л.
11,76. Уч.-изд. л. 11,41. Тираж 50 000 экз. Заказ 1085.

Цена 70 к. Изд. инд. ЛН-54.

Издательство «Советская Россия» Государствен-
ного комитета РСФСР по делам издательств, по-
лиграфии и книжной торговли, 103012, Москва,
проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома
Государственного комитета РСФСР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли,
г. Электросталь Московской области, ул. им. Те-
восьяна, 25.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой книге и пожелания присылать по адресу: 103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15, издательство «Советская Россия».

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

Готовится к выпуску книга:

Боков А. Багровые зори

Роман посвящен коллективизации ингушской деревни, протекавшей в острой классовой борьбе.

Главные герои романа — комсомолец Мурад и его невеста Залихан — проявляют удивительную стойкость и мужество в схватке с врагами колхозной жизни, бескомпромиссно борются за счастье односельчан и за свое личное счастье. Писатель создает живые обаятельные характеры, привлекая внимание читателя острым сюжетом и драматическими судьбами героев.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

Вышла в свет книга:

Х а б б и б у л и н М. М. Водовороты

Самобытно рисует автор свой родной край, его природу, психологически верно воссоздает внутренний, беспокойный мир своих героев — тружеников-хлеборобов, их любовь к родной земле.